

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)
Региональное отделение общества русской словесности
во имя митрополита Макария (Московского)
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
ФГБУ ВО РФ «Луганский государственный педагогический университет»

Дали Даля

Сборник статей
по материалам Всероссийской (с международным участием)
научно-практической конференции молодых учёных
«Далевские чтения»,
посвящённой Дню славянской письменности и культуры

15-17 мая 2023 г.

Белгород 2023

УДК 811.161.1*27(470.325)

ББК 81.2Р-3 (2...)

Д 15

Рецензенты:

Л.И. Плотникова, доктор фил. наук, профессор, профессор кафедры русского языка и русской литературы педагогического института НИУ «БелГУ» (Белгород);

В.И. Ковалев, канд. пед. наук, доцент, доцент кафедры русского языка и культуры речи ЛГУ им. Владимира Даля (ЛНР, Луганск).

Редакционная коллегия:

ответственный редактор – И.И. Чумак-Жунь, доктор фил. наук;

члены ред. коллегии – М.М. Голикова, канд. фил. наук; К.К. Ли, канд. фил. наук; А.С. Титова, канд. фил. наук; П.А. Чересюк, канд. фил. наук

Д 15 **Дали Даля** : материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции молодых учёных «Далевские чтения», посвящённой Дню славянской письменности и культуры (15-17 мая 2023 года) / Отв. ред. д. филол. н. И.И. Чумак-Жунь. – Белгород : ООО «Эпицентр», 2023. – 160 с.

ISBN 978-5-6050250-7-8

Издание представляет собой сборник статей и материалов Всероссийской научно-практической конференции «Далевские чтения» (15-17 мая 2023 года, Белгород, педагогический институт Белгородского государственного национального исследовательского университета). В материалах рассмотрены актуальные для современного этапа развития филологии культурологические, лексикографические и лингвометодические проблемы. Участники «Далевских чтений» обозначили роль В.И. Даля и его «Толкового словаря живого великорусского языка» в истории русской культуры, рассмотрели словарь как объект и инструмент филологического анализа, обратились к далевским традициям в филологических и историко-культурных исследованиях, к новым формам изучения наследия В. И. Даля в вузе и школе. Материалы сборника представляют интерес для преподавателей и студентов гуманитарных факультетов вузов, школьных учителей, для всех, кто интересуется историей и современным состоянием русского языка.

УДК 811.161.1*27(470.325)

ББК 81.2Р-3 (2...)

ISBN 978-5-6050250-7-8

© Авторы статей, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 1. ТЕКСТ СЛОВАРЯ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О КУЛЬТУРЕ И ОБЩЕСТВЕ	5
Алейник Ю.В. ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ В.И. ДАЛЯ)	5
Борzych С.А., Чересюк П.А. РОЛЬ ЦВЕТА В РАССКАЗЕ «ТЁМНЫЕ АЛЛЕИ» И.А. БУНИНА	8
Валуйская Е.И. ИДИОСТИЛЕВЫЕ ДОМИНАНТЫ З. ГИППИУС (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЮБОВНОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ ЛИРИКИ)	13
Голева Е.А. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ПИЩЕВЫЕ ПРОДУКТЫ И НАПИТКИ» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	16
Толстых В.П. ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «УМ» В «ПОСЛОВИЦАХ РУССКОГО НАРОДА» В.И. ДАЛЯ	21
Клюйко Ю.А. ДИАЛОГ VS ДИАЛОГИЧНОСТЬ: К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ	26
Холманова М. МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ: РУССКИЕ И УЗБЕКСКИЕ ПАРЕМИИ	31
Ширина А.А. ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ С ТОЛКОВЫМ СЛОВАРЁМ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРНОГО ЧТЕНИЯ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ ПРИ ИЗУЧЕНИИ УСТАРЕВШЕЙ ЛЕКСИКИ	35
Секция 2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЛОВАРЕЙ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ В ВУЗЕ И ШКОЛЕ	41
Авинова Д.К. РАБОТА СО СПРАВОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ, РАЗМЕЩЁННОЙ В УЧЕБНИКАХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ	41
Голикова М.М. РАЗРАБОТКА И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ: ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ	44
Ефимова В.С. ПРИОБЩЕНИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ К НАЦИОНАЛЬНЫМ ЦЕННОСТЯМ РУССКОГО НАРОДА (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ В.И. ДАЛЯ)	50
Криворутченко А.Р., Руденко С.А. ФОЛЬКЛОРНАЯ КАРТА В.И. ДАЛЯ (ИЗ ОПЫТА ПОДГОТОВКИ ПРОЕКТА ПО ЛИТЕРАТУРЕ)	53
Лапшина В.Н. МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЛЕДИЯ В.И. ДАЛЯ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ	57
Пашкова Г.И., Сапрыкина С.С. ИЗ ИСТОРИИ КОМПЬЮТЕРНЫХ СРЕДСТВ ОБУЧЕНИЯ ОРФОГРАФИИ	62
Сосновская К.Ю. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ	66
Попова О.В. ПОТЕНЦИАЛ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ В ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ПО РАЗВИТИЮ РЕЧИ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ	69
Рак О.В. ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛОВ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ОРФОГРАФИЧЕСКОГО НАВЫКА МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ	72

Секция 3. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ИССЛЕДОВАНИИ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА	77
Атаян А.Р. ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ ДЕВОЧЕК В ДВОРЯНСКИХ СЕМЬЯХ XIX ВЕКА: КУЛЬТУРА ЧТЕНИЯ КНИГ	77
Вышегородцева Д.А. ФРАЗОВАЯ НОМИНАЦИЯ В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ В.И. ДАЛЯ: ПОПЫТКА ФРЕЙМОВОГО АНАЛИЗА.....	82
Заборовская Д.А. ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В СКАЗАХ П.П. БАЖОВА	87
Мишина Д.Д. БЫТ ДЕВОЧЕК ДВОРЯНСКОГО СОСЛОВИЯ В СМОЛЬНОМ ИНСТИТУТЕ XIX ВЕКА	90
Титова А.С. ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ТЕОРИИ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ	94
Чуканова К.С. ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ССЫЛЬНЫХ ДЕКАБРИСТОВ В ПЕРИОД С 1826 ПО 1856 ГГ.	103
Щеголева А.А. ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В «ПОСЛОВИЦАХ РУССКОГО НАРОДА» В. И. ДАЛЯ.....	107
Секция 4. НАСЛЕДИЕ ДАЛЯ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА	112
Вараксина В.А. ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «КОЛЯСКА».....	112
Выблова В.С. ЭТНОГРАФИЗМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА (НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛА М.А. ШОЛОХОВА «ДОНСКИЕ РАССКАЗЫ»)	116
Губина Д.А., Щитова К.А. ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ В СКАЗКАХ И НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЕ В. И. ДАЛЯ.....	122
Дегтярева О.В. ИМЕНА В СКАЗКАХ В.И. ДАЛЯ	128
Мальцева Г.Ю., Черемохина Д.А. СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА СЛОВА <i>ГЛАМУР</i> В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА	133
Сатторова Ш. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛОВАРЕЙ В ХОДЕ ИЗУЧЕНИЯ РАССКАЗОВ В.М. ШУКШИНА В РАБОТЕ УЧИТЕЛЯ-СЛОВЕСНИКА.....	139
Семыкина Е.Н., Папка З.В., Колоколова П.Е. ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОЛЬКЛОРНОГО СЮЖЕТА О СНЕГУРОЧКЕ В СКАЗКАХ В.И. ДАЛЯ, М.А. МАКСИМОВИЧА, А.Н. АФАНАСЬЕВА, А.Н. ОСТРОВСКОГО.....	144
Петренко М.С., Скиба А.А. В.И. ДАЛЬ И А.С. ПУШКИН: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ.....	147
Хомякова Е.С. ОБРАЗЫ ДОМА И САДА В ПОЭЗИИ Б.А. АХМАДУЛИНОЙ.....	152
Сычева И.И. МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКА ОВД СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКА СЛОВАРЯ ДАЛЯ	157

Секция 1. ТЕКСТ СЛОВАРЯ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О КУЛЬТУРЕ И ОБЩЕСТВЕ

*Алейник Ю.В.,
студент, НИУ «БелГУ», г. Белгород.
Науч. рук. – Черемохина Д.А.,
к. филол. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ В.И. ДАЛЯ)

Аннотация. Элементы, составляющие основу языковой картины мира, требуют к себе пристального внимания, поэтому данная статья посвящена изучению одного из основных языковых образов русского национального сознания – образа женщины, который представлен в русской этноязыковой картине мира в пословицах, поговорках и метафорах.

Ключевые слова: языковой образ, образ женщины, языковая картина мира, паремии.

Summary. The elements that form the basis of the linguistic world view require close attention; therefore this article is devoted to the study of one of the main linguistic images of the Russian national consciousness – the image of a woman, which is represented in the Russian ethno-linguistic world view in proverbs, sayings and metaphors.

Keywords: linguistic image, image of a woman, linguistic picture of the world, proverbs.

Одна из важнейших задач современной лингвистики – это «изучение и сохранение культурных феноменов, содержащих знания о мире и отражающих национальную самобытность русского народа» [Мальцева, Черемохина 2022: 13]. Как утверждает Н.Ф. Алефиренко, «сквозные мотивы языковой картины мира» отражают слова, представляющие собой основные вехи психической жизни, которая включает в себя эмоциональную и интеллектуальную сферы [Алефиренко 2011: 33]. Такое слово становится знаком, который выступает связывающим звеном между культурой и входящим в нее индивидом. Итогом этого взаимодействия становится образ, соотносимый в человеческом сознании с определенным словом-знаком. Оно употребляется в различных контекстах, активируя самые важные для народа составляющие целостного образа, и в конечном счете закрепляется в словарном запасе носителей языка.

Существует множество различных образов русского национального сознания, формирующих языковую картину мира и мировоззрение нации. Одним из них является образ женщины.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля лексема *женщина* приравнивается по смыслу к лексеме *жена*: *жена* – вообще женщина, замужняя женщина; супруга, баба. *У боярина семь дочерей: будет из них и смерть, и жена. Девкою полна улица, женою полна печь, гулянье и*

хозяйство; пироги в печи, дети на печи [Даль 1882: 151]. Как видим, образ женщины, представленный в словаре XIX века, достаточно стереотипен: женщина воспринимается как носитель предписанного ей социального статуса и качеств, сформированных на основе общественных, биологических, семейных и др. функций.

В современных словарях дается усложненная дефиниция лексемы *женщина* – она обрastaет новыми смыслами. В толковом словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой отражены три основных значения, отражающих биологическую, духовную и социальную составляющую образа женщины: *Женщина* – 1. Лицо, противоположное по полу мужчине, та, которая рождает детей и кормит их грудью. *Ж. равноправна с мужчиной. Молодая ж. Ж.-мать. Ж.-врач.* 2. Лицо женского пола как воплощение свойств, качеств этого пола. *Как медленно развивается вы в женщину! Перед вами свобода, жизнь, любовь, счастье – а вы разбираете тон, манеры! Где же человек, где женщина в вас? И. Гончаров, Обрыв.* 3. Лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке. *Ты меня видишь девушкой, посмотри женщиной, что из меня выйдет. А. Островский, Волки и овцы* [Ефремова 2006; 769]. Мы можем заметить, что в данном словаре *женщина* рассматривается в первую очередь как носитель определенных возрастных и физиологических характеристик, а уже потом как обладатель оправленного социального статуса.

Представления о женщине отражены в поговорках, пословицах, фразеологизмах и метафорах русского языка. Так, в «Пословицах русского языка» В.И. Даля представлены такие паремии с образом женщины, как: *«Где баба, там рынок; где две, там базар»*, *«Баба бредит, да черт ей верит»*, *«Мужик тянет в одну сторону, баба в другую»*, *«Что мать в голову вобьет, того и отец не выбьет»* и др. Исходя из представлений о женщине, репрезентированных в данных пословицах, мы делим паремии на 3 микрогруппы, отражающие разные стороны женского образа: 1) женщина как личность; 2) женщина как обладатель определенных биолого-физиологических характеристик; 3) женщина как носитель определенного социального статуса.

К группе пословиц, представляющих женщину как духовную и нравственную личность и описывающих черты ее характера, можно отнести следующие: *«У бабы семь пятниц на неделе»*, *«Добрая кума живет и без ума»*, *«Смирен топор, да веретено бодливо»*, *«На женский нрав не угодишь (не утратишь)»*, *«Еще тот и не родился, кто бы бабий норов узнал»* и др. По результатам языкового анализа пословиц данной группы можно сделать вывод, что большая часть паремий имеет отрицательную коннотацию. Например, в пословицах об интеллекте женский ум принижается, высмеивается, а мужской, наоборот, превозносится: *«Собака умней бабы: на хозяина не лает»*, *«Перекаати-поле – бабий ум»*, *«Кобыла не лошадь, баба не*

человек», *«Волос долог, да ум короткий»*. В множестве паремий говорится о лживости, изворотливости женской натуры (*«Жена верховодит, так муж по соседям бродит»*, *«Баба да бес – один у (в) них вес»*, *«Бабы вранья и на свинье не объедешь»*, *«Жена льстит – лихо мыслит»*), непостоянстве (*«Женских прихотей не перечтешь»*, *«У бабы семь пятниц на неделе»*) и о болтливости как главном пороке (*«Бабий язык, куда ни завались, достанет»*, *«Гусь да баба – торг; два гуся, две бабы – ярмарка»*).

Однако в анализируемом материале имеются и паремии, характеризующие положительные стороны характера женщины: хозяйственность – *«Мужик без бабы пуще малых деток сирота»*, верность – *«Три друга: отец, да мать, да верная жена»*, смелость – *«У нас и баба зауряд в рекруты идет»*, трудолюбие – *«Баба не квашня: встала да пошла»*, веселый нрав – *«Добрая жена – веселье, а худая – злое зелье»*.

Пословиц, которые характеризуют негативные черты личности и выражают отрицательную коннотацию, больше, чем паремий, дающих положительную оценку женского характера. Подобное положение обосновывается тем, что, во-первых, в сознании человека прочно закрепился стереотипный образ женщины, которой еще в первых библейских историях приписывалась роль порочного человека (грехопадение Адам и Ева), и, во-вторых, долгим развитием социума и национальной культуры в рамках патриархального типа общественного строя.

Ко второй группе мы относим пословицы, речь в которых идет о внешних характеристиках женщины. В сознании русского человека образ женщины наделен, прежде всего, красотой и обаянием, которые являются практически всегда необходимыми качествами, помогающими девушке устроить свою жизнь в будущем: *«Всякому мужу своя жена милее. Своя жена – своя и краса»*, *«Жена красавица – безочному (слепому) радость»*, *«Муж пьяница, да жена красавица – все хорошо»*, *«Аленький цветок бросается в глаза»*. Есть и пословицы, в которых делается акцент на внутренней красоте женщины: например, *«Красота приглядится, а ум пригодится»*, *«С лица воду не пить, и с корявым можно жить»*, *«Краса до венца, а ум до конца»*, *«Не родись красивой, а родись счастливой»*, *«Не гонись за красотой, а гонись за добротой»*, *«Выбирай жену не в хороводе, а в огороде»*.

Третья группа – это пословицы, дающие представление о женщине как о представительнице определенной ячейки общества. В русском языковом сознании образу женщины приписываются две основные социальные роли, которые не выходят за пределы семьи, – жена и мать. Образ жены двойственен: с одной стороны, она «страшнее черта» – *«Где сатана не сможет, туда бабу пошлет»*, *«В людях – ангел, не жена, дома с мужем – сатана»*, *«Жениться – не напасть, да как бы, женившись, не пропасть»*; с другой стороны, без женщины невозможно нормальное функционирование

семьи – «Без жены дом – содом», «Видал ли ты беду, терял ли ты жену?», «Доброю женою и муж честен».

Особое сакральное значение в русском языковом сознании приобретает образ матери. Мать – это особенный человек для любого ребенка: «Жена для совета, теща для привета, а нет милей родной матери», «Мать всякому делу голова», «При солнце тепло, а при матери добро», «Птица радуется весне, а дитя – матери», «Отцов много, а мать одна». Образ матери как светлого и мудрого человека в русском национальном сознании сравнивается с образом Богоматери: «Мать божья, подавай дождя на наш ячмень, на барский хмель», «Пречистая мать (успение) засеивает, а покров собирает», – а также соотносим с образом той земли, где человек родился, вырос и которую готов защищать до самого конца, т.е. с образом Родины: «Родина любимая – мать родимая», «Береги землю родимую, как мать любимую», «Упал, так целуй мать сыру землю, да становись на ноги!»

Таким образом, мы видим, что образ женщины, представленный в паремиях, неоднороден и противоречив. Первая половина исследуемых паремий, по большей части носящих отрицательную коннотацию, репрезентирует образ женщины как обладателя определенных моральных качеств и предписаний, другая же – как носителя определенной культуры и статуса, т.е. можно говорить о том, что образ женщины отражает особенности русской лингвокультуры.

Литература и источники

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвистическая природа ментальности // Язык. Словесность. Культура. – 2011. – №1. – С. 20-37.
2. Даль В.И. Пословицы русского народа. – Москва: Эксмо, 2004. – 616 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Москва, 1882. – Т. 1. – 598 с.
4. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. – Москва: АСТ, 2006. Т. 1. – 1168 с.
5. Мальцева Г.Ю., Черемохина Д.А. Языковой образ дома как элемент русского культурного кода: интерпретационный аспект // Межкультурные коммуникации в современной лингвистике. – Карши, 2022. – С. 13-18.

Борzych С.А.

студент, НИУ «БелГУ», г. Белгород.

Чересюк П.А.

ст. пр., к. фил. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

РОЛЬ ЦВЕТА В РАССКАЗЕ «ТЁМНЫЕ АЛЛЕИ» И.А. БУНИНА

Аннотация. В статье рассматривается колоративная лексика в рассказе И.А. Бунина «Тёмные аллеи». Главное внимание обращено на семантику чёрного, красного и белого цветов. Описаны их особенности употребления в рассказе.

Ключевые слова: колоративная лексика, цвет, художественное произведение, восприятие, И.А. Бунин.

Summary. The article deals with the color naming in the story by I.A. Bunin «Dark alleys». The main attention is paid to the semantics of black, red and white colors. Their peculiarities of use in the story are described.

Key words: color naming, color, literary works, perception, I.A. Bunin.

Рассказ Ивана Алексеевича Бунина «Тёмные аллеи» – воспоминание писателя о чувстве, называемом любовью. Помимо богатой символики и глубокой психологической проработки персонажей, рассказ «Тёмные аллеи» славится своей цветописью.

Понятие цвета существует во всех культурах и связано с важной социокультурной информацией, накопленной этносом. Цвет – это одна из категорий познания мира и ключевых культурных концептов, а цветообозначения (колоративная лексика) являются вербальным способом передачи знаний.

Лингвистический словарь-справочник Д.Э. Розенталя предлагает следующую трактовку термина: «Колоративная лексика – это группа слов, выражающая значения цвета. Под колоративом мы понимаем языковую или речевую единицу, в состав которой входит корневой морф, семантически или этимологически связанный с цветоименованием. Лексика, обозначающая цвет, как описательный элемент выступает в прямом значении, а также может иметь дополнительное образное значение» [Цит. по Кошарная, Морщинский 2021: 11]. Следовательно, колоративная лексика – развитая, постоянно пополняющаяся лексико-семантическая группа слов, которая на протяжении длительного периода времени привлекает внимание лингвистов.

Безусловно, такая лексика выполняет важные функции, наполняя и наделяя особой символикой смысл творений писателя. Так, И.А. Бунин прибегает к использованию цветообозначений, и в его творческом наследии они играют ключевую роль, являясь отличительной чертой авторского идиостиля.

Чаще всего колоративная лексика реализуется в прилагательных. Анализируя их использование со значением цвета в рассказе И.А. Бунина «Тёмные аллеи», необходимо принимать во внимание характер употребления цветообозначений, который может быть: 1) узуальным; 2) индивидуально-авторским [Кулешова, Ху Сяодань 2020: 63].

При узуальном характере употребления цветообозначений цветовая лексика используется для традиционного, свойственного всем носителям русского языка описания цвета предметов и явлений окружающего мира, изображаемых в произведениях писателя (*чёрный, белый, зелёный* и др.). В тексте отсутствуют сложные цветообозначения, такие как *чёрно-жёлтый* или *красно-коричневый* и т.д., а также сложные прилагательные, состоящие из двух частей, которые указывают на цвет и его качество, например, *тёмно-красный* или *светло-серый* и т.д.

Индивидуально-авторское употребление цветообозначений помогает создать более яркое и точное описание предметов и явлений в произведении, а также помогают раскрыть мировосприятие и миропонимание автора (*сахарно-белый* («Зойка и Валерия», с. 74), *голубовато-меловой* («Натали», с. 151) и др.).

Наиболее часто встречаемые цвета в рассказе чёрный, реже – белый и красный, а также тёмный цвет.

В произведении И.А. Бунина тёмный цвет получает особое смысловое наполнение. Важно обратить внимание на заглавие произведения, которое является неотъемлемой его частью. О.А. Мещерякова определяет слова, составляющие заглавие, «"ключом" к авторскому пониманию представленной в тексте ситуации» [Мещерякова 2005: 65]. Так, включение в заглавие слова *тёмный* несёт символическую значимость, отражающую характер и настроение персонажей, а также помогает раскрыть основные темы произведения. Главная тема рассказа – любовь, которая рассматривается подробно и многосторонне: это и всепоглощающая страсть, и вдохновляющие чувства, и губительная, приносящая множество страданий, буря. Поэтому заглавие выражает индивидуально-авторское понимание любви и включает иные смыслы: «имеющий загадочную природу», «хранящий извечную тайну», «непостижимый». Кроме того, прилагательное *тёмный* может также отражать эмоциональное состояние автора, его печаль, грусть и сожаление по поводу несовершенства мира.

Стоит отметить, что язык и культура оказывают большое влияние на то, как мы воспринимаем слова и какие ассоциации они вызывают. Например, в некоторых культурах слово *тёмный* может иметь положительную коннотацию, связанную с таинственностью и загадочностью. В то же время в других культурах оно может ассоциироваться с чем-то негативным или страшным. Таким образом, важно учитывать контекст и культурный фон при интерпретации колоративов.

И.И. Чумак-Жунь отмечает, что «слово тёмный фиксирует осмысление субъектом речи нескольких фактов действительности: мира цвета – мира чувств; реального мира – смоделированного мира; своего мира – чужого мира» [Чумак-Жунь 1996: 10]. Взаимосвязь различных ассоциативных смыслов связано с авторским сознанием, воображением, интуицией, а также потребностью автора в самовыражении, в раскрытии и расширении своих творческих возможностей.

Тёмный цвет используется автором для создания фона, на котором развиваются события в рассказе. Действие в рассказе происходит осенью, но нет соответствующих ей цветов: желтого, коричневого. При описании пейзажа автор использует чёрный цвет, наиболее подходящий для описания настроения героев и ситуации, в которой происходит действие: «В холодное

осеннее ненастье, на одной из больших тульских дорог, залитой дождями и изрезанной многими **чёрными** колеями, к длинной избе <...> подкатил закиданный грязью тарантас...» («Тёмные аллеи», с. 1). Чёрный используется для описания колеи, которая связана с образом дороги и пути не только в прямом, но и в переносном смысле: чёрная дорога, по которой путешествует мужчина, является, на наш взгляд, отражением дороги жизни несостоявшейся и полной потерь.

По чёрной дороге едет и мужчина «**чернобровый**, но с белыми усами». Тёмные цвета служат для создания нагнетающей атмосферы грядущей внезапной встречи между бывшими возлюбленными. Именно они служат некоторой подсказкой, намекающей на несостоявшуюся любовь героев, которая раскроется далее по сюжету. Безусловно, черный цвет в литературе несёт отрицательную коннотацию: может служить символом тоски, грусти и печали, а также траура.

Автор мастерски использует колоративную лексику в описании внешности героев. В рассказе представлен образ смуглой, черноглазой и темноволосой женщины восточного типа: «Тотчас вслед за тем в горницу вошла **темноволосая**, тоже **чернобровая** и тоже ещё красивая не по возрасту женщина, похожая на пожилую цыганку, с **тёмным** пушком на верхней губе и вдоль щёк, легкая на ходу, но полная, с большими грудями под **красной** кофточкой, с треугольным, как у гусыни, животом под **чёрной** шерстяной юбкой» («Тёмные аллеи», с. 1).

Для описания внешнего вида Надежды автор использует и красный цвет, делая акцент на красных туфлях: «Приезжий мельком глянул на её округлые плечи и на лёгкие ноги в **красных** поношенных татарских туфлях» («Тёмные аллеи», с. 1). Красный цвет можно трактовать как знак достатка, богатства и страстно любящего сердца.

Тёмный цвет используется и для описания мужчины в рассказе: «На козлах тарантаса сидел крепкий мужик <...>, а в тарантасе стройный старик-военный в большом картузе и в николаевской серой шинели с бобровым стоячим воротником, ещё **чернобровый**, но с белыми усами» («Тёмные аллеи», с. 1). У Николая Алексеевича чёрные брови, но белые усы, которые вызывают сомнение гармоничности его образа. С одной стороны, это грубый и серьёзный мужчина, любящий порядок. С другой стороны – он не скрывает своих эмоций по отношению к Надежде: «Он покраснел до слёз» («Тёмные аллеи», с. 2). Сочетание белого и чёрного, как Инь-Ян создаёт гармоничность и целостность образа.

Важно отметить, что в портретах мужчины и женщины автор выделяет одну общую цветовую особенность – оба чернобровые. Эта деталь подчеркивается лексически (в первом и во втором описании употребляется лексема **чернобровый**), и синтаксически (в описании женщины

подчеркивается: тоже чернобровая, где также имеет значение «равным образом»).

Колоративная лексика является не только элементом описания окружающего мира и характеристики персонажей, но и помогает читателю увидеть яркое противопоставление Николая Алексеевича и Надежды. Женщина в диалоге вспоминает стихотворение: «*И все стихи мне изволили читать про всякие “тёмные аллеи”*» («Тёмные аллеи», с. 1). Тёмный цвет присутствует в повседневной жизни героини, пронизывая её эмоциональную сферу жизни, служит своеобразным знаком её неутихшего горя от разлуки, перенесенных страданий.

Николай Алексеевич цитирует стихи позже, в дороге, когда остается наедине со своими мыслями: «*Кругом шиповник алый цвел, стояли тёмных лип аллеи...*» («Тёмные аллеи», с. 3). Николай Алексеевич по-другому чувствует. Для него жизнь – это не только сплошная полоса тёмных оттенков и горестей, но и яркая, алая.

Способность героев хранить в памяти разные цветовые образы одного поэтического текста открывает их разное восприятие жизни. Именно цветовая симметрия позволяет увидеть, насколько Надежда и Николай Алексеевич разные по характеру. Они из разных миров, принадлежат к разным социальным статусам, с разными нравами. Следовательно, у них не получилось построить гармоничные отношения, разлука была неизбежна. С помощью колоративной лексики углубляется описание: «его» и «её» цвета волос, цвета одежды, упоминанием цвета в цитируемых обоими стихах – всё это позволяет читателю наиболее глубоко понять и прочувствовать психологическую составляющую рассказа.

Таким образом, колоративная лексика в творчестве И.А. Бунина является ключевой и составляет единую эстетическую систему рассказа «Тёмные аллеи», а также свидетельствует об особом восприятии мира автором и помогает создать яркие запоминающиеся образы.

Литература и источники

1. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. Первое издание. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1534 с. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/kuznetsov>
2. Бунин И.А. Собрание сочинений в 9-ти т. – Москва: Художественная литература, 1966. – Том 9. – С. 1-117. – Режим доступа: https://www.100bestbooks.ru/files/Bunin_Temnye_allei.pdf
3. Кошарная С.А. Цветопись Леонида Андреева как феномен художественного смыслообразования: монография / С.А. Кошарная, В.С. Морщинский. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2021. – 132 с.
4. Кулешова Р.В. Цвет как выразительный художественный прием / Р.В. Кулешова, Ху Сяодань // Проблемы лингвистики и лингводидактики : междунар. сб. науч. ст. / НИУ БелГУ ; отв. ред.: С.А. Моисеева, Л.Г. Петрова. – Белгород, 2017. – Вып. V. – С. 62-65.

5. Мещерякова О.А. Семантика темного в цикле рассказов И.А. Бунина / О.А. Мещерякова // Журнал: Русский язык в школе. – Москва, 2005. – № 6. – С. 65-71
6. Чумак-Жунь И.И. Лексико-семантическое поле цвета в языке поэзии И.А. Бунина: состав и структура, функционирование: Дисс. канд. филол. наук. – Киев, 1996. – 202 с.

Валуйская Е.И.,
магистрант, НИУ «БелГУ», г. Белгород.
Науч. рук. – Плотникова Л.И.
проф., д. филол. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

ИДИОСТИЛЕВЫЕ ДОМИНАНТЫ З. ГИППИУС (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЮБОВНОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ ЛИРИКИ)

Аннотация. В статье рассматриваются идиостилевые доминанты лирики З. Гиппиус. Для поэта важна взаимосвязь философии и поэзии, что также отражено в ее творчестве. Для передачи своих взглядов она создает яркие лексические новообразования различных частей речи. Индивидуально-авторские слова группируются по словообразовательному и семантическому принципу.

Ключевые слова: идиостиль, словотворчество, лексические новообразования, поэтический текст, индивидуально-авторские слова.

Summary. The article examines individual style dominants of the lyrics of Z. Hippius. For the poet, the relationship between philosophy and poetry is important, which is also reflected in her work. To convey her views, she creates vivid lexical novations of various parts of speech. Individually-author's words are grouped according to the word-formation and semantic principle.

Key words: individual style, word creation, lexical novations, poetic text, individual author's words.

Исследование языковых средств, репрезентирующих мировосприятие автора в художественном тексте, заставляет исследователей обратиться к понятию *идиостиль*. В лингвистике нет однозначного определения данного термина, более того его зачастую рассматривают в соотношении с понятием *идиолект* (Т.А. Чернышева, М.Ю. Мухин, А.А. Акатова и др.). Оба термина имеют общее семантическое ядро – индивидуальное, принадлежащее личности. Разграничение между *идиостилем* и *идиолектом* осуществляется по функционально-стилевой маркированности: первый термин связывают с художественной литературой; второй же формируется с развитием языковой личности.

Проблемами изучения идиостиля активно занимается Н.С. Болотнова. По ее мнению, данный термин включается в себя «многоплановое проявление мировидения создателя в структуре, семантике и прагматике текста, в характерной для него стратегии организации текстовой деятельности» [Болотнова 2001: 98]. В нашей работе мы придерживаемся данной точки зрения.

И.А. Тарасова считает, что идиостиль представляет собой ментальное и языковое единство, связь концептов и когнитивных структур и их

лингвистическую репрезентацию [Тарасова 2012: 10]. Е.Г. Фоменко утверждает, что понятие *идиостиля писателя* включает коммуникативное и когнитивное пространство языковой личности, создающее художественный дискурс, моделирующий лингво-типологический вариант художественного текста в определенный период [Фоменко 2006]. Любой писатель стремится создать уникальную картину мира в художественном тексте, но эта речевая индивидуальность не всегда очевидна.

По мнению А.Н. Николукина, Зинаида Гиппиус (1869-1945) вошла в литературу в пору символизма и воплотила в своем творчестве его главный завет – «слияние личной судьбы с создаваемым искусством, воплощение личности в мире фантазии» [Николукин 2008]. Для ее творчества характерна особая театральность, декадентскость. Как создатель «Новой церкви» она в первую очередь хотела точно и емко донести свои мысли до читателя. В особой философии жизни поэта важное место отводилось пониманию любви к себе, к другому человеку и к Богу. Эта своеобразная концепция отразилась в поэтическом творчестве З. Гиппиус как в содержании стихотворений, так и в авторском использовании языковых средств. Анализ языковой специфики поэтических текстов Зинаиды Гиппиус позволяет говорить о том, что одной из доминант идиостиля поэта можно считать индивидуально-авторские новообразования (ИАН), или авторские слова.

Как считает Р.Ю. Намиткова, «в полной мере языковая картина мира в авторском преломлении проявляется в авторских новообразованиях» [Намиткова 2009: 205]. В связи с этим изучение лексических инноваций актуально, поскольку они отражают не только творческую индивидуальность поэта, но и тенденции словообразовательной системы. Л.И. Плотникова подчеркивает, что новообразованиями являются, как правило, «слова производные, представляющие собой сложные структурно-семантические образования, поэтому они позволяют демонстрировать связи и отношения, существующие между концептуальными структурами сознания» [Плотникова 2005].

Квантитативный анализ ИАН в лирике поэта свидетельствует о преобладании в количественном отношении авторских слов-адъективов (примерно 60% от общего числа ИАН разных частей речи). Среди зафиксированных нами слов отмечены также авторские субстантивы, наречия и глаголы.

Адъективы, как самая многочисленная группа, разнообразны по своей структуре и семантике. Интересными, на наш взгляд, являются так называемые разнословные сложения, передающие целый спектр эмоций. Многообразие группы позволяет провести их систематизацию. Это слова, с помощью которых поэт передает чувства лирической героини. Они выражают:

1) светлые, радостные, иногда возвышенные чувства, например: *«Порой, над водой, чуть шуршат камыши, / Лепечут о счастье страданья... / И пламенно-чисты в полночной тиши, – Таинственно-чисты, – свиданья»* («Баллада»); *«Ты – на распутье костер ярко-жадный – / И над долиною дымка невестная»* («Ты»); *«Меч мой небесный, мой луч острогранный – / Тайна прозрачная, ласково-чистая»* («Ты»);

2) печаль и грусть, например: *«И радость меж нею и мной родилась, / Безмерна, светла, как бездонность; / Со сладко-горячею грустью сплелась, / И стало ей имя – влюбленность»* («Баллада»); *«Она шершавая, она колючая, / Она холодная, она змея. / Меня изранила противно-жгучая / Ее коленчатая чешуя»* («Она»).

Количественное преобладание разнословных сложений с положительной коннотацией отражает понимание поэтом любви как особого божественного дара.

Чаще всего ИАН создаются с помощью префиксов *не-*, *без-*, *от-*, *про-* и ряда других, например: *«Лишь холод безгорестный сердце ласкает, / А месяц склоняет – и умирает»* («Никогда»); *«Полна бесстрастья, холода и света / Бледнеющая высь»* («Вечерняя заря»); *«Безогненного чувства твоего, / Чрез мертвеца в тебе, – не принимаю; / И неизменно-строгим сердцем знаю, / Что не люблю тебя, как и его»* («Ты любишь?»).

Среди ИАН-субстантивов зафиксированы авторские слова, созданные префиксально-суффиксальным способом по схеме «префикс + суффикс -ост’-»:

- префикс *не-* (в значении отрицания): *«Новый цветок я найду в лесу. / В твою неответность не верю, не верю!»* («Ей в горах»);

- префикс *без-* (в значении отсутствия чего-либо): *«Не лучше ль в тихой безжеланности / Уснуть, как спит степной ковыль?»* («Так ли?»).

Данный словообразовательный способ характерен и для ИАН-наречий. Интересным представляется стихотворение «Росное время», в котором авторские слова созданы по модели: приставка *без-* (в значении «отсутствие, недостаток чего-то») + основа слова + суффикс наречия *-о-* (в значении «оценка действия»): *«Мы разошлись забвенно и косно, / Не знаю – праведно иль греховно... / Ужели навек все меж нами безросно, / и безросно, и безлюбовно?»* («Росное время»).

С помощью приставки *без-* поэт передает ощущение нехватки любви. По нашему мнению, новообразование *безросно* образовано от слова *роса*. В начале стихотворения перед читателем предстает образ природы, который и является зеркалом чувств влюбленных. Таким образом, можно поставить знак равенства между понятиями *роса* и *любовь*, *безросно* и *безлюбовно*. Употребление трех новообразований усиливает эмоциональный эффект, говорит о невозможности вернуть прежние чувства.

Анализ любовной лирики З. Гиппиус позволяет говорить об особом отношении автора к слову. Для передачи своего мировосприятия, отношения к чувству любви поэт прибегает к созданию авторских слов. З. Гиппиус умело подбирает, а при необходимости создает нужное слово, в полной мере отражающее замысел автора. Таким образом, идиостилевой доминантой любовной лирики (наряду с театральностью, декадентскостью, метафоричностью и аллегоричностью) можно считать индивидуально-авторские новообразования. В них находит отражение творческая индивидуальность поэта и особенности его художественного метода.

Литература и источники

1. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / Н.С. Болотнова, И.И. Бабенко, А.А. Васильева; под ред. проф. Н.С. Болотновой. – Томск: ТГУ, 2001. – С. 98.
2. Гиппиус З.Н. Сочинения / сост. Л.П. Быков. – Москва: Изд-во У-Фактория, 2005. – 848 с.
3. Намитокова Р.Ю. Слова поэта: Опыт словаря авторских новообразований Евгения Евтушенко / Р.Ю. Намитокова, И.А. Нефляшева. – Майкоп: ООО «Качество», 2009. – С. 205.
4. Николукин А.Н. Зеленоглазая наяда, или Белая дьяволица [Электронный ресурс] / З.Н. Гиппиус // Pro et contra. – 2008. – Режим доступа: https://gippius.com/about/nikoljukin_zelenoglazaya-nayada-ili-belaya-diavolitsa.html
5. Плотникова Л.И. Коммуникативно-когнитивный подход к исследованию новых слов на этапах их порождения, функционирования и языкового закрепления [Электронный ресурс] // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativno-kognitivnyy-podhod-k-issledovaniyu-novyh-slov-na-etapah-ih-porozhdeniya-funktsionirovaniya-i-yazykovogo-zakrepleniya>
6. Тарасова И.А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте: монография / И.А. Тарасова. – 2-е изд., перераб. – Москва: ФЛИНТА, 2012. – С. 10.
7. Фоменко Е.Г. Лингвотипологическое в идиостиле Джеймса Джойса [Электронный ресурс] / Е.Г. Фоменко. – 2006. – Режим доступа: <http://www.james-joyce.ru/articles/lingvotipologicheskoe-v-idiosile-joysa.htm>

*Голева Е.А.,
студент, НИУ «БелГУ», г. Белгород
Науч. рук. – Резниченко Л.В.,
учитель иностранного языка
МБОУ «Гимназия №12», г. Белгород*

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ПИЩЕВЫЕ ПРОДУКТЫ И НАПИТКИ» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: В статье предпринята попытка выявления фразеологических единиц тематической группы «Пищевые продукты и напитки» в современном английском языке и предлагается материал для создания на этой основе лексикографического источника. Также репрезентируется комплекс упражнений, способствующих усвоению анализируемого фразеологического фонда.

Ключевые слова: фразеологическая единица; фразеологизмы; словарь; коммуникация, тематическая группа.

Summary. The article attempts to identify phraseological units of the thematic group “Food and beverages” in modern English and offers material for creating a lexicographic source on this basis. A set of exercises that contribute to the assimilation of the analyzed phraseological fund is also represented.

Keywords: phraseological unit; phraseological units; dictionary; communication, thematic group.

Изучение физиологических и бытовых потребностей человека составляет важную часть процесса жизненного существования индивида как живого существа, поэтому понятен и лингвистический интерес к проблеме питания. Это обусловлено тем, что пласт лексики, номинирующий продукты питания, представляет собой значимую для человека легко выделяемую лексико-семантическую группу.

Актуальность настоящей работы определяется тем, что область фразеологии наиболее ярко отражает своеобразие жизни того или иного народа и его культуру, поэтому знание фразеологических единиц становится неотъемлемой частью владения языком. Именно изучение фразеологизмов, относящихся к семантической группе «Пищевые продукты и напитки» и занимающих значительный пласт в английском языке, позволяет наиболее глубоко и всесторонне изучить данный язык и ознакомиться с культурой, традициями и менталитетом народа, говорящего на нём.

Нами предпринята попытка систематизации фактического материала для создания двуязычного словаря в этой области. Таким образом, целью работы является изучение фразеологических единиц, относящихся к семантической группе «Пищевые продукты и напитки», в английском языке.

Прежде чем приступить к анализу английских фразеологических единиц, обозначающих группу «Пищевые продукты и напитки», следует уточнить, что в определении фразеологической единицы мы будем руководствоваться положением лингвиста А.В. Кунина: «...это устойчивое сочетание слов с осложненной семантикой» [Кунин 1996: 4].

В результате сплошной выборки из англо-русского фразеологического словаря [Кунин 1984] нам удалось выделить 123 фразеологические единицы, включающие в свой состав лексемы *bread, egg, meat, milk, nut, oil, salt, water*, которые являются составной частью абсолютного большинства английских фразеологических единиц, обозначающих группу «Пищевые продукты и напитки».

Количественный анализ дал следующие результаты: в английском фразеологическом фонде самое большое место отводится фразеологическим единицам с ключевыми словами *вода* (*water* – 38

фразеологических единиц) и *молоко* (milk – 18 фразеологических единиц), следом за ними идут лексемы *соль* (salt – 13 фразеологических единиц), *хлеб* (bread – 13 фразеологических единиц), *мясо* (meat – 13 фразеологических единиц) и *яйцо* (egg – 11 фразеологических единиц). Менее частотны лексико-семантические варианты с ключевыми словами *масло* (oil – 9 фразеологических единиц) и *орех* (nut – 8 фразеологических единиц).

Источники происхождения английских фразеологизмов, относящихся к семантической группе «Пищевые продукты и напитки», разнообразны. По происхождению фразеологизмы можно разделить на два класса: 1) исконно английские и 2) заимствованные фразеологические единицы. Исконные фразеологические единицы, связанные с традициями, обычаями и поверьями английского народа, а также с реалиями, преданиями, историческими фактами, явно преобладают – их количество в семантической группе «Пищевые продукты и напитки» составляет 99 фразеологических единиц. Количество заимствованных фразеологизмов в данной семантической группе составляет 24 единицы.

Фразеологические заимствования обогащают фразеологический фонд языка и расширяют возможности коммуникации. Фразеологизмы, относящиеся к семантической группе «Пищевые продукты и напитки», способны выражать и другие понятия, так как «межъязыковые фразеологические синонимы могут обладать разной степенью эквивалентности...» [Мелерович]. Так, среди 123 идиом с ключевыми словами *bread, egg, meat, milk, nut, oil, salt, water* можно выделить несколько тематических групп:

1) Фразеологизмы, обозначающие оценку человека (*good egg* – славный, милый человек; *a tough egg* – грубиян, опасный противник, *a rotten egg* – мерзкая личность, *as mean as cat's meat* – сквалыга, жадина, *a hard nut to crack* – о человеке, с которым трудно справиться, *old salt* – опытный, бывалый моряк, старый морской волк, *as weak as water* – слабовольный, безвольный, слабохарактерный, малодушный).

2) Фразеологизмы, обозначающие какую-либо социальную обстановку, положение дел (*eat smb's bread* – есть чужой хлеб, жить на чужой счет, *a bad egg* – что-либо не оправдавшее ожиданий, неудача, провал, *be meat and drink to smb.* – доставлять огромное удовольствие кому-либо, хлебом не корми, необходимо как воздух, *cry over spilt milk* – горевать о непоправимом, *be dead nuts on* – быть искусным в чем-либо, быть докой, знатоком чего-либо, *burn the midnight oil* – работать по ночам, поздно засиживаться за работой, *sit above the salt* – занимать высокое положение в обществе, *above water* – в хорошем положении (особенно финансовом)).

3) Фразеологизмы, обозначающие оценку чего-либо (*every man's meat* – что-либо общедоступное, понятное для всех, *meat and potatoes* – самое важное, основное, *milk and water* – суесловие, «вода», что-либо пустое, бессодержательное, *milk for babes* – что-либо легкое для понимания, простая, несложная книга, статья, *banana oil* – вздор, чепуха, *attic salt* – «аттическая соль», тонкое остроумие, *as unstable as water* – очень неустойчивый, непостоянный).

4) Пословицы (*Better an egg today than a hen tomorrow*. – Лучше яйцо сегодня, чем курица завтра. Не сули журавля в небе, а дай синицу в руки. *He who would eat the nut must first crack the shell*. – Не разгрызешь ореха – не съешь и ядра; Без труда не вытащишь и рыбку из пруда; *It is no safe wading in an unknown water*. – Не зная броду, не суйся в воду. *Still waters have deep bottoms*. – Тихие воды глубоки. В тихом омуте черти водятся).

Анализ фразеологических единиц, относящихся к семантической группе «Пищевые продукты и напитки», показал, что их семантическая структура довольно сложная. Это объясняется переосмысленным характером фразеологического значения и переплетением в нем различных аспектов.

Итак, большинство фразеологических единиц из представленной семантической группы связано с человеком, с разнообразными сферами его деятельности. Языковой антропоморфизм, постоянное стремление человека описывать окружающий мир по образу и подобию своему является общим законом развития средств номинации в языке. Данное умозаключение подтверждает, что фразеологизмы – высокоинформативные единицы языка и их использование в речи необходимо всем, кто изучает английский язык на любом уровне. Словарь фразеологизмов, относящихся к семантической группе «Пищевые продукты и напитки», может послужить основой для этого, а комплекс упражнений поможет легко усвоить понравившиеся фразеологизмы. Укажем, что упражнения апробированы на уроках.

1. Предлагаются картинки, иллюстрирующие фразеологизмы в буквальном понимании. Необходимо понять их иносказательный смысл и привести эквиваленты на русском и английском языках.

2. На карточках написаны фразеологизмы и толкования их значений. Необходимо установить правильное соответствие: *bread and butter* = *a person or company's main source of income*.

3. На карточках написаны фразеологизмы. Необходимо самостоятельно дать толкование их значений.

4. Предлагается заменить в предложении фразеологические единицы соответствующими по смыслу словами: *Employment and taxation are the bread – and-butter issues of politics*. (=basic; very important). И наоборот,

заменить слово или выражение соответствующим по смыслу фразеологизмом: *Employment and taxation are basic issues of politics* (=bread-and-butter).

5. Предлагается серия сюжетных картинок. Необходимо подобрать к каждой картинке соответствующее идиоматическое выражение.

6. Придумать короткие истории, употребляя в них фразеологизмы.

7. Дети получают карточки, на каждой из которых фразеологическая единица или её русский эквивалент. Необходимо составить пары (фразеологическая единица – русский эквивалент).

8. Предлагается дословный перевод фразеологической единицы. Необходимо подобрать русский эквивалент.

9. Учащиеся рисуют фразеологизмы или подбирают к ним картинки.

Английские фразеологизмы, содержащие в своём составе ключевые слова *bread, egg, meat, milk, nut, oil, salt, water*, отражают национальные особенности восприятия человеком окружающего мира, поэтому необходимо учиться правильно толковать и использовать эти средства номинации в английском языке.

В заключение отметим, что многовековая английская фразеология очень богата и интересна. Проведенное нами исследование подтверждает, что английский фразеологизм – сложный и разнообразный симбиоз как исконных, так и заимствованных фразеологизмов, среди них главенствующее положение занимают собственно английские единицы. Фразеологизмы помогают понимать менталитет другого народа, способствуют успешной межкультурной коммуникации, позволяют проникать в потаённые смыслы разных лингвокультур.

Литература и источники

1. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. – Москва: Высш. шк., Дубна: Изд. Центр «Феникс», 1996. – 381 с.

2. Кунин, А.В. Англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин. – Москва: Рус. яз., 1984. – 945 с.

3. Мелерович, А.М. Основные виды словарной семантизации языковой картины мира в двуязычных фразеологических словарях [Электронный ресурс]. / А.М. Мелерович. // Вестник Костромского государственного университета. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-vidy-slovarnoy-semantizatsii-yazykovoy-kartiny-mira-v-dvuyazychnyh-frazeologicheskikh-slovaryah> (Дата обращения – 01.03.2023).

Толстых В.П.,
студент, НИУ «БелГУ», г. Белгород.
Науч. рук. – **Ли К.К.**
к. филол. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «УМ» В «ПОСЛОВИЦАХ РУССКОГО НАРОДА» В.И. ДАЛЯ

Аннотация. В статье анализируются и систематизируются паремиологические единицы, репрезентирующие концепт «Ум». При анализе данных языковых единиц выяснилось, что внутри паремий выделяются антонимичные умозаключения, противоречащие друг другу. Были выделены самые многочисленные и самые малочисленные категории паремий, репрезентирующих концепт «Ум», объединенные по семантическому критерию.

Ключевые слова: концепт, паремиологические единицы, ум.

Summary. The article analyzes and systematizes paremiological units representing the concept “Wit”. When analyzing language units, it turned out that antonymic expressions that contradict each other stand out within the proverbs. The most numerous and the smallest categories of proverbs representing the concept “Wit” were identified, united by semantic criteria.

Key words: concept, paroemia, semantics.

Весь накопленный опыт нации, ее мудрость, пронесенная через века, содержится главным образом в пословицах и поговорках языка. «При всем разнообразии жанров, представляющих паремический фонд русского языка, безусловным «лидером» в аспекте ценностной репрезентации национальной картины мира является пословица» [Семененко 2017: 1]. Соответственно, изучая паремии, сопоставляя их, группируя их по различным концептам, можно проследить сходства и различия разных народов, их отношение к тем или иным процессам.

Объектом нашего исследования выступает концепт «Ум» как явление, отражающее отношение носителей русского языка к интеллекту.

Предметом исследования является репрезентация концепта «Ум» в паремиях русского языка, представленных в сборнике В.И. Даля «Пословицы русского народа».

Цель исследования – определить место паремиологических единиц среди языковых средств, репрезентирующих содержание концепта «Ум».

Исследованиями такого явления, как *концепт*, занимаются несколько лингвистических школ. Представители лингвокультурологического подхода (С.Г. Воркачев, Ю.С. Степанов, А. Вежбицкая) отмечают значимость концепта для культуры определенной страны, признают концепт базовой единицей национального культурного достояния. Сторонники лингвокогнитивного направления (Н.Ф. Алефиренко, Е.С. Кубрякова, И.А. Стернин, З.Д. Попова) считают, что концепт для каждого носителя языка имеет свое значение, свой индивидуальный смысл.

З.Д. Попова и И.А. Стернин выделяют в его составе «базовый слой (чувственный образ), информационное содержание и интерпретационное поле» [Попова, Стернин 2007: 315].

Базовый слой – это ядро концепта, в котором можно выявить два компонента: перцептивные когнитивные признаки (возникают в сознании носителя благодаря отражению им окружающей действительности с помощью органов чувств) и образные признаки (формируются посредством метафорического восприятия какого-либо предмета или явления).

Информационное содержание по своей сути подобно краткому логическому определению ключевого слова концепта (если оно есть), содержащему наиболее значимые его признаки.

В интерпретационном поле выделяют зоны, которые объединяют различные когнитивные признаки, близкие по смыслу: оценочная, энциклопедическая, утилитарная, регулятивная, социально-культурная, паремиологическая.

Итак, полевая структура концепта «Ум» состоит из нескольких компонентов.

1. Ядро: голова, мозг, острый, гибкий.
2. Информационное содержание: качество человека, способность мыслить, знание, рассуждение.
3. Интерпретационное поле, состоящее из нескольких зон. Оценочная зона: правильность, достоинство, успех. Энциклопедическая: чем больше развит ум, тем больше сообразительность человека. Утилитарная: помогает в жизни, делает человека успешным. Регуляторная: нужно развивать, не нужно пытаться казаться умнее, чем ты есть. Социально-культурная: Ломоносов, МГУ, образование, «Горе от ума». И, наконец, паремиологическая: умный любит учиться, а дурак учить; ум не в бороде, а в голове и т.д.

Образ и содержание составляют информационный каркас концепта, интерпретационное поле является его периферией.

Ум – это слово абстрактной семантики, с давних времен оно воспринимается не только как интеллектуальное, но и как нравственное понятие. Существует большое количество языковых единиц, передающих разнообразные черты и характеристики мыслительных способностей, зафиксированные народным сознанием. «Что за пословицами и поговорками надо идти в народ, в этом никто спорить не станет; в образованном и просвещенном обществе пословицы нет; попадают слабые, искаленные отголоски их, переложенные на наши нравы или испошленные нерусским языком, да плохие переводы с чужих языков» [Даль 2002: 13].

«С развитием и утверждением идей и принципов антропоцентризма в языке паремии (афоризмы фольклорного происхождения) практически всеми исследователями трактуются как репрезентаторы национального менталитета

и в связи с этим представляют особый интерес как средство выражения сущности концептуальной структуры этнокультурного сознания» [Алефиренко 2010: 169]. Описание концепта «Ум» на основе анализа русских пословиц и поговорок позволяет определить специфику этнокультурных представлений о данной сущности. В каждой пословице ученье представляется по-разному. Наличие ума или образования у человека приобретает как положительную, так и отрицательную оценку. Исходя из совокупности этих фактов, можно составить классификацию паремий. Нами было проанализировано и систематизировано около 500 паремий, репрезентирующих концепт «Ум», из сборника «Пословицы русского народа» В.И. Даля. Паремии были выбраны из следующих разделов: Ум – Глупость, Ученье – Наука, Грамота, Молодость – Старость.

Самая обширная категория – паремии, характеризующие глупого человека, неспособного к умственной или физической деятельности (159): *Спереди дурак, да и сзади так, Что он дурак, так это и мать его родная скажет, Неразумного учить – в бездонную кадку воду лить, Дурака учить – что мертвого лечить, С дураком говорить, что в стену горох лепить.* Глупый человек, по мнению народа, не разбирается в том, о чем говорит: *Как слепой о красках рассуждает, Дикая собака и на небо лает, Малый, что глупый: что видит, то и бредит;* не умеет применять свои знания: *Много видит, да мало смыслит, Человек он умный, только мало смыслит;* часто подвержен эмоциям: *Ума нет, а сердце (т. е. злость) есть, Сдуру, что с дубу, Умной спеси не бывает.* Необразованность и врожденная глупость крайне распространена среди людей (21): *Дураками свет стоит (или: красится), Дураков ни орут, ни сеют, а сами родятся, Для дураков не за море ездить, и дома есть, На наш век дураков станет (да и на ваш хватит), На Руси, слава Богу, дураков лет на сто припасено.* Часть пословиц характеризует взаимодействие глупых людей: *Два дурака сошлись в одни ворота, Связался дурак с дураком – не разрубишь их и топором, Дурак, кто с дураком свяжется.*

Нередко в паремиях встречается сопоставление качеств людей умных и глупых (52). При этом мнение народа может быть как на стороне одних, так и на стороне других. В большинстве пословиц и поговорок из этой категории выражается превосходство умного человека над глупым: *Глупый киснет, а умный все промыслит, Глупый осудит, а умный рассудит, Умный смиряется, глупый надувается, Дураки о добыче спорят, а умные ее делят, Глупый ищет места, а разумного и в углу видно.* Иногда же, наоборот, глупость, по мнению носителей, приносит человеку счастье и удачу: *Глупый про себя согрешит, а умный многих соблазнит, С умом жить – мучиться, а без ума жить – тешиться, Где умному горе, там глупому веселье, Умный плачет, а глупый скачет, Без ума житье – рай.* Более того, нами была выделена целая

категория паремий (28), в которых высказывается мысль о негативном отношении народа к излишне умным людям: *Начало премудрости страх Божий, Я бы ему именным указом запретил думать, Не делай своего хорошего, делай мое худое, Дума, что борода: лишняя тягота, Много ума – много греха, а на дурне не взыщут, Бес всех умнее, а злой дух (а люди не хвалят).* Есть негативный смысл и в паремиях со смысловым компонентом *образование* (11). По мнению носителей, грамота дается большинству людей тяжело, а понятие *образование* напрямую связано с понятием *мука*: *Это не ученье, а мученье, Что скоро скучит, то скоро научит, Что мир учит, то людей мучит, Корень учения горек, да плод его сладок.* Интересно, что соотношение понятий *ум* и *Бог* в паремиях русского народа также различается (15). В некоторых пословицах и поговорках *ум* – это благословение, награда, данная Богом: *Всякая мудрость от Бога, Молчи, коли Бог разуму не дал, Кому Бог ума не дал, тому кузнец не прикует, Вразуми его, господи!* Но в некоторых паремиях говорится, что Бог, наоборот, покровительствует глупым: *Умный сам по себе, а дураку Бог на помочь, На дурака у Бога милости много, Дурак – Божий человек.*

Разумеется, наличие ума положительно влияет на жизнь человека. Например, умные люди самостоятельно принимают решения, не зависят от мнения окружающих (21): *На то человек на свет рождается, чтоб жить своим умом, Чужим умом жить – добра не нажить (своего не нажить), Слушай людей, а делай свое, Шуба на сыне отцовская, а ум у него свой.* Люди в большинстве своем тянутся к общению с умным человеком, так как, по мнению народа, умственная деятельность связана с речемыслительной (8): *Умную речь хорошо и слушать, В умной беседе быть – ума прикупить, а в глупой, и свой растерять, У дурака дурацкая и речь.* Кроме того, наличие ума дает возможности, облегчает жизнь (22): *Был бы ум, будет и рубль; не будет ума, не будет и рубля, С умом торговать, без ума горевать, Умный суму наживает, глупый и ту проживает, Глупый ищет большого места, а умного и в углу знать.* Таким образом, умный человек в глазах народа является более ценным, значимым для общества (31): *Умный одно слово вымолвит, и то скажется, Велик бы детина, да дешев, Отчего мужик дешев? – Оттого, что глуп, За одного битого двух небитых дают, да и то не берут.*

Также мы выделили несколько групп паремий, в которых понятие *ум* соотносится с другим понятием. Например, часто в пословицах и поговорках русского народа высказывается мысль о несоответствии хорошего внешнего вида человека его мыслительным способностям (41): *Волосу многонько, а разуму маленько, По платью встречают, по уму провожают, Лоб широк, да мозгу мало, Дурень, да фигурен: в потемках хорош.* Наличие ума

превосходит наличие большой физической силы: *И сила уму уступает, Сила – ума могила, Сила ум ломает, Не силою дерутся, умением.*

Неоднозначно мнение носителей и о зависимости ума от возраста человека. С одной стороны, мыслительные способности зависят от опыта (40): *Ум не в бороде, а в голове, Стар годами, да молод умом, Долго пожил, а ума не нажил, До лысины дожил, а ума не нажил.* С другой стороны, народ уважает старость, признает, что взрослые люди порой знают больше (18): *Наживемся, кума, – наберемся ума, Старый пес не обманет, Старый ворон не каркнет мимо (опытен), Седина в бороду – ум в голову, Молодой работает, старый ум дает.*

Интересно и то, как в паремиях показана взаимосвязь денег и высокой должности и наличия у человека ума (27). В части пословиц говорится о том, что богатые и высокопоставленные люди не обязательно умны: *Дома пан, а в людях болван, Богатый на деньги, голь на выдумки (на ум), Денег много, да разума нет, На деньги ума не купишь.* Другие же пословицы говорят о прямой зависимости умственного богатства от физического: *Без денег и разума нет, Ума много, да денег не так – и век дурак, Будет именье, будет и уменье, С богатством ум приходит.*

Представим диаграмму, в которой все вышеперечисленные категории наглядно представлены в количественном соотношении:

Мы видим, что самый распространенный вид паремий, репрезентирующих концепт «Ум», в «Пословицах русского народа», – это паремии, характеризующие глупых представителей общества. Самые же

нераспространенные, объединенные в графу *Другое*, – о влиянии умственных способностей на речемыслительную деятельность, о сложности получения образования, а также пословицы, в которых присутствует образ Бога.

Вышеизложенные языковые факты свидетельствуют о неоднозначном отношении русских людей к способности человека мыслить, рассуждать, получать знания. Практически на каждую паремию есть антонимичная ей: «Ум без книги что птица без крыльев» – «Книга – книгой, а своим умом двигай». «Один и тот же концепт как бы поворачивается разными сторонами к разным людям, благодаря чему особенно хороша его многослойность и многоаспектность» [Стернин 2001: 64]. Таким образом, с помощью семантики паремий передаются как ядерные когнитивные признаки (голова, мозг), так и периферийные (образование, достоинство, ценность).

Литература и источники

1. Алефиренко Н.Ф. Значение и смысл русских паремий в свете когнитивной прагматики / Н.Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2010. – N 6 (85), ч. 2. – С. 169-180.
2. Даль В.И. Пословицы русского народа. – Москва: Эксмо, 2002. – 616 с.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: учебник. – Москва: АСТ, 2007. – 315 с.
4. Семененко Н.Н. Стереотипизированная мораль как ценностный субстрат семантики пословицы // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – № 12 (декабрь). – С. 175–183. – URL: <http://e-koncept.ru/2017/175015.htm> (Дата обращения – 01.05.2023)

Клюйко Ю.А.,
аспирант, НИУ «БелГУ», г. Белгород.
Науч. рук. – Чумак-Жунь И.И.
д. филол. н., профессор, НИУ «БелГУ», г. Белгород

ДИАЛОГ VS ДИАЛОГИЧНОСТЬ: К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ

Аннотация. В научной статье рассматриваются различия между такими номинациями, как «диалог» и «диалогичность». Выявлены основные различия в рамках художественных произведений. Предложены к рассмотрению литературоведческий и лингвистический подходы.

Ключевые слова: диалог, речь, текст.

Summary. The scientific article discusses the differences between such nominations as “dialogue” and “dialogueness”. The main differences within the framework of literary texts are revealed. Literary and linguistic approaches are proposed for consideration.

Key words: dialogue, speech, text.

Понятия «диалог» и «диалогичность», как многие другие теоретические категории, представлены в современной лингвистике и литературоведении в широком и узком понимании.

Рассуждая о диалогичности в широком понимании, стоит обратиться к работам М.М. Бахтина, в которых сопоставляются понятия «личность» и «личностное сознание» и утверждается, что диалогические рубежи пересекают все человеческое мышление. Диалогичность в широком понимании – речетекстовая категория, участниками которой являются не только реальные, но и воображаемые, мыслимые собеседники. Например, диалогичность пушкинского «Воспоминания» можно представить как своеобразную сеть, в которой переплетаются сознание автора, читателя, лирического героя, его воображаемого безмолвного собеседника: *Воспоминание безмолвно предо мной Свой длинный развивает свиток; И с отвращением читая жизнь мою, Я трепещу и проклиная, И горько жалуюсь, и горько слезы лью, Но строк печальных не смываю.* С другой стороны, в узком смысле, являясь одним из текстовых механизмов, диалогичность определяет непосредственное взаимодействие автора и читателя, позволяя адресату не только понять замысел автора, но и облегчая его погружение в художественную реальность. По М.М. Бахтину, «событие жизни текста, т.е. его подлинная сущность, всегда разыгрывается на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [Бахтин 2000: 303]. Создавая текст, писатель произвольно учитывает круг и интересы будущих читателей. Итак, мы понимаем диалогичность как диалог двух сознаний – автора и читателя.

В работах М.М. Бахтина активно расширило свое значение и понятие «диалог». Теперь оно стало включать в себя и жизненно-философско-эстетическую позицию – диалог стал частью глобального гуманистического явления, которое понимается как «акт поведения и как средоточие мысли, чувства, воли персонажа» [Хализев 2002: 196].

В традиционном понимании *диалог*, с точки зрения лингвистики, является синонимом термина *диалогическая речь*. Обратившись к ЛЭС [М, 1990], мы выясняем, что диалогическая речь определяется как:

1) форма (тип) речи, состоящая из обмена высказываниями-репликами, на языковой состав которых влияет непосредственное восприятие, активизирующее роль адресата в речевой деятельности адресанта;

2) первичная естественная форма языкового общения.

Несомненно, диалог, будучи центром речевой деятельности, является исторически первичным. Большое внимание диалогической речи уделял Л.В. Щерба, который утверждал, что подлинное свое бытие язык обнаруживает лишь в диалоге [Щерба 1915: 17-58]. Диалогическая речь чаще всего образуется в прямом, непосредственном контакте между людьми, находящимися рядом в определенный момент, и носит непринужденный, выразительный характер в условиях неофициальности и кулуарности, а также в атмосфере морального равенства говорящих. В процессе диалога

каждое высказывание непредсказуемо, сиюминутно и зависит от предыдущего. Диалогическую речь составляют реплики, определенные отношениями ее участников, где каждый понимает друг друга на очень высоком уровне сознания.

Л.П. Якубинский считал, что «рассмотрение языка в зависимости от условий общения является базой современного языкознания» [Якубинский 1986: 18]. Диалог, широко представленный как первичная форма языкового общения, в конкретном виде проявляется как внутритекстовый диалог, который в последнее время все чаще становится основой коммуникативных исследований.

Диалог в художественном произведении представляет огромный потенциал для анализа речевых форм как таковых. Лингвисты, рассматривая диалогическую речь в контексте художественной литературы, ориентируются на следующий набор заложенных в нем признаков: «наличие не менее двух собеседников; обязательная смена говорящих; участники диалога понимают язык, на котором ведется диалог; участники диалога видят, по меньшей мере, слышат друг друга» [Лагутин 1991: 8].

Мы можем интерпретировать диалог как разговор между несколькими лицами, основная сфера реализации которого – устная речь, используемая, в том числе, в литературных произведениях. Именно художественный текст позволяет рассмотреть особенности взаимодействия персонажей в процессе речевого общения, что дает огромный потенциал для изучения диалога и диалогичности.

Блестящими примерами психологической характеристики героев являются диалоги героев «Мертвых душ» Н.В. Гоголя. С одной стороны, это реплики помещиков – их яркий речевой портрет, с другой – уникальная мимикрия Чичикова, который, при покупке крестьян, например, очень обходительно общается с Маниловым (1), но не скрывает раздражения в разговоре с Коробочкой (2).

1. – *Нет, я не то чтобы совершенно крестьян, – сказал Чичиков, – я желаю иметь мертвых... Я полагаю приобрести мертвых, которые, впрочем, значились бы по ревизии как живые, – сказал Чичиков.*

2. – *Вы, матушка, – сказал он, – или не хотите понимать слов моих, или так нарочно говорите, лишь бы что-нибудь говорить... Я вам даю деньги: пятнадцать рублей ассигнациями. Понимаете ли? Ведь это деньги.*

Внутритекстовый диалог – не только вербальное общение между действующими лицами, предполагающее изучение речевых характеристик персонажей, но и общение сознаний, причем важным фактором речевой деятельности героя литературного произведения является как непосредственно речь, так и паралингвистические характеристики – мимика, жесты, интонации, в которых, собственно, проявляется внешняя сторона

диалога. Поэтическое воссоздание речи людей является основой словесной образности. В литературном произведении язык – и основа образности, и объект художественного изображения. Диалог является основой сюжетного действия, проявляющего психологический потенциал личности в ее внешнем поведении и внутренних монологах.

*Сжала руки под темной вуалью...
«Отчего ты сегодня бледна?»
– Оттого, что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.*

*Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот...
Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.*

*Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».*

В стихотворении Анны Ахматовой, написанном в 1911 году, только несколько фраз – непосредственный диалог героев. Почти весь текст – описание невербального поведения, указывающее на эмоциональное состояние: героиня – *бледность, сжатые руки*, герой – *вышел, шатаясь, искривился мучительно рот*, просодические характеристики: героиня – *крикнула, задыхаясь*, герой – *улыбнулся спокойно и жутко*.

В литературоведческих работах термин *диалог* представлен как общение между двумя и более лицами, как часть художественного текста и как литературный жанр [Егоров ЛЭС 1987: 96].

Литературоведы в противовес лингвистам в основу ставят носителя речи, из слов которого состоит художественный текст. С их точки зрения, диалог становится частью словесно-художественного текста, одним из его компонентов, воспроизводящим речевое общение персонажей [ЛЭМ М., 1987]. По словам М.М. Бахтина, «говорящий человек и его слово в романе есть предмет словесного же и художественного изображения» [Бахтин 1975: 145]. Диалог становится частью предметного слоя произведения и составляет феномен литературного языка.

Зачастую конфликт персонажей основан на разных точках зрения, которые выявляются путем непосредственного общения друг с другом. Так как их мысли, чувства и действия носят определенный характер, то диалогическое общение помогает последовательно разобрать основу расхождения во взглядах. Персонажи только в процессе активного общения

способны полностью реализовать свой мысле-чувственный спектр в реальности.

Пристальное внимание диалогам романного жанра литературоведы начали уделять в XX веке. Здесь стоит снова обратиться к работам М.М. Бахтина, который видел важнейшей целью исследования изображение самого человека. При этом он активно подчеркивал, что важен не образ самого персонажа как такового, а именно образ говорящего персонажа. Диалог стал для М.М. Бахтина не просто формой речи, а формой отношений, которые организуют романное целое. Ученый активно подчеркивал, что сложная жизнь языковых, идеологических и социальных отношений нового времени не могут быть поняты без глубокого изучения диалогической природы и их разновидностей. Работы Бахтина о диалоге в романе имеют огромное значение для анализа творчества тех авторов, где мы видим личность, которая формулирует свои мысли в непосредственном общении с окружающим миром. В своей работе «Слово о романе» Бахтин пишет о том, что «диалогическая ориентация слова среди чужих слов создает новые и существенные художественные возможности в слове, его особую прозаическую художественность, нашедшую свое наиболее полное и глубокое выражение в романе» [Бахтин 1975: 89].

Таким образом, диалогические отношения должны войти в сферу бытия и «стать словом, то есть высказыванием, и получить автора, то есть творца данного высказывания, чью позицию оно выражает» [Бахтин 1979: 213]. Здесь можно говорить о том, что работы и о «диалоге», и о концепции «диалогичность», написанные М.М. Бахтиным, наиболее полно раскрывают духовно-философский акцент на личности героя в сознании самого писателя, но при этом важно понимать ситуативный характер диалога и его потенциал для человеческих отношений и личностного начала.

Литература и источники

1. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. Редкол.: Л. Г. Андреев, Н. И. Балашов, А. Г. Бочаров и др. – Москва: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва: Сов. энциклопедия, 1990. – 683 с.
3. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – Москва: Худож. лит., 1975. – 504 с.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров; Текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; Примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. – Москва: Искусство, 1979. – 424 с. – (Из истории сов. эстетики и теории искусства).
5. Бахтин М.М. Собрание сочинений. В 7-т./Ин-т мировой лит. им. М. Горького Рос. акад. наук. – Москва: Русские словари, 1997.
6. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Эпос и роман. – СПб.: Азбука, 2000. – 504 с.
7. Лагутин В.И. Проблемы анализа художественного диалога : (к прамгмалингвист. теории драмы) / В.И. Лагутин. – Кишинев : Штиинца, 1991. – 97 с.

8. Хализев В.Е. Говорящий человек. Диалог и монолог. // Теория литературы: Учебник / В.Е.Хализев. – 3-е изд., испр. и доп.— М: Высш. шк., 2002. – С.232.
9. Щерба, Л.В. Восточно-лужицкое наречие / Л.В. Щерба. – Пг., 1915 – Т. I. – 387 с.
10. Якубинский, Л.П. О диалогической речи / Л.П. Якубинский // Избранные работы. Язык и его функционирование. – Москва:Наука, 1986. – 207 с.

*Холманова М.,
магистрант, СОП КарГУ, г. Карши –
НИУ «БелГУ», г. Белгород
Науч. рук. – Голева Н.М.,
к. филол. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ: РУССКИЕ И УЗБЕКСКИЕ ПАРЕМИИ

Аннотация. В статье анализируются черты малого фольклорного жанра – пословиц и поговорок, даются их отличительные признаки. Автором предпринята попытка выявить межъязыковые параллели паремий в русском и узбекском языках. Паремии разных этносов могут варьироваться на уровне структуры и семантики.

Ключевые слова: паремии, пословицы, поговорки, межъязыковые параллели / конфигурации / трансформации.

Summary. The article analyzes the features of small folklore genres such as proverbs and sayings, their distinctive features are given. The author attempts to identify interlanguage parallels of paroemia in Russian and Uzbek languages. The paroemia of different ethnic groups may vary at the level of structure and semantics.

Keywords: paroemia, proverbs, sayings, interlanguage parallels/configurations/transformations.

Изучение паремиологического фонда любого языка отсылает исследователя к данным фольклористики, этнографии, истории, социологии и т.п. Пословицы и поговорки – малый жанр народной словесности. Паремии возникли в древности в синкретическом состоянии, когда искусство и другие виды духовности были неразделимы. Присоединяемся к общепринятому мнению, что паремиологические выражения представляют собой целый мир определённого этноса: это человек и его привычки, умения, характер, традиции, история, труд, учёба, общение, отношения с другими людьми и народами; это наблюдения над миром животных, растений; это природа с определёнными ландшафтными особенностями, климатическими условиями; это гендерные характеристики. За пословицей и поговоркой стоит наблюдательность, острота мышления, вековой опыт, закономерности жизненного уклада того или иного народа.

Изучив различные точки зрения по этому вопросу, схематично опишем черты данных жанров.

Пословица – для неё характерны ёмкость, устойчивость, отличается от фразеологизмов, законченное суждение (И.В. Даль, И.М. Снегирёв,

М.А. Рыбникова), состоит из двух частей (И.В. Даль, А.Н. Мартынова), замкнутая структура-клише, завершённая грамматическая структура (кроме всех ранее названных паремиологов, к этой точке зрения присоединяется и Г.Л. Пермяков).

Поговорка – выражает понятие, намёк; является подобием фразеологизма (В.П. Жуков), это иносказательное толкование (В.П. Аникин), идентифицируется при помощи синонимов (З.К. Тарланов), не замкнутая, а изменяемая структура, которую можно дополнить (Г.Л. Пермяков).

Ходячими речениями называл В.И. Даль пословицы и поговорки: «...признавая пословицу и поговорку за ходячую монету, очевидно, что надо идти по ним туда, где они ходят...» [Даль 1989 :10]. Он отмечал, что «пословица – обиняк, с приложением к делу, понятый и принятый всеми. ...полная пословица состоит из двух частей: из обиняка, картины, общего суждения и из приложения толкования», а «поговорка – окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения, применения; это первая половина пословицы» [Даль 1989 :14].

По мнению В.П. Жукова, пословицы – жанр, имеющий не только прямое значение, но и жанр образный, для него характерно метафорическое значение, наличие вторичного плана выражения. Следовательно, пословицы бывают образные и безобразные. Учёный также отмечает, что поговорка характеризуется прямым значением. Анализируя дефиниции терминов *пословица* и *поговорка* в рецензии второго, исправленного и дополненного издания «Словаря русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова, В.М. Мокиенко указывает: «Мною отстаивалось и традиционное толкование, где пословица – это законченное образное или безобразное изречение афористического характера, имеющее назидательный смысл и характеризующееся особой ритмической и фонетической организацией. Поговорки же интерпретировались... так же традиционно – как фразеологизмы в узком смысле слова» [Цит. по: Мокиенко 2021]. Различия между этими жанрами просматриваются в функциональном плане, в структурном и семантическом аспектах.

Мы присоединяемся к мнению учёных, которые считают, что пословицы и поговорки – это разные паремиологические жанры, которые отличаются от фразеологизмов, имеют разные способы выражения суждения, а также различаются по наличию/отсутствию прямого и переносного значения (В.П. Жуков, А.А. Молотков и др.).

Изучение русского фольклора вообще и пословиц и поговорок в частности способствует реализации межкультурной коммуникации. Иностранные студенты, учащиеся не только изучают русский язык, но и познают русскую культуру и её особенности, русский менталитет,

особенности народных ценностей, народное словесное творчество. Пословицы и поговорки отражают мир морали, нравственности, этики, в том числе и речевого этикета.

Сопоставляя русские и узбекские паремии, мы обратились к «Пословицам русского народа» В.И. Даля (1989) и к «Узбекским народным пословицам» (ziyonet.com).

Отметим полные структурные и семантические эквиваленты в русском и узбекском языках:

Сначала подумай, потом говори. Ср.: Олдин уйла кейин сузла – имеет такое же значение. В русском языке есть синонимическая пословица: *Не торопись отвечать, торопись слушать*. К таким паремиям относятся и следующие выражения:

- *Цыплят по осени считают (Жужжани кузда санайдилар).*
- *Бережёного Бог бережёт (Асранганни худо асрайди).*
- *Сказанное слово – выпущенная стрела (Айтилган сўз – отилган ўқ).*

Названные паремии характеризуют этические устои, жизненные правила, которые совпадают у разных народов. Мы можем сделать вывод, что наши народы конгениальны, родственность их душ проявляется и в народном творчестве.

Проследим, какие конфигурации паремий на семантическом и структурном уровне наблюдаются в русском и узбекском языках.

1. Структурные изменения.

1. Замена компонента паремии. – *Три года не три века* или синонимичная структура *Три дня не три года*. В узбекском языке при тождестве смысла разнятся временные компоненты: *Один день не год / Один день не тысяча дней (Бир кун минг кун эмас)*. Или – *Незванный гость хуже татарина. – Незванный гость словно необтёсанное бревно.*

2. При разных номинациях предметов, явлений, действий сохраняется смысловое тождество паремий: *Аппетит приходит во время еды. Ср. узб.: Одна пища прокладывает дорогу другой (Овкат овкатга йўл беради).*

3. Паремии в узбекском языке имеют вторую часть умозаключения. В русской паремии смысл заложен в простом предложении, а в узбекской – в сложном. Например, в русском языке частотным является выражение *Друзья познаются в беде*, а в узбекском языке актуально и продолжение этой пословицы *Друзья познаются в беде, людей узнают в труде (Дўст дўстни кулфатда синар, одам одамни – меҳнатда)*. К этой группе причисляем и поговорку в русском употреблении *Губа не дура*, которой соответствует узбекский вариант *Губа не дура, язык не лопата (Гўшт олишни билмайман, ёғ-ёғидан кес)*.

4. Паремии, представляющие собой сложносочинённые предложения в русском языке, трансформируются в сложноподчинённые в узбекском: Ср.:

Не имей сто рублей, а имей сто друзей – Чем иметь сто рублей, лучше иметь сто друзей (Юз сўм пулинг бўлгунча юзта дуст бўлсин).

II. Структурно-семантические трансформации:

Русской пословице *Не ищи жилья, а ищи хозяина* соответствует узбекская – *Не купи двор (дом), а купи соседа (Ховли олма кушни ол)*. Первое изречение соответствует следующему значению: «Дом, жильё – это показатель хозяйственности, это лицо хозяина», то есть хороший хозяин любое жильё облагородит, обустроит. Соответствующая узбекская параллель заменяет компонент *хозяин* на лексему *сосед*. Пословица в связи с этим семантически разнится с русской и имеет такое значение: соседи оказывают влияние на нашу жизнь, и если они плохие (по каким-то параметрам не подходят), то придётся переехать в другой дом.

Синонимическому ряду паремий в русском языке – *Своя избушка – свой простор. Своя хатка – родная матка. В гостях хорошо, а дома лучше.* – соответствует узбекская пословица *Свой дом – своя смертная постель (Уз уйинг улан тушагинг)*. В дословном переводе это достаточно грубое выражение, но, в общем, имеет значение «нигде так не бывает хорошо, как в своём доме» (Ср. англ. пословицу: *east or west home is best*).

Паремии узбекского народа также имеют синонимы: – *Поручи лентяю дело, он надаёт советов тебе; Поручи лентяю работу, он тебе советов даст больше родного отца. – Была бы голова цела, тубетейка найдётся; Была бы пшеница, мера найдётся.* В синонимические отношения вступают и паремии разных народов. Ср.: *В бочку с мёдом – ложку дёгтя – В медный котёл – чашку грязи; Волков бояться – в лес не ходить – Кто волков боится – в камыши не заходит.*

Доминантными в паремиях русского и узбекского народа являются концепты *Дом, Семья, Ум, Дружба*. В фольклоре Узбекистана есть паремии, характеризующие быт, уклад, менталитет народов государства: *Хаджи видит хаджу в Мекке; У каждого джигита своя удача; Аяз, не забывай свои прошлые дни, не уничтожай старую обувь; Прогневавшись на Али, наброситься на Вали; Арык водой размывает, человека человек портит; Под тубетейкой есть человек и др.*

Итак, паремии – жанр, который на небольшом текстовом пространстве точно, кратко, ясно позволяет выразить жизненную мудрость, многовековой опыт народа.

Паремии разных этносов представляют собой культурное наследие, многие из них свидетельствуют об общности лингвокультуры, о глубинных семантических процессах в языках.

Литература и источники

1. Мокиенко В.М. Пословицы Петровского времени в Словаре В.П. Жукова. VERBA [Электронный ресурс] // Северо-Западный лингвистический журнал, 2021. 2 (2). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/poslovitsy-petrovskogo-vremeni-v-slovare-v-p-zhukova/viewer>.

2. Узбекские народные пословицы [Электронный ресурс]. Режим доступа: ziyonet.com.
3. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля в 2-х томах. Т.1.– Москва: Художественная литература, 1989. – 432 с.

*Ширина А.А.,
студент, НИУ «БелГУ», г. Белгород.
Науч. рук. – Ильенко Н.М.,
к. пед. н., доцент, НИУ «БелГУ», г. Белгород*

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ С ТОЛКОВЫМ СЛОВАРЁМ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРНОГО ЧТЕНИЯ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ ПРИ ИЗУЧЕНИИ УСТАРЕВШЕЙ ЛЕКСИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности работы с толковым словарём на уроках русского языка и литературного чтения в начальной школе при изучении устаревшей лексики. Даются общие методические принципы работы со словарём, предложена система упражнений, направленная на формирование лингвистической компетенции, языковой функциональной грамотности младших школьников при изучении устаревшей лексики.

Ключевые слова: толковый словарь, приёмы работы со словарём, устаревшая лексика, младший школьник.

Summary. The article discusses the features of working with an explanatory dictionary in the lessons of the Russian language and literary reading in elementary school when studying obsolete vocabulary. General methodological principles of working with the dictionary are given, a system of exercises aimed at the formation of linguistic competence, language functional literacy of primary schoolchildren in the study of outdated vocabulary is proposed.

Key words: explanatory dictionary, methods of working with a dictionary, obsolete vocabulary, primary school student.

В современных условиях особое значение уделяется патриотическому воспитанию подрастающего поколения, приобщению его к национальным ценностям, истории, культуре, развитию мотивации изучения русского языка. По словам К.Д. Ушинского, «в языке одухотворяется весь народ и вся Родина; в нем претворяются творческой силой народного духа в мысль и звук небо отчизны, ее воздух, физические явления. ее климат. ее поля, горы и долины. ее леса и реки, ее бури и грозы... Но в светлых, прозрачных глубинах народного языка отражается не одна природа родной отчизны, но и вся история духовной жизни народа» [Ушинский 1994: 374]. Отечественные русисты исходят из принципа неразрывной связи родного языка и родной культуры.

Внесенные изменения в ФГОС НОО подчеркивают роль русского родного языка в системе воспитания младших школьников. Учитель находится в постоянном поиске инновационных методов, форм, приемов, средств, способствующих решению задач патриотического воспитания младших школьников, созданию условий для формирования интереса к

исследованию тайн русского языка. Уже в начальной школе необходимо сформировать представление у младших школьников о том, что русский язык складывался веками, и в нем нашли отражение географические, климатические, погодные, природные условия существования наших предков. Особенности восприятия окружающей действительности нашли выражение в лексических единицах – словах. На уроках русского языка в начальной школе дети знакомятся с особым пластом лексики русского языка – устаревшей, которую некоторые ученые называют этнокультуроведческой [Яковлева 2009: 48]. По определению ученых, «этнокультуроведческая лексика – это слова в которых сконцентрирована национально-культурная семантика, отражающие специфику культуры русского народа, особенности традиций, обычаев и обрядов». Для национально маркированных единиц важно толкование лексической единицы, включающее описание предмета или явления, информацию энциклопедического характера и, если возможно, семантизирующую иллюстрацию.

В учебниках для начальной школы мы встречаемся с устаревшей лексикой, которая включает информацию по истории страны, сведения о чинах, титулах, одежде разных сословий, интерьере, утвари, мерах, архитектурных сооружениях и многое другое. Для семантизации слов используют разные приемы.

Работа со словарями активизирует мыслительную деятельность учащихся, способствует развитию мотивации изучения русского языка, его связи с культурой, обычаями и традициями нашего народа.

Работа с толковым словарем на уроках – это не единичный случай в работе учителя, а систематическая деятельность, направленная на обогащение, уточнение, активизацию словаря и избавление от нелитературного произношения младшего школьника. Этот вид работы также ориентирован на формирование познавательных универсальных учебных действий, информационной составляющей функциональной грамотности.

Познакомиться с лексическим значением неизвестных слов при изучении устаревшей лексики, усвоить грамматические формы, нормы языка можно с помощью дифференцированных приемов работы с толковым словарем.

Для того чтобы младшие школьники на первоначальном этапе приступили к овладению словарным запасом родного языка, необходимо развивать потребность обращений к словарю за толкованием тех или иных слов, создавая на уроках проблемные ситуации, предлагая для решения кейсовые задания, включая детей в проектную и исследовательскую деятельность.

В работе со словарями можно выделить два основных этапа: первичное знакомство и основной этап. На первом этапе можно познакомить учащихся

с автором, историей создания словаря. Немаловажным будет изучение обложки и состава словаря. Особое внимание учитель уделяет структуре и объяснению учащимся системы расположения словарных статей. На основном этапе продолжается работа со структурой словаря и по непосредственному поиску значения незнакомого слова. Важно уделять внимание и подготовительной работе, которая ведется при изучении алфавита, ведь именно алфавитная система заложена в структуре толкового словаря [Достовалова 2018: 41].

Общие методические принципы работы со словарем, сформулированные М.Р. Львовым [2007]: обнаружение нового слова; выяснение толкования значения слова; выполнение упражнений с новым словом; активизация словаря, то есть перенесение нового слова из пассивного словаря в активный. При выяснении значения нового слова мнения методистов разделились, некоторые считают, что школьникам следует называть страницу словаря, чтобы они не тратили время [Гуркова 2014], другие преследуют цель, чтобы учащиеся сами полистали страницы книги для закрепления системы поиска нового слова. Также при этом поиске действует зрительная память. Младшие школьники смогут запомнить написание, произношение как общеупотребительных, так и малоизвестных слов. Именно поэтому второй способ, по нашему мнению, является более эффективным.

Как второй, так и третий принцип М.Р. Львова может опираться на самостоятельную деятельность младших школьников: они работают со словарными сносками, иллюстрациями и т.д., в групповой работе подбирают синонимы, антонимы, словообразовательные цепочки, проводят аналогии при изучении и иноязычной лексики.

Необходимость обращения к толковому словарю с целью уточнения или расширения значения слова может возникнуть на любом этапе урока. Устаревшие слова наиболее часто встречаются в художественных произведениях учебников по литературному чтению, но все же конкретной работы с этими словами и терминами не предполагается. В учебник по литературному чтению для 4-го класса (УМК «Перспективная начальная школа») включен словарь, содержащий тридцать одно устаревшее слово, но количество устаревших слов в текстах значительно больше. Нами выявлено двадцать восемь устаревших слов, которые содержатся в текстах учебников, но не представленных в словаре (например, ратник, псарь, летописец, купец, ларь и др.).

Учитель опирается на междисциплинарные связи русского языка, литературного чтения и математики при изучении этнокультуроведческой лексики. Так, в содержание учебника по математике для 2-го класса включена тема «Старинные меры длины».

Младшие школьники знакомятся с мерами длины, такими как локоть, сажень, пядь и др. Для лучшего усвоения этих слов и понимания значения авторы иллюстрируют представленные слова рисунками. На уроке русского языка учитель предлагает детям с помощью толкового словаря найти значения слов. Предлагает проблемную игру «Стройся по порядку». Дети должны вспомнить, какая мера длины является самой маленькой и т.д. до самой крупной. Также можно предложить учащимся начальной школы составить фразеологизмы из отдельных слов, куда входит мера длины, вспомнить значение фразеологизма или воспользоваться словарем фразеологизмов, уточнив их этимологию. (*Мерить на свой аршин, Верста коломенская, Косая сажень в плечах*).

Детям можно предложить прочитать отрывок из былины. Учитель предлагает посчитать и дать точный ответ размера камня, который описан в отрывке: *В вышину камень три сажени – через него только топор подать; в длину камень три аршина с четвертью*.

Знакомство с устаревшими словами в курсе русского языка ведется на практическом материале в разделе «Язык как средство общения». Упражнения с лексикой можно разделить на две группы: содержащие работу с устаревшими словами и не содержащие. Так, в учебнике для 4-го класса есть упражнение, включающее в себя строки из «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина. В тексте упражнения присутствуют устаревшие слова *государыня, барыня*, но объяснения их значений нет ни в заданиях к упражнению, ни в словаре учебника. Учитель предлагает детям найти значение устаревших слов в словаре и подобрать к ним эпитеты.

На уроках русского языка можно предложить учащимся такие задания, которые учащиеся выполняют при обращении к толковому словарю.

1. Замените устаревшие слова синонимами: очи, чело, ланиты, уста, перст, баталия, глаголет, бранобрей (слова для справок: *щёки, глаза, губы, парикмахер, битва, говорит, лоб, палец*). Составьте предложения с устаревшими словами и попробуйте заменить их на современные употребления данных слов. Изменится ли смысл предложения?

2. К устаревшим словам из верхнего ряда подберите современные слова из нижнего ряда. Запишите пары слов. 1. Издалеча, воротился, град 2. Город, издалека, вернулся.

3. Дайте значение незнакомых слов и словосочетаний, воспользуйтесь дополнительными словарями при необходимости. Отрывок из «Евгения Онегина» «Зима!.. Крестьянин, торжествуя...»: *крестьянин, на дровнях, почуя, плетется рысью, бразды, кибитка, ящик, на облучке, в тулупе, в красном кушаке, дворовый мальчик, в салазки*. Учащиеся работают в группах. Каждой группе предлагается текст, содержащий этнокультуроведческую лексику. Перед детьми словари: толковый словарь,

этимологический словарь, словарь фразеологизмов.

4. Перед вами карточки со словами, которые мы не употребляем в современной жизни. Такие слова со временем уходят из нашей лексики, а на их место приходят слова-синонимы. Так вместо слова *ланины* мы употребляем в своей речи слово *щеки*, вместо *око* – *глаз*, вместо *зерцало* – *зеркало* и т.д. Дайте толкование словам, представленным на карточке: *замарашка, забор, изгородь, народ, чужеземец, неряха, чёлн, иностранец, зазор, стыд, челядь, лодка*. Проверьте свои предположения с помощью толкового словаря. Составьте пары слов по аналогии с примером. К какому слову трудно найти пару? Почему? Давайте попробуем узнать в толковом словаре значение этого слова. Вспомните, в каких литературных произведениях вы с ним встречались.

На уроках литературного чтения детям предлагаем найти устаревшие слова в произведениях и объяснить их значение с помощью толкового словаря.

1. Прочитайте текст. Выпиши устаревшее слово, которое имеет значение «сумка для стрел». *Взял Иванушка отцовский колчан, положил в него острые стрелы, отыскал тугой лук и отправился в путь*. Найдите литературные произведения, в которых встречается описание одежды, снаряжения главного героя. Найдите в толковом словаре значения этих слов. Подберите иллюстрации.

2. При изучении русских народных сказок, былин дети встречают этнокультуроведческую лексику, включающую названия сословий. Учитель предлагает разделить на группы и представить исследовательский проект, имеющий структуру: 1. *Название сословия*, 2. *Лексическое значение слова*, 3. *Этимологию слова*. 4. *Одежда представителей сословия*. 5. *Словарик этнокультуроведческой лексики с иллюстрациями*. Детям предлагается после выступлений групп расставить на иерархической лестнице сословия (дворянство, духовенство, купечество, мещанство, крестьянство, казачество.)

3. Учитель сообщает детям: *Сейчас для многих остается загадкой название одежды в современном мире: лонгслив, бомбер, худи, парка, боди и многие другие. Русские традиционные костюмы также имеют много тайн*. Детям одной группы предлагается текст на интерактивной доске, в который вместо слов нужно вставить иллюстрацию элемента одежды. Задача другой группы – определить название элемента одежды по описанию из Словаря В.И. Даля. *Поверх рубашки мужчины надевали зипун из домашнего сукна. Поверх зипуна богатые люди надевали кафтан. Поверх кафтана бояре и дворяне надевали ферязь, или охабень. Летом поверх кафтана надевали одnorядку. Крестьянской верхней одеждой бывал армяк. Опахень с*

длинными широкими рукавами, частыми пуговицами донизу и пристежным меховым воротником.

Таким образом, знакомство младших школьников с устаревшей лексикой является необходимым условием мотивации изучения русского родного языка, его связи с историей и культурой русского народа. Работа над устаревшими словами способствует расширению кругозора младших школьников, развивает познавательную активность, формирует языковую функциональную грамотность.

Литература и источники

1. Гуркова И. В. Методика работы со словарями как фактор формирования профессиональных компетенций учителя начальных классов // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 5. – С. 38–43.
2. Достовалова Н. В., Курышева М. В. Методический аспект работы со словарями в начальной школе/ Н.В. Достовалова, М.В. Курышева // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2018. № 1 (190). – С. 40–44.
3. Львов М.Р. Методика преподавания русского языка в начальных классах: учебное пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. / М.Р. Львов, В.Г. Горецкий, О.В. Сосновская – М.: Академия, 2007. 464 с
4. Ушинский, К. Д. Родное слово. Книга для детей и родителей. – Новосибирск: Дет. лит., 1994. – 424 с.
5. Яковлева Т. В. Этнокультуроведческий подход к обучению русскому языку в начальной школе /Т.В. Яковлева, В.В. Демичева. – Белгород: Политерра. – 2009. – 125 с.

Секция 2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЛОВАРЕЙ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ В ВУЗЕ И ШКОЛЕ

Авинова Д.К.,

студентка, НИУ «БелГУ», г. Белгород

Науч. рук. – Демичева В.В.

к. филол. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

РАБОТА СО СПРАВОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ, РАЗМЕЩЁННОЙ В УЧЕБНИКАХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Аннотация. В статье рассматривается справочная литература, которая размещена в учебниках русского языка в начальной школе. Описаны словари, которые есть в учебниках, а также обосновывается необходимость использования таких словарей в образовательном процессе. Анализ таких словарей, а также примеры связанных с ними заданий может помочь педагогам в организации уроков русского языка.

Ключевые слова: начальная школа, словарный запас, орфоэпический словарь, орфографический словарь, толковый словарь.

Summary. The article examines the reference literature, which is placed in the textbooks of the Russian language in elementary school. The textbook dictionaries are described; the need to use such dictionaries in the educational process is proved. Analysis of such dictionaries, as well as examples of tasks related to them, can help teachers in organizing Russian language lessons.

Key words: Russian language, vocabulary, orthoepic dictionary, spelling dictionary, explanatory dictionary, dictionary of single-root words, dictionary of synonyms, dictionary of antonyms, dictionary of homonyms, phraseological dictionary, dictionary of foreign words.

Основой системы образования является русский язык, при изучении которого формируются такие фундаментальные навыки, как чтение, письмо и говорение.

Одним из основных требований федеральных стандартов начального общего образования, предъявляемых к уровню подготовки учеников, оканчивающих начальную школу, является формирование умения пользования словарями на уроках русского языка.

Большими возможностями для формирования лексикографической компетенции младших школьников обладают школьные словари, находящиеся в самих учебниках по русскому языку.

Словари, которые размещены в учебниках русского языка, способствуют прежде всего решению вопросов культуры речи. Для работы по культуре речи предусмотрены специальные уроки, которые включены в учебную программу курса. В урок включают задания, которые предполагают обращение к определённым типам словарей: орфоэпический, орфографический, фразеологический, а также словарь сочетаемости.

Вопросы формирования лексикографической компетенции и проблемы речевого развития младших школьников нашли отражение в работах

М.Р. Львова, Р.Н. Бунеева, М.С. Соловейчик, Е.С. Антоновой, С.В. Бобровой, Т.Г. Рамзаевой и многих других исследователей.

Ещё К.Д. Ушинский писал: «Дитя, которое не привыкло вникать в смысл слова, темно понимает или вовсе не понимает его настоящего значения и не получило навыка распоряжаться им свободно в изустной и письменной речи, всегда будет страдать от этого коренного недостатка при изучении всякого другого предмета» [Ушинский 1988: 106].

В процессе работы со словарями учащиеся приобретают навык самостоятельного поиска нужного слова, его значения, но также такая работа формирует навык самоконтроля, в процессе поиска и усвоения лексического значения слова расширяется словарный запас учеников. Работа со справочной литературой способствует и развитию познавательной активности младших школьников, расширению их кругозора.

Практически на каждом уроке русского языка проводится лексическая работа. Основное содержание такой работы обусловливается необходимостью усвоения значения однозначного или многозначного слова, несформированность этого умения вызывает у детей затруднения, им не всегда легко понять значение многозначного слова в контексте, то есть не все изучаемые слова ими усвоены и включены в активный словарь.

Для преодоления названных трудностей авторы учебников «Русский язык» из УМК «Школа России» включили в учебник 9 словарей: орфоэпический, орфографический, толковый, словарь однокоренных слов, словарь синонимов, словарь антонимов, словарь омонимов, фразеологический словарь, словарь иностранных слов.

Орфоэпический словарь отражает современное литературное произношение и ударение. В упражнениях учебников представлено много заданий на постановку ударения в словах с последующей проверкой их по предложенному орфоэпическому словарю. Уже в первом классе дается, например, такое задание: «Найди в словаре данные слова, прочитай их с правильным ударением».

Орфографический словарь – словарь, в котором отражено правильное написание словарных или трудных слов. Для удобства все слова размещены в алфавитном порядке. В первом классе обучающиеся уже знакомятся с этим словарем и выполняют задания с обращением к нему. Включены такие задания, как «Узнай по словарю, какая буква пропущена в данных словах», «Проверь по орфографическому словарю написание данных слов, обозначь в них ударение». Задания подобного характера (с усложнением) есть в упражнениях и в учебниках для 3, 4 классов.

Толковый словарь – словарь, объясняющий лексическое значение слов. Толковым словарём учащиеся пользуются, когда появляются слова, значения которых они могут не знать, или слова, значения которых нужно

сравнить. Например: «Найди и прочитай в словаре значения слов *невежа* и *невежда*, объясни разницу между ними»; «Обратись к толковому словарю и проверь, правильно ли ты определил значение слов»; «Найди и прочитай, что обозначают слова *áтлас* и *атлáс*, как называются такие слова?». Также в толковом словаре можно узнать, какое слово является многозначным.

Словарь однокоренных слов – словарь, который помогает подобрать однокоренные слова и проверить правильное написание.

Словари синонимов, антонимов и омонимов позволяют ученику найти близкое по смыслу или противоположное по смыслу слово. Особую роль играют эти словари в процессе выполнения творческих заданий, при работе над сочинением или изложением. В учебниках представлены такие задания, предполагающие обращение к словарям этого вида: «Подберите синонимы к слову *пурга*, в чем разница между подобранными вами словами?»; «Замените выделенные слова синонимами»; «Найди в словаре близкое по значению слово к прилагательному *прилежный*».

Фразеологический словарь – словарь, благодаря которому учащиеся знакомятся с устойчивыми сочетаниями. Задания в учебнике: «Определите, что обозначают фразеологизмы, которые вы слышали в стихотворении»; «Как вы думаете, выражение *повесил нос* употреблено в переносном или в прямом значении? При затруднении обращайтесь к фразеологическому словарю в учебнике».

Словарь иностранных слов – объясняет значение и происхождение заимствованных слов, включенных в тексты заданий. Например: «Определите значение слов: *абзац*, *бутсы*, *рагу*, *цунами*. Определите, пользуясь словарем, из какого языка пришли к нам эти слова». В словаре даётся краткое описание слова, указано, из какого языка оно заимствовано.

Включение в учебники словарей имеет ряд положительных моментов. Во-первых, это удобно: учебники есть у каждого ученика, не нужно приносить отдельные издания словарей. Во-вторых, работа со словарями разных типов способствует значительному обогащению словарного запаса учеников. В-третьих, можно использовать разные виды заданий, различные методы и приемы в процессе проведения занятий (например, при проведении словарного диктанта ученики могут сразу сами проверить правильность написания слов, посчитать количество ошибок в своих работах, что способствует развитию самостоятельности, формированию навыков самоконтроля).

Таким образом, мы считаем, что материал помещенных в учебниках словарей способствует стимулированию интереса к слову, его значению, происхождению, употреблению, то есть словарь становится не просто учебной книгой, а помощником ученика.

Литература и источники

1. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования / Министерство образования и науки Российской Федерации. – М.: Просвещение, 2021. – 48 с.
2. Ушинский К.Д. О нравственном элементе в русском воспитании / Сост. П.А. Лебедев. – М., 1998.
3. Канакина В.П. Русский язык. 1 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций с приложением на электронном носителе / В.П. Канакина, В.Г. Горецкий. – 4-е изд. – М.: Просвещение, 2013. – 143 с.
4. Канакина В.П. Русский язык. 2 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 2 ч. Ч. 1 / В.П. Канакина, В.Г. Горецкий. – 7-е изд. – М.: Просвещение, 2017. – 143 с.
5. Канакина В.П. Русский язык. 3 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 2 ч. Ч. 1 / В.П. Канакина, В.Г. Горецкий. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 2013. – 159 с.
6. Канакина В.П. Русский язык. 4 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 2 ч. Ч. 1 / В.П. Канакина, В.Г. Горецкий. – 7-е изд. – М.: Просвещение, 2013. – 160 с.

*Голикова М.М.,
соискатель, НИУ «БелГУ», г. Белгород*

РАЗРАБОТКА И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ: ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам электронной фразеологии. Автор изучает историю вопроса, рассматривает требования, предъявляемые к современному электронному ресурсу, а также обуславливает важность использования автоматизированных картотек в практической деятельности лингвиста. Полезным может стать авторский опыт создания электронной фразеологической картотеки на базе платформы «1С: Предприятие».

Ключевые слова: электронная фразеология, компьютерная лингвистика, фразеологический словарь, фраземика.

Summary. The article is devoted to topical issues of electronic phraseography. The author studies the history of the issue, considers the requirements for a modern electronic resource, and also determines the importance of using automated card files in the practical activities of a linguist. The author's experience in creating an electronic phraseological card file based on the 1C: Enterprise platform can be useful.

Keywords: electronic phraseography, computational linguistics, phraseological dictionary, phrasemics.

XXI век – время активного внедрения информационных технологий в самые разные области человеческой деятельности. Безусловно, это коснулось и научной сферы. Грамотное использование электронных ресурсов позволяет упростить деятельность учёного, сделать её более эффективной, а также задействовать бóльший объём эмпирического материала.

Специфика лингвистических исследований зачастую предполагает создание различных картотек. Это позволяет не только фиксировать языковой материал, но и маркировать его, отмечать важную информацию, полезную для последующей интерпретации, указывать контекст, а также точные данные об источнике. Однако большое количество таких карточек обуславливает и

сложность их последующего подсчёта, а также затрудняет выявление возможных закономерностей и логических связей между фиксируемыми единицами. Как показал опыт проведённых исследований, чрезвычайно актуальными такие вопросы становятся при работе с фразеологическим материалом. Разрешению подобных проблем и упрощению лингвостатистических операций могут поспособствовать электронные картотеки.

Продуктивность автоматизации лексикографических и фразеографических картотек впервые была отмечена ещё в 1978 г. академиком А.П. Ершовым, одним из создателей Машинного фонда русского языка, ставшего впоследствии образцом для Национального корпуса русского языка. П.Н. Денисов в 1993 году в рецензии на монографию, демонстрирующую работу фразеографической системы, отметил, что, при всех своих преимуществах, она базируется преимущественно на свойствах отдельных слов, автоматически перенося их на устойчивые словосочетания, в результате чего «различие между словом и интегрированным по смыслу словосочетанием в основном грамматическое и коммуникативное, а не семантическое или стилистическое» [Денисов 1993: 146]. Здесь же учёный с сожалением отмечает, что «до создания лингвистически и практически ценных фразеологических словарей непосредственно на ЭВМ ещё далеко» [Денисов 1993: 146].

Идеи цифровизации лексикографии и фразеографии не покинули исследовательский горизонт, и в 2007 году вопрос подробно осветил В.П. Захаров, указав на необходимость автоматизации словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН [Захаров 2007]. Среди преимуществ электронной картотеки учёный выделил, например, упорядочивание накопленной информации, а также её унификацию. Объектами автоматизации, по мнению В.П. Захарова, при этом должны были стать такие процессы, как создание и пополнение уже готовых карточек, организация системы поиска их содержимого, оптимизация уже готовых карточек для новых лексикографических задач [Захаров 2007: 203]. В работе исследователя говорится о существовании сразу 3-х баз данных, содержащих непосредственно сами словники, цитаты, а также библиографическую информацию. Подводя итог своих размышлений, В.П. Захаров указывает на необходимость использования ресурсов, позволяющих задействовать средства лингвостатистической обработки информации, отмечая, что «необходимо дать пользователю программно-лингвистическую систему, функциональные возможности которой позволят эффективно оперировать данными корпуса в сочетании с картотеками и словарями» [Захаров 2007: 206]. Все это может способствовать не только работе по составлению словарей, но и проведению разнообразных исследований.

На сегодняшний день развитие компьютерной лексикографии и фразеологии набирает обороты. Современные технологии направлены не только на хранение информации, но и на отладку её автоматического сбора, обработки и последующей трансформации в словарный вид. Так, например, картотека Лексического атласа русских народных говоров, формируемая специалистами Института лингвистических исследований РАН, тоже представлена в электронном формате и «состоит из четырёх частей: добавление файла, экспедиции, ответы (собственно диалектные материалы) и техническое обслуживание» [Глебова 2020: 167]. Доступ к картотеке может осуществляться сразу с нескольких компьютеров. Глубокий подход к разработке системы, её апробация обеспечивают бесперебойную работу. Однако столь серьезное программное обеспечение не подходит для локальных исследований, проводимых отдельными учёными или малыми группами. Проблематичной может стать и работа с программным обеспечением, которое требует серьезной специальной подготовки. Она может стать невозможной для исследователя, чья сфера научных интересов не связана с компьютерной лингвистикой и/или составлением словарей в целом. Электронная картотека может формироваться с помощью крупных систем управления базами данных (например, Microsoft Office Access), однако работа с ней тоже требует предварительной подготовки, а сам формат представления данных не всегда удобен.

Электронная картотека или любой другой ресурс, используемый для обработки фразеологического материала, должна соответствовать ряду требований, гарантирующих удобство и эффективность работы. На наш взгляд, к этому перечню стоит отнести:

- возможность персонализации картотеки, т.е. её способность подстраиваться под специфику конкретного исследования;
- универсальность системных требований, гарантирующая работу даже на устаревших устройствах;
- доступность, простота использования;
- быстрая обработка больших массивов данных;
- генерация разноплановых отчётов в разных форматах (диаграмма, таблица, документ и т.п.).

Одним из самых простых решений может стать работа в редакторе Microsoft Office Excel. Распространённость приложения обеспечивает его доступность для широкой аудитории, а предлагаемый пользователям инструментарий предоставляет богатые возможности для получения статистической информации. Однако присутствует и ряд недостатков, среди которых стоит выделить не только сравнительную сложность работы с программой, но и её ограниченный потенциал с точки зрения

лингвистических исследований. Иными словами, использование Microsoft Office Excel обоснованно в случае, когда карточка языковой единицы содержит сравнительно небольшой набор параметров. В противном случае работа с картотекой представляется хоть и не невозможной, но достаточно затруднительной.

Исследуя фраземику в произведениях писателей русского зарубежья, мы предприняли попытку разработать собственную электронную картотеку, позволяющую не только сохранить найденный фразеологизм (с контекстом), но и указать ключевые особенности его употребления, специфику отдельных компонентов, а также отследить модификации одного и того же выражения. За основу была взята платформа «1С: Предприятие». Столь нетипичное (приложение ориентировано на бизнес, а не научную сферу) решение обусловлено, во-первых, доступностью приложения (его учебная версия распространяется легально и бесплатно), а во-вторых, его гибкостью, возможностью выстраивать рабочее пространство в полном соответствии поставленным задачам. Главным недостатком данного решения можно считать определённую сложность его реализации: написание рабочей конфигурации – сложный процесс, который может осуществляться только профессиональным программистом. Однако при составлении грамотного и подробного проекта картотеки разработка конфигурации может стать единоразовым кратковременным процессом, а взаимодействие с ней способно протекать без помощи IT-специалиста. При этом готовая картотека предполагает возможность последующего редактирования, что позволяет адаптировать её для любых других дальнейших исследований.

В рамках проведённого исследования картотека позволила сохранить свыше 13000 карточек фразеологизмов. Типовая карточка позволила вместить большой набор параметров, необходимых для решения поставленных задач (Рисунок 1):

- 1 – шапка карточки с указанием фразеологизма и кнопки для сохранения изменений;
- 2 – корневой фразеологизм («царь»);
- 3 – конкретная реализация фразеологизма в рассматриваемом контексте («холоп»);
- 4 – произведение-источник;
- 5 – поле для ввода контекста;
- 6 – служебные кнопки для форматирования (6а – изменение дефиса на обычное тире; 6б – удаление разрывов строк; 6в – удаление лишних пробелов, корректировка неверных символов);
- 7 – библиографические сведения;
- 8 – блоки для маркирования значимых элементов фразеологизма;
- 9 – перечень значимых компонентов в составе фразеологизмов;

10 – поле для ввода примечаний.

The screenshot shows a web application window titled "попалось под руку (Фразеологизмы) (ТС:Предприятие)". The interface includes the following elements:

- 1**: Title bar of the browser window.
- 2**: Header area with buttons "Записать и закрыть" (yellow), "Записать", and a dropdown "Еще".
- 3**: Field "Фразеологизм:" with the value "под руку попасться".
- 4**: Field "Наименование:" with the value "попалось под руку".
- 5**: Field "Произведение:" with the value "Лолита".
- 6**: "Контекст:" field containing the text "Риточка облекла свою гибкую наготу в мой макинтош – первое, что попало ей под руку...". To its right are buttons "Знаки" and "Переносы".
- 6a**: Points to the "Знаки" button.
- 6b**: Points to the "Переносы" button.
- 6в**: Points to the "Еще" dropdown button.
- 7**: Field "Номер страницы:" with the value "286".
- 8**: "Библиографическая ссылка:" field with the value "[Набоков, 1991: 286]".
- 8**: "Библиографическое описание:" field with the value "Набоков В.В. Лолита: Роман. Пер. с англ. автора. – М.: Худож. лит., 1991. – С. 286."
- 8**: A group of checkboxes for linguistic markers: Зооним, Соматизм (checked), Религиозная, Оказиональный, Заимствованный, Бытовая, Экспрессивный, Трансформация, Крылатые, Паремия, Устаревший, and ВНИМАНИЕ.
- 9**: A section titled "Виды зоонимов" with a "Добавить" button and a table. The table has columns "N" and "Вид", with one row containing "1" and "рука".
- 10**: A large text area at the bottom labeled "Примечание" for entering notes.

Рисунок 1 – Карточка фразеологизма

Такая структура карточки, на наш взгляд, наиболее разносторонне отражает особенности фиксируемой единицы. Так, учёный может не только сохранить точные данные об условиях употребления фразеологизмы, но и автоматически сгенерировать библиографическое описание и ссылку. Упрощает работу автоматическое заполнение ряда полей (данные о произведении, его авторе и т.п. вносятся единообразно, а потом отражаются в карточках). При этом набор маркеров (8) может корректироваться в зависимости от специфики проводимого исследования.

Спектр отчётов, которые генерирует система, достаточно широк. Так, в нашем случае продуктивным стал подсчёт всех фразеологизмов, в т.ч. с вычленением единиц, употребленных в конкретном произведении или же творчестве писателя (-ей) в целом, а также статистика использования маркированных выражений (Рисунок 2):

таких карточек может быть очень полезной при создании подробных фразеологических словарей с лингвокультурологическим комментарием.

Литература и источники

1. Глебова О.В. Электронная картотека ЛАРНГ. Современное состояние и перспективы / О.В. Глебова, К.Б. Чихачев // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2020. – СПб.: ИЛИ РАН, 2020. – 1000 с.
2. Денисов П.Н. [Рец. на:] В.Н. Телия (отв. ред.). Фразеография в Машинном фонде русского языка // Вопросы языкознания. – 1993. – №5. – С. 145-146.
3. Захаров В.П. Словарная картотека Института лингвистических исследований РАН как объект автоматизации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2007 г.) / Под ред. Л.Л. Иомдина, Н.И. Лауфер, А.С. Нариньяни, В.П. Селегея. – М.: Изд-во РГГУ, 2007. – С. 202-206.

*Ефимова В.С.,
магистрант, НИУ «БелГУ», г. Белгород.
Науч. рук. – Яковлева Т.В.,
к. пед. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

ПРИБОЩЕНИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ К НАЦИОНАЛЬНЫМ ЦЕННОСТЯМ РУССКОГО НАРОДА (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ В.И. ДАЛЯ)

Аннотация. В статье рассматривается использование словаря В.И. Даля, который является важным инструментом в процессе приобщения младших школьников к национальным ценностям русского народа. Словарь помогает не только расширить словарный запас младшего школьника, но и помочь ему лучше понимать национальную культуру, специфику родной исторической среды. Предлагаются методические рекомендации по использованию словаря в процессе изучения русского языка в начальной школе.

Ключевые слова: словарь, национальная ценность, народ, младший школьник, духовность.

Summary. The article discusses the use of the dictionary of V.I. Dahl, which is an important tool in the process of introducing primary schoolchildren to the national values of the Russian people. The dictionary helps not only to expand the vocabulary of primary school students, but also to help them understand the national culture, the specifics of their native historical environment better. Methodological recommendations on the use of dictionary in the process of learning Russian in primary school are offered.

Key words: dictionary, national value, primary school students, spirituality.

Приобщение младших школьников к национальным ценностям русского народа – это важная задача, которая в наше время стоит перед педагогами и родителями. Для успешного решения этой задачи можно использовать научный подход, основанный на использовании толкового словаря В.И. Даля.

Словарь В.И. Даля – это уникальный источник информации о жизни и культуре русского народа на протяжении многих столетий. В словарных

статьях, размещенных в словаре, содержится не только описание слов и их значений, но и многочисленные примеры использования лексем в различных контекстах, которые позволяют лучше понимать мышление и менталитет русского народа.

Для приобщения младших школьников к национальным ценностям русского народа можно использовать различные приемы.

Можно показать детям некоторые ключевые слова из словаря В.И. Даля и объяснить их значение и историю происхождения. Например, можно рассказать о слове «духовность» и показать, как оно отражает главную ценность русского народа – веру в Бога и духовный рост [Светловская 2001].

На этапе изучения нового материала на уроке русского языка на тему «Устаревшая лексика» можно предложить учащимся задание – найти в толковом словаре В.И. Даля историзмы и архаизмы, выяснить, что они обозначают. Дети могут попытаться ответить на вопросы: «Почему они ушли из нашей речи и если встречаются, то только в художественных произведениях? Давайте посмотрим, как это происходит».

Опишем фрагмент урока русского языка.

Слово учителя:

– У вас на столах карточки «Найди пару!».

– Прочитайте слова первого столбика. Какие слова вам не понятны? Челядь. Кто из вас знает, что обозначает это слово? Смотрим в словаре.

– Прочитайте слова второго столбика. Чем они отличаются от слов первого столбика? (Устаревшие и современные).

– Вам необходимо подобрать к каждому слову первого столбика синоним из предложенного ряда слов второго столбика и соединить их линией.

Дети выполняют задание самостоятельно. Учитель просит назвать «лишние» слова. С какими словами их можно было сгруппировать и почему? Обучающиеся обращаются к словарю.

Далее можно предложить индивидуальную работу с толковым словарем. У учащихся на столах лежит карточка, выписка из толкового словаря. Первый вариант находит значение слов *прялка*, *рядно*. Второй – *люлька*, *лучина*. Слова и их лексическое значение записать в тетрадь.

Можно использовать поэтические произведения и песни, в которых используются лексемы из словаря В.И. Даля. Например, можно прочитать детям стихи А.С. Пушкина или Ф.И. Тютчева, в которых описывается красота русской природы, или песни из фольклорного наследия, которые передают национальные обычаи и традиции. Словарную работу необходимо вести с опорой на словарь В.И. Даля.

Важно использовать игры и квесты на знание слов из словаря В.И. Даля. Например, обучающимся следует предложить викторину или

кроссворд на тему русских народных обычаев и традиций, или игру на ассоциации со словами из словаря.

Словарь В.И. Даля – не просто словник, а история русского народа, воплощенная в словах, пословицах, поговорках, песнях, преданиях [Даль 2014]. Читатель узнает не только значения старинных слов *остоужье*, *посох*, *адамант* и многих других, но и видит изображения предметов на картинах знаменитых художников – В.М. Васнецова, И.Я. Билибина, В.Е. и К.Е. Маковских, Б.М. Кустодиева и др. У читателей есть возможность рассмотреть на рисунках уникальные вещи, принадлежащие царской семье, великим князьям и духовным лицам: зеркало царя Михаила Федоровича, шлем великого князя Александра Невского, старинные латы, обувь. На картинах предстают кулачные бои, пляски скоморохов, народные забавы, костюмы, герои былин и преданий.

Приобретая знания из словаря В.И. Даля, младшие школьники начинают понимать более сложные понятия, такие, как патриотизм, уважение к старшим, смирение, любовь и доброта. Они начинают видеть свою истинную историческую принадлежность к делу великого и благородного народа России. Словарь В.И. Даля повышает уровень общей культуры и грамотности учеников, помогает им не только понимать слова, но и более правильно общаться со сверстниками, учителями, родителями [Бобылев 2003].

В.И. Даль был человеком, который хранил целый мир национальных ценностей, которые он долгие годы собирал по всей России. Он был свидетелем многих исторических событий, и его словарь мотивирует младших школьников к бережному отношению к истории и культуре своей страны. С помощью словаря В.И. Даля дети учатся понимать язык, которым написаны классические литературные произведения и на котором общались наши предки. Они учатся сохранять этот язык, чтобы он функционировал долгие годы и чтобы люди могли свободно общаться на родном языке со своими близкими.

В целом приобщение младших школьников к национальным ценностям русского народа является важной задачей, которая требует комплексного подхода. Использование словаря В.И. Даля как учебного пособия позволяет более глубоко понимать и осознавать ценности русского народа, что поможет формировать у детей национальную идентичность и готовность к сохранению национального наследия.

Литература и источники

1. Бобылев Б.Г. Культура речи и стилистика. – Орел: ОрелГТУ, 2003. – 132 с.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования [Электронный ресурс]. – URL: <http://standart.edu.ru> (дата обращения: 25.04.2023).
3. Светловская Н.Н. Обучение детей чтению: Практическая методика. Учебная практика / Н.Н. Светловская, Т.С. Пиче-оол. – М.: Академия, 2001. – 282 с.

4. Даль В.И. Толковый словарь русского языка: современное написание / Сост. Ю.М. Медведев. – М.: АСТ, 2014.

*Криворутченко А.Р., Руденко С.А.,
студентки, НИУ «БелГУ», г. Белгород
Науч. рук. – Ширина Е.А.
к. филол. н., доц., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

ФОЛЬКЛОРНАЯ КАРТА В.И. ДАЛЯ (ИЗ ОПЫТА ПОДГОТОВКИ ПРОЕКТА ПО ЛИТЕРАТУРЕ)

Аннотация. В научной статье рассматривается один из подходов к учебной деятельности в виде проекта, реализации его в школах на уроках литературы. В качестве примера представлен методически разработанный и реализованный проект «Фольклорная карта В.И. Даля», где отражена связь биографии с географией перемещения писателя и отраженным в его произведениях опытом взаимодействия с представителями разных народов России.

Ключевые слова: В.И. Даль, диалект, фольклорный материал, говор, проектная деятельность, методика.

Summary. The scientific article considers one of the approaches to educational activity in the form of a project, its implementation in schools at literature lessons. As an example, the methodically developed and implemented project “Folklore Map of V.I. Dahl” is presented, which reflects the connection between biography and geography of the writer’s movement and the experience of interaction with representatives of different peoples of Russia reflected in his works.

Key words: V.I. Dahl, dialect, folklore material, project activity, methodology.

В настоящее время проектная деятельность является востребованным эффективным видом работы, который позволяет обучать школьников вести учебную исследовательскую деятельность с получением зримых результатов. В статье предлагается опыт подготовки проекта, осуществленный студентами третьего курса историко-филологического факультета в рамках дисциплины «Развитие исследовательского и творческого потенциала школьников при изучении литературы».

Под проектом понимается деятельность учащихся по решению творческой, исследовательской проблемы (задачи) с заранее неизвестным решением, предполагающая наличие основных этапов, характерных для научного исследования и заранее определенным «продуктом». Описываемый проект относится к краткосрочным, он выполнялся в малой группе в течение месяца. На этапе планирования проекта «Фольклорная карта В.И. Даля» определены цели, задачи, источники, объект и предмет изучения. В ходе работы собран и обобщен материал о жизни и творчестве В.И. Даля. Связь биографии с географией его перемещения и отраженным в произведениях В.И. Даля опытом взаимодействия с представителями разных народов России нашла отражение в подготовленной в качестве итогового продукта карте, на

которой помимо населенного пункта вынесены даты пребывания здесь писателя и названия его произведений, отразивших местный диалект.

Многим известен тот факт, что В.И. Даль за свою жизнь посетил множество мест, путешествовал и изучал говор разных регионов. А после, собрав и записав языковой и фольклорный материал, включал яркие местные выражения и характерные региональные устно-поэтические элементы в свои произведения. Актуальность нашей работы заключается в том, что в настоящее время в России развита тенденция обращения к исконно русскому. Истоки этой тяги к самоидентификации, обращению к корням связаны с эпохой и именем В.И. Даля. Цель: выявить отражение регионального языкового и фольклорного материала в литературных произведениях В.И. Даля. Задачи: сопоставить географию жизненных дорог В.И. Даля с его творчеством; выявить диалектные черты разных регионов в произведениях писателя. Объект исследования: произведения В.И. Даля. Предмет исследования: региональный речевой и фольклорный материал в текстах В.И. Даля.

Начнем с короткой библиографической справки, чтобы дать представление о жизни писателя до того момента, как его произведения начинают публиковаться. Арест В.И. Даля: сентябрь 1823 года – апрель 1824 года. Главное обвинение в написании эпиграммы на главнокомандующего Черноморским флотом Алексея Грейга и на его любовницу Юлию Кульчинскую. Ф.Ф. Веселаго писал, что «это было собственно юношеское, шутливое, хотя и резкое стихотворение, но имевшее важное местное значение, по положению лиц, к которым оно относилось» [Общий морской список 1885: 101]. Именно это и послужило поводом для перевода В.И. Даля из Николаева в Кронштадт. Период с 1824 по 1825 год ознаменован службой на Балтике. По воспоминаниям очевидцев, на войне В.И. Даль продолжал собирать слова, особенно областные речения, которые записывал у солдат из разных мест. Карточек со словами накопилось столько, что их приходилось перевозить в больших мешках на верблюде.

Началом писательской карьеры В.И. Даля можно считать публикацию его повести «Цыганка» в журнале «Московский телеграф» в 1830 г. (№ 21–22). А в 1832 г. в Петербурге выходят в свет отдельным изданием «Русские сказки» («пяток первый», «разукрашенные Казакон Луганским»). Как писал сам автор позднее, «не сказки сами по себе были мне важны, а русское слово, которое у нас в таком загоне, что ему нельзя было показаться в люди без особого предлога и повода – сказка послужила предлогом. Я задал себе задачу познакомить земляков своих сколько-нибудь с народным языком и говором, которому открывался такой вольный разгул и широкий простор в народной сказке» [Даль 1898: 386]. Собственно говоря, именно с этого произведения, с повести «Цыганка», и начнется путешествие по нашей фольклорной карте. В Архангельске В.И. Даль начал собирать фольклор и

необычную лексику, а после оказался в Молдове и продолжил изучать говоры разных народов. Ниже представлены примеры слов и выражений, которые наш герой здесь собирал.

В «Цыганке» предстает молдавский говор: *казавейка* – «это короткая кофточка без боров и без перехвата, какие носят молдавчанки» [Подвысоцкий 1985: 73]; «ж. молдавская женская крутка, бывшая и у нас в довольно общем употреблении» – *скуртайка*, *куцавейка* [Даль 1996: 209]; *суруджу мой*, так В.И. Даль называет ямщика [Даль 1983: 112]; *чубук* – «турки говорят: вер бана чубук, "подай мне трубку", т.е. они чубуком называют весь снаряд» [Даль 1983: 187].

Вот примеры употребления уже названных нами слов в произведениях В.И. Даля, это те фрагменты, которые он вычленил из разговорной речи и гармонично вписывал в свои повести и сказки: «Суруджу мой, ямщик, верхом на левой коренной с ужасным протяжным воем “ауй-гагой!” щелкал длинным, тяжелым бичом на коротком кнутовище выносных, так что с них порою шерсть летела» [Даль 1983: 112]. «Битый день, с раннего утра и до позднего вечера, сидел, поджав ноги, на софе с чубуком, с четками, с чашкою турецкого кофе – таким образом он командовал и управлял всем домом и хозяйством и слыл человеком деятельным, расторопным и порядочным хозяином!» [Даль 1983: 187].

«Суруджу мой, съезжая со двора и попадая с табуном своим в ворота, потешил меня еще на прощанье. Он произнес протяжно проклятие одной из кляч своих, превзошедшей меру долготерпения его, проклятие, которое перевели мне следующим образом: “Будь проклята пчела, которая понесет мед на соты, из воску коих будет сделана свеча, которую на смертном одре своем будет держать в последние минуты жизни в руках своих хозяин этой лошади!”» [Даль 1983: 115]. В Бессарабии записаны такие слова, как *чабан*, *цымбалы*, *господарь*.

После женитьбы в 1833 году В.И. Даль оставляет медицинскую практику и отправляется в Оренбургский край, где служит в должности чиновника особых поручений в течение восьми лет. В этой точке на далевской карте отмечены много его повестей и рассказов. В Оренбуржье собрана большая часть материалов для словаря. Эти и следующие годы принесли славу Далю-писателю, автору четырех книг «Былей и небылиц Казака Владимира Луганского» (1833–1839). Он постоянно публикует свои произведения в журналах «Библиотека для чтения», «Отечественные записки». Это и сказки, и повести из русского быта, например, «Колбасники и бородачи». Интересно записанное здесь слово *тавlinka* ‘устар. плоская табакерка из дерева или бересты. доставая тавlinkу из-за голенища, и где для хозяйственного сбережения должность клетчатого платка нередко исправляли бумажные обрезаки’ [Евгеньева 1999: 304]. Также слово *шиндеры*,

истолкование которого автор дает непосредственно в произведении «Колбасники и бородачи», т.е. ‘живодеры, недостойные притронуться непосвященными руками своими ни к живой скотине, ни к куску мяса, которое люди будут есть’ [Даль 1983: 63].

Важно отметить, что фольклорная составляющая жизни людей на Южном Урале восхитила В.И. Даля, для сбора информации он много ездил по уездам, записывал лексику и паремии русских, живущих в соседстве с иноязычной средой. Материалы по фольклору, этнографии башкир, казахов, русских и других народов легли в основу его произведений (к примеру, «Охота на волков», 1830-е гг.): «*Дошлая заливається плачемъ, будто боится упустить добычу*», где дошлая – ‘описание собаки’ [Даль 1983: 211].

«*Упоръ позанокъ пришелся прямо въ лице бедняку, и заяць разодраль охотнику убу наверхуокъ*», позанок – ‘часть ноги животного между коленом и лапой. П. передних ног называются передними П., а задних ног — задними’ [Даль 1983: 216].

Отдельное внимание хочется уделить произведению «Башкирская русалка» (переложение башкирского эпоса «Заятуляк и Хыухылу», 1843), где Даль размышляет о слове *башкурт*. Он пишет: «Народ этот называет сам себя *башкурт*; ученые наши тешились над этим словом, ломали и переводили его всячески: главный волк или вор, главный пчеловод, отдельное племя или владение и проч. Сами башкиры говорят, что они происходят от ногаев, или ногайцев, отделившись от них по усобицам. Иные помнят, по преданию, какое-то родство с бурятами; в сказках и песнях их поминают родоначальником дивного Чингисхана, коего предок рожден девственницею от наития солнечного луча, а сам он, Чингисхан, вдовою Алангу, которую также посетил луч солнца и возвратился от нее серым волком с конскою гривой» [Даль 1898: 302].

Период жизни с 1841 по лето 1849 года В.И. Даль провел в Петербурге. Именно в это время расцветает его литературная деятельность, особенно в виде публикаций им своих очерков. Примечательно, что наряду с этими «физиологическими очерками», дающими зарисовку той или иной социальной среды, В.И. Даль выступил составителем учебников по ботанике и зоологии, которые отличались живым, образным языком и содержали около семисот высокохудожественных иллюстраций.

В.И. Даль на данном периоде своей жизни, пусть и не самостоятельно, но с помощью корреспондентов получал образцы пословиц, сказок и народного говора. Петербург отдалил его от стихии живой крестьянской речи, что заставило В.И. Даля искать возможность попасть в провинцию. В 1849 году В.И. Даль получил назначение в Нижегородскую удельную контору, где оставался десять лет, сталкиваясь с богатым этнографическим материалом. Именно в Нижнем Новгороде была завершена многолетняя

работа В.И. Даля по собиранию русских пословиц, хотя из-за цензуры сборник вышел в свет только в 1862 году.

Итак, работы В.И. Даля дают пример бережного отношения к слову и культуре народа, и несмотря на то, что словарь современного русского языка отличается и от словаря В.И. Даля, и от сборника его пословиц, в его произведениях живы особенности русского говора, сохраняются особенности менталитета и уклада жизни.

В заключение стоит сказать о том, что сейчас очень важно уделять должное внимание исследовательской и проектной работе. Наличие зримого продукта, возможность презентовать результаты работы в своем классе мотивирует обучающихся, способствует овладению учениками навыком исследования как универсальным способом освоения действительности, формирует способности коллективной (групповой) деятельности. А наш проект является примером, который может стать ориентиром для учителей и школьников, изучающих жизнь и творчество разных авторов.

Литература и источники

1. Даль В.И. Повести и рассказы. – Москва: Советская Россия, 1983. – 432 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – Санкт-Петербург: Диамант, 1996. – 688 с.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа. – Москва: Художественная литература, 1984. – 383 с.
4. Даль В.И. Полн. собр. соч. Т. 7: Повести и рассказы [Электронный ресурс]. – Санкт-Петербург, Москва: Изд-во т-ва М.О. Вольф, 1898. – 412 с. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003512885> (дата обращения: 25.04.2023).
5. Даль В.И. Повести. Рассказы. Очерки. Сказки. – Москва, Ленинград: Гос. изд-во художественной лит-ры, 1961. – 445 с.
6. Общий морской список. Ч. 14: Остров. – Санкт-Петербург: Тип. В. Демакова, 1885. – 312 с.
7. Подвысоцкий А.О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1885. – 198 с. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/podvysoz/index.html> (дата обращения: 25.04.2023).
8. Словарь русского языка: т. 3 / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – Москва: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – 702 с.

*Лапина В.Н.,
студент, НИУ «БелГУ», г. Белгород.
Науч. рук. – Пашкова Г.И.
к. пед. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЛЕДИЯ В.И. ДАЛЯ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. Автор описывает направления, позволяющие использовать наследие В.И. Даля в современной методике преподавания русского языка. Представлены материалы школьных учебников, посвященные В.И. Далю.

Ключевые слова: В.И. Даль, методика преподавания русского языка, русский язык в школе.

Summary. The author describes the directions that make it possible to use the legacy of V.I. Dahl in the modern methodology of teaching Russian language. The materials of school textbooks dedicated to V.I. Dahl are presented.

Key words: V.I. Dahl, methods of teaching the Russian language, Russian language at school.

Очень важно применять наследие В.И. Даля в обучении русскому языку. Труды В.И. Даля сегодня активно используются в преподавании русского языка. В то же время недостаточно работ посвящено изучению вклада этого учёного в развитие методики преподавания русского языка, что обуславливает актуальность темы.

Цель статьи – показать роль работ В.И. Даля в развитии методики преподавания русского языка, их значимость в соответствии с современными направлениями методики.

Поскольку особое место в научной деятельности В.И. Даля занимает работа над «Толковым словарем живого великорусского языка», то его место в методике преподавания русского языка мы рассмотрим в первую очередь.

«Толковый словарь живого великорусского языка» послужил большим толчком в изучении русского языка одним только своим появлением. Наибольшее влияние словарь возымел в развитии отечественной диалектной лексикологии и лексикографии, а также русской фольклористики.

Обращение учителей и учеников к «Толковому словарю живого великорусского языка» даже в некоторой степени становится необходимостью, поскольку диалектизмы встречаются во многих произведениях, особенно в работах региональных писателей. В то же время словарь не зря несёт в своём названии слово «живой», ведь большинство слов из него всё ещё не вышло из употребления, в том числе, и диалектных. «Живо хватая на лету родные речи, слова и обороты, – говорит Даль в предисловии к Словарю, – когда они срывались с языка в простой беседе, где никто не чаял соглядателя и лазутчика, этот записывал их» [Мельников-Печерский 1873].

«Толковому словарю живого великорусского языка» в школьном курсе русского языка уделяется большое внимание. В учебном комплексе по русскому языку для 5-9 классов под редакцией В.В. Бабайцевой в теоретической части имеются сведения о различных толковых словарях, а также есть отдельная небольшая статья, посвящённая В.И. Далю [Бабайцева 2012: 89].

В практической части сборника упражнений по русскому языку 5 класса под редакцией Купаловой А.Ю. можно найти большое количество упражнений, направленных на освоение учащимися умений самостоятельно

осваивать лексическое значение слов при помощи словарей. [Русский язык 2012: 195].

Например, упражнение 689, задание которого можно разделить на две части:

1. Прочитайте несколько пословиц из «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля. Как вы понимаете смысл каждой из них?
2. Запишите две пословицы, которые вам особенно понравились.

В учебниках курса русского языка под редакцией М.М. Разумовской и П.А. Леканта также имеется статья о В.И. Дале и задания, содержащие в себе части статей из его словаря. По типу заданий учебников для 6 класса практический материал наполнен упражнениями, направленными развитие мышления учащихся: задания на определение лексического значения слов или ориентированные на умение отличать многозначные слова от однозначных слов, прямое значение слова от переносного. [Русский язык 2020: 55]

В учебнике по русскому языку для 5 класса под редакцией Л.М. Рыбченковой помимо краткой информации о В.И. Дале можно найти подробную информацию о толковых словарях и устройстве словарных статей. В учебнике предлагается практическая работа с толковыми словарями, причём «Толковый словарь живого великорусского языка» при этом рекомендуется в первую очередь. Например, в упражнении 144 авторы предлагают рассмотреть изображения различных предметов, дать им названия и определить их толкование в словаре. [Русский язык 2012: 89].

Помимо толкования значений слов, словарь В.И. Даля может познакомить школьников с диалектизмами, с историзмами, которые также изучаются в курсе русского языка, так как он содержит лексику, которая используется в живой и письменной речи XIX века.

Обращение к толковым словарям во время обучения русскому языку в школе происходит постоянно, поскольку оно, помимо расширения знаний по грамматике и семантике слов, помогает также увеличивать словарный запас школьников. Всё это позволяет учащимся совершенствовать свою речь.

Традиционно при изучении русского языка и литературы ученики активно знакомятся с различными фразеологизмами, пословицами, поговорками и другими составляющими русского фольклора, соответственно, и внимание к устному народному творчеству в рамках преподавания русского языка не будет уменьшаться, поэтому сказки и повести В.И. Даля смогут стать хорошей основой для упражнений учебников, особенно для средней школы.

Несмотря на то, что работы В.И. Даля были написаны более двух веков назад, они всё так же могут быть полезны для развития методики

преподавания русского языка. Так, рассмотрев некоторые тенденции в развитии современной методики, можно выделить наиболее актуальные:

- опора на традиции методики преподавания русского языка при решении вопросов обучения и воспитания учащихся;
- учет общедидактических и специальных принципов обучения русскому языку при моделировании уроков;
- усиление аксиологического направления в обучении русскому языку. [Текучева 2018: 189].

Мы включаем еще два направления:

- лингвокультурологическая направленность занятий;
- текстоориентированный подход к изучению русского языка.

Развитию всех этих направлений может помочь наследие В.И. Даля. Материал для реализации аксиологических и общедидактических направлений в методике преподавания можно также найти в прозе Владимира Ивановича, особенно в сказках и притчах. Так, в сказке «Заяц и Лиса» высмеивается трусость и наивность и, напротив, с хорошей стороны показываются храбрость, взаимовыручка и справедливость.

Обучение русскому языку осуществляется в настоящее время в контексте русской культуры. И в культурологическом плане целью методики преподавания русского языка является воспитание молодого поколения с активной гражданской позицией, которая тесно будет связана с любовью к Родине, к истории своего края, с воспитанием культуры и знанием литературы родной страны. Это позволит обучающимся лучше понять родной язык, который является мощным социальным инструментом формирования нации через хранение и распространение культуры, традиций и общественного сознания. Все работы В.И. Даля переполнены ценным фольклорным и этнографическим материалом, внедрение которого в работу школьников на уроках русского языка и развития речи не только способствует расширению словарного запаса, но и воспитывает в них любовь как к своей стране, так и к малой Родине.

Отметим, что современная методика преподавания русского языка активно использует лингвоконцептоцентрический подход к решению проблемы соизучения языка и культуры на уроках русского языка и развития речи. Этот подход позволяет формировать ученика как языковую личность, носителя и интерпретатора языка, что в свою очередь обеспечивается за счёт развития лингвистической, языковой, коммуникативной и культуроведческой компетенций [Мишатина 2009: 3]. Развитие последней как раз и могут обеспечивать произведения В.И. Даля, поскольку они направлены на усвоение концептов русской культуры. Это будет способствовать гармонизации развивающейся картины мира растущего человека. Тексты и задания, содержащие отрывки из работ Владимира Ивановича, можно

использовать не только на обычных уроках русского языка при освоении лексики, синтаксиса и морфологии, но и на уроках развития речи, где ученики смогут обогащать свой словарный запас, усваивать орфоэпические нормы и определять основной смысл текста. Также учитель сумеет помочь ученикам усилить в своём сердце любовь к своей стране, дому, а также воспитать в себе такие положительные качества, как ответственность, трудолюбие, дружелюбность и храбрость. А поскольку прозаические произведения В.И. Даля не сложны в понимании и усвоении, то такие задания можно будет выполнять самому дома и в школе, что разовьёт в школьниках самостоятельность.

Таким образом, методический потенциал наследия В.И. Даля в обучении русскому языку очень высок. Владимир Иванович Даль говорил, что в русском слове «не менее жизни, как и в самом человеке». То, как трепетно он относился к русской культуре, обычаям, и, наконец, к слову, живёт в его наследии, поэтому так важно использовать его при обучении новых поколений.

Автор «Толкового словаря живого великорусского языка» достоин того, чтобы при обучении русскому языку как можно чаще обращались к имени В.И. Даля, больше знали о судьбе этого талантливого человека, об истории создания его работ; учились видеть всевозможные грани нашего родного языка, узнавать традиции русского народа и давно ушедшие устные выражения, осознавать различие народов многонациональной страны через устное народное творчество и диалекты. Сам В.И. Даль говорил, что «Живой народный язык, сберёгший в жизненной свежести дух, который придаёт языку стройность, силу, ясность, целостность и красоту, должен послужить источником и сокровищницей для развития образованной русской речи» [Даль 2009: 6].

Литература и источники

1. Бабайцева В.В. Русский язык. Теория. 5–9 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений / В. В. Бабайцева, Л. Д. Чеснокова. – М.: Дрофа, 2012. – 319 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М.: Эксмо, 2006. – 575 с.
3. Мельников-Печерский П.И. Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале // Русский вестник. – 1873. – С. 275-340.
4. Мишатина Н.Л. Современная методика: инновационный путь // Русский язык в школе. – 2009. – № 2. – С. 3-7.
5. Русский язык. 5 кл.: учебник для общеобразовательных учреждений. В 2 ч. Ч. 1. / М.М. Разумовская, С.И. Львова, В.И. Капинос и др.; под ред. М.М. Разумовской, П.А. Леканта. – М.: Дрофа, 2020. – 157 с.
6. Русский язык. 6 кл.: учебник для общеобразовательных учреждений. В 2 ч. Ч. 1. / М.М. Разумовская, С.И. Львова, В.И. Капинос и др.; под ред. М.М. Разумовской, П.А. Леканта. – М.: Дрофа, 2020. – 190 с.
7. Русский язык. Практика. 5 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений / А.Ю. Купалова, Г.К. Лидерман-Орлова и др.; под ред. А. Ю. Купаловой. – М.: Дрофа, 2012. – 270 с.

8. Русский язык. 5 класс. Учеб. для общеобразоват. учреждений. В 2 ч. Ч. 1. / Л.М. Рыбченкова, О.М. Александрова, А.В. Глазков, А.Г. Лисицын. – М.: Просвещение, 2012. – 127 с.

9. Текучева И.В. О некоторых тенденциях развития методики преподавания русского языка / И.В. Текучева, Л.Ю. Громова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2018. – №. 2 (83). – С. 188-192.

Пашкова Г.И.

к.п.н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

Сапрыкина С.С.

студентка, НИУ «БелГУ», г. Белгород

ИЗ ИСТОРИИ КОМПЬЮТЕРНЫХ СРЕДСТВ ОБУЧЕНИЯ ОРФОГРАФИИ

Аннотация. При разработке компьютерных средств обучения и методики их использования следует учитывать многолетние материалы исследований ученых по обучению орфографии с компьютерной поддержкой под руководством профессора Н.Н. Алгазиной.

Ключевые слова: компьютерные средства обучения, электронное учебное пособие, самостоятельная работа.

Summary: When developing computer-based learning tools and methods of their use, it is necessary to take into account the long-term research materials of scientists on teaching spelling with computer support under the guidance of Professor N.N. Algazina.

Key words: computer-based learning tools, electronic textbook, individual work.

Большие возможности для самостоятельной работы учащихся создают информационные технологии. Основателем нового направления в методике преподавания русского языка – компьютерной лингводидактики – является доктор педагогических наук, профессор, действительный член Академии информатизации образования Российской Федерации Н.Н. Алгазина.

Работа по использованию информационных технологий в обучении русскому языку началась в середине 80-х годов XX века, когда компьютеры были большой редкостью. Экспериментальные исследования проходили в школе-новостройке № 15 г. Химки Московской области, обучение в которой было построено на принципах всесторонней компьютеризации обучения. Под руководством Надежды Николаевны аспиранты писали сценарии, на основе которых программисты создавали компьютерные программы по орфографии вначале для машин «Ямаха», «УКНЦ», а затем и для более современных. Эксперимент проводился поэтапно: с одним учеником – в лабораторных условиях – в условиях класса; по итогам экспериментов корректировались сценарии. В 1989 году в статье «Обучение орфографии с применением ЭВМ» в журнале «Русский язык в школе» впервые была описана методика составления сценариев обучающих компьютерных программ, прошедших экспериментальную проверку [Алгазина 1989: 34-36].

Для экспериментальной работы было создано учебное пособие для учащихся 5-7 классов «Русская орфография (Компьютерная поддержка курса) [Русская орфография 1992].

Итогом многолетней работы стало создание в 1996 году пособия для учащихся 5-7 классов «Дидактические материалы по орфографии с компьютерной поддержкой» [Алгазина 1996], к которому прилагалась дискета с компьютерными программами (46 программ). В учебной книге была принята блоковая подача орфографического материала. В обучающем модуле, который состоит из четырех частей, отражена работа по изучению орфографического правила: I часть – подготовка к изучению орфографического правила; II часть – работа над орфографическим правилом; III часть – способ применения правила (обозначение изученной орфограммы в соответствии с формулировкой правила); IV часть – закрепление изученного правила. Модуль «Контроль» направлен на определение сформированности умения дифференцировать орфографические правила с одним и тем же опознавательным признаком. Примеры в программах подобраны с учетом вариантов орфограмм, то есть с учетом типичных затруднений учащихся. Подчеркнем, что в данных программах была заложена модель построения будущих электронных учебников по русскому языку.

Н.Н. Алгазина обладала важнейшим качеством ученого-исследователя – прогностическими способностями, взглядом в будущее. Внедрение компьютерных программ в учебный процесс школы по различным разделам курса русского языка, создание электронного учебника стали в последние годы основным делом Надежды Николаевны.

В 2005 году в издательстве «Просвещение-МЕДИА» было издано электронное пособие «Русский язык. 5 класс», где представлена аудио-видео, текстовая и графическая информация для изучения таких разделов курса русского языка: пунктуация, орфография, лексика, морфемика, морфология [Русский язык. 5 класс]. Данное пособие создано по инициативе Н.Н. Алгазиной ее учениками: Г.И. Пашковой, З.П. Ларских, Т.Ф. Новиковой, Т.В. Стрыгиной, М.С. Кунусовой, Ю.Г. Федотовой.

Мультимедийное пособие можно использовать для любой формы обучения учащихся (в онлайн- или офлайн-формате, на уроке или во внеурочное время). Пособие имеет модульную структуру. Материал сгруппирован в два автономных модуля: «Теория. Практика» и «Контроль». Материал по орфографии демонстрационно-тренировочного модуля «Теория» включает те же четыре части, как и в компьютерных программах, которые прилагались к книге «Дидактические материалы по орфографии с компьютерной поддержкой». Но новые возможности мультимедийного пособия в работе над орфографическим правилом изменяют форму подачи

материала. Так, например, используется динамическая таблица, которая невозможна при статичной наглядности. Демонстрационная таблица показывает связь формулировки правила и последовательности орфографического разбора. Контрольный модуль применяется для проверки знаний и умений по теме. По окончании работы не только ставится оценка, но и указывается количество ошибок и время, затраченное на выполнение заданий. Компьютер также сохраняет результаты контроля.

Специальные компьютерные упражнения по орфографии можно объединить в три типа: орфографический разбор, вставка пропущенных букв с указанием номера правила, которое было применено в конкретном случае (номера правил и их названия указаны на экране), словарный зрительно-слуховой диктант. Своеобразие зрительно-слухового диктанта в модуле «Контроль» в том, что «диктуемые» машиной слова с пропущенными орфограммами появляются на экране. Ученик под диктовку должен вставить нужные буквы. Звуковое приложение имеется и в «Теории». Это, прежде всего, звуковое представление орфографического правила. Визуальное и звуковое представление текста совпадают. Звуковые файлы демонстрируют также правильное произношение, правильную интонацию, они используются также для проверки качества восприятия языка со слуха.

Организация материалов предполагает наличие системы кнопок, позволяющих ученику легко перемещаться по материалам, просматривать справочные материалы, обращаться к Интернет-ресурсам. Кнопки на панели управления обозначены с помощью изображений и подписаны: «Содержание», «План», «Отчеты», «Помощь», «Предыдущая», «Следующая», «Выход», «Словарь», «Интернет». Особенностью пособия является закрытый, жесткий характер гипертекста. Так, например, ученик, выяснив значение слова в толковом словаре, опять возвращается к той же ситуации, в тот же кадр.

Интерактивность является неотъемлемым свойством пособия. В программах реализуются три вида диалога: открытый (учитывает самостоятельные действия ученика с клавиатурой), закрытый (ученику следует выбрать правильный ответ из нескольких вариантов), ограниченно-закрытый (ученик конструирует ответ из отдельных блоков). В пособии воплощен аналог партнера по проблемному диалогу. Наличие непрерывной интерактивной обратной связи обеспечивает более устойчивые знания, так как в блоке «Теория. Практика» ученик получает следующее задание только после успешного выполнения предыдущего.

Имеется методическое сопровождение электронного пособия – одним из подразделов пособия «Русский язык. 5 класс» являются «Методические рекомендации для учителя».

К сожалению, в последние годы применение данного электронного пособия на уроках затруднено, так как изменились технические параметры компьютеров. Однако в условиях развития дистанционных форм обучения такое пособие необходимо для самостоятельной работы, так как оно создано на основе многолетней экспериментальной работы и хорошо сочетается с активно применяемыми в настоящее время современными образовательными технологиями. Выражаем надежду, что издатели электронных учебников смогут адаптировать пособие к современным возможностям компьютеров, чтобы учителя смогли широко использовать его для организации самостоятельной работы.

Представленные в статье материалы позволяют сделать следующие выводы:

1. Новое направление в методике русского языка – компьютерная лингводидактика в обучении русскому языку – успешно развивается учениками Н.Н. Алгазиной, учениками ее учеников, то есть традиции научно-педагогической школы продолжают и совершенствуются. В настоящее время целесообразность использования компьютерных технологий в обучении русскому языку неоспорима.

2. Составителям компьютерных средств обучения следует учитывать опыт разработки информационных и методических ресурсов (обучающих программ, электронных учебников, текстовых, графических, аудиоматериалов), выполненных Н.Н. Алгазиной и ее учениками.

3. Самостоятельная работа по орфографии предполагает обязательный выход на электронные ресурсы.

Литература и источники

1. Алгазина Н.Н. Русская орфография (компьютерная поддержка курса): Экспериментальное пособие для учащихся 5-7 классов / Н.Н. Алгазина, З.П. Ларских, Г.И. Пашкова, Е.И. Фитковская; под ред. Н. Н. Алгазиной. – М.: МПУ, 1992. – 83с.

2. Алгазина Н.Н. Дидактические материалы по орфографии с компьютерной поддержкой: Пособие для учащихся 5-7 кл. / З.П. Ларских, Г.И. Пашкова, Е.И. Фитковская; под ред. Н.Н. Алгазиной. М.: Просвещение, 1996. – 175с.

3. Алгазина Н.Н. Обучение орфографии с применением ЭВМ / Н.Н. Алгазина, Г.И. Пашкова, Е.И. Фитковская, Н.В. Березенко // Русский язык в школе. – 1989. – №6. – С.34-36.

4. Алгазина Н.Н. Русский язык. 5 класс: электронное учеб. пособие. / Н.Н. Алгазина, Г.И. Пашкова, Т.В. Стрыгина и др.; науч. ред. Г.И. Пашкова. – М.: Просвещение – Медиа, 2005. – 1 электрон. Опт. Диск (CD- ROM 750 Мб).

5. Пашкова Г.И. Обучаем орфографии с использованием электронного пособия «Русский язык. 5 класс» // Русский язык в школе. – 2005. – №6. – С.23-26.

*Сосновская К.Ю.,
студент, НИУ «БелГУ», г. Белгород.
Науч. рук. – Демичева В.В.,
к. филол. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос о формировании лексикографической компетенции у младших школьников. Лексикографическая компетенция является неотъемлемой частью языкового развития ребенка, и ее формирование важно для дальнейшего успешного обучения и коммуникации на родном языке. В статье приведены факторы, влияющие на формирование лексикографической компетенции, и описаны методы и приемы, которые можно использовать для ее развития. Также представлены примеры заданий и упражнений, которые помогают младшим школьникам учиться новым словам и их значениям, а также использовать их в своей речи.

Ключевые слова: лексикографическая компетенция, младшие школьники, формирование, языковое развитие, словари, методы и приемы, задания и упражнения, образовательная система.

Summary. This article discusses the formation of primary school students' lexicographic competence. It is explained that lexicographic competence is an integral part of a child's language development, and its formation is important for further successful learning and communication in their native language. The article presents the factors influencing the formation of lexicographic competence, and describes the methods and techniques that can be used for its development. There are also examples of tasks and exercises that help primary school students learn new words and their meanings, as well as use them in their speech.

Key words: lexicographic competence, primary school students, formation, language development, dictionaries, methods and techniques, tasks and exercises, educational system.

В Федеральном государственном образовательном стандарте начального общего образования одной из важнейших задач обозначена задача «формирования функциональной грамотности обучающихся (способности решать учебные задачи и жизненные проблемные ситуации на основе сформированных предметных, метапредметных и универсальных способов деятельности), включающей овладение ключевыми компетенциями, составляющими основу готовности к успешному взаимодействию с изменяющимся миром и дальнейшему успешному образованию» [ФГОС НОО 2021: 20]. К числу ключевых компетенций относится лексикографическая, формирование которой играет важную роль для обучения и развития младшего школьника. «Лексикографическая компетенция, – указывает Е.В. Гусева, – это умение пользоваться словарями и другими справочниками для поиска значений слов и понимания их смысла в контексте» [Гусева 2019: 62].

Во-первых, именно овладение этой компетенцией помогает понимать содержание текстов, в том числе и художественных, поскольку при чтении литературных произведений или статей они часто сталкиваются с

незнакомыми словами, вызывающими затруднение для понимания. Умение использовать словарь позволяет им не только разрешить эти трудности, но и расширить словарный запас.

Во-вторых, лексикографическая компетенция является важным компонентом для формирования и развития коммуникативных навыков. Наличие богатого словарного запаса и умение им пользоваться позволяет младшим школьникам выразить свои мысли более точно и ясно. Это особенно важно для успешной коммуникации в учебной и социальной среде.

В-третьих, формирование лексикографической компетенции помогает обучающимся становиться более независимыми в обучении и исследовании. Умение находить необходимую информацию в словарях и в другой справочной литературе дает возможность самостоятельно находить ответы на свои вопросы и решать учебные задачи.

Анализ лингвометодической литературы позволяет сделать вывод о том, что формирование лексикографической компетенции у младших школьников зависит от целого ряда факторов. Прежде всего, как отмечает Н.А. Шестакова, от уровня развития речи. Для того чтобы понимать и использовать словарь, младшие школьники должны обладать достаточным уровнем развития речи. «Младшие школьники должны уметь четко выражать свои мысли и понимать значения слов в контексте» [Шестакова 2019: 46]. При этом важную роль играет мотивация к обучению. Если младшие школьники не заинтересованы в расширении своего кругозора, своего словарного запаса, если они не видят в этом практической пользы, то трудно рассчитывать на появление у них интереса к изучению слова, к использованию различного рода словарей.

Еще одним важным фактором является методика обучения, выбор которой оказывает влияние на формирование лексикографической компетенции у младших школьников. Использование словарей на различных этапах урока, выполнение проектных заданий, подготовка сообщений по материалам словаря и другие формы работы способствуют более эффективному формированию этой компетенции.

Мы согласны с мнением Е.Ф. Королева, который считает обязательным фактором формирования лексикографической компетенции учет возрастных особенностей и уровня развития ребенка. «У младших школьников возможны различия в уровне развития и интересе к изучению новых слов, которые также могут влиять на формирование их лексикографической компетенции» [цит. по: Ковалева 2018: 246].

Для формирования лексикографической компетенции у младших школьников в методической литературе описаны многочисленные методы и приемы. Это, во-первых, игровые формы обучения. Игры помогают привлечь внимание детей и сделать процесс обучения более интересным и запоминающимся. Например, можно использовать дидактические игры, в

ходе которых дети должны выбирать правильное определение слова из словаря. Например, можно предложить детям играть в "Словесную гонку", в которой нужно быстро найти определения слов в словаре и использовать их в предложениях.

Интересной формой работы является обучение контекстуальному анализу. Контекстуальный анализ помогает младшим школьникам понимать значения слов на основе контекста. Это могут быть задания сначала с опорными словами, а затем уже и без использования опорных слов. Поиск определений слова в словаре. Детям предлагается выбрать слово из текста и найти его определение в словаре. Задание помогает детям учиться использовать словари и понимать значения слов. Выбор правильного значения слова на основе контекста. Детям предлагается выбрать правильное значение слова на основе контекста предложения. Это помогает детям учиться анализировать тексты и использовать контекст для понимания значений слов.

Часто используемой на уроках формой является непосредственная работа со словарями, в том числе и словарями, расположенными в учебниках «Русский язык». Такую форму работы используют при проведении занятий по орфоэпии, по лексикологии, при подборе синонимов и антонимов. Здесь следует использовать прием ассоциаций. Детям предлагается придумывать ассоциации с новыми словами. Например, если надо подобрать ассоциации к слову *книга*, дети могут назвать слова *читать, библиотека, страницы* и т.д. Это помогает детям связывать новые слова с известными понятиями и лучше их запоминать.

Обязательным условием при формировании лексикографической компетенции является использование современных технологий. «Современные технологии, – указывает М.В. Игнатенко, – могут быть полезны при формировании лексикографической компетенции у младших школьников. Например, можно использовать интерактивные программы для обучения новым словам и их значениям» [Игнатенко 2020: 104].

Таким образом, лексикографическая компетенция играет важную роль в формировании функциональной грамотности младшего школьника. В процессе формирования лексикографической компетенции у младших школьников следует учитывать факторы, влияющие на ее развитие, а также использовать разнообразные методы и приемы, включая задания и упражнения с использованием словарей. Важно помнить, что развитие лексикографической компетенции является постоянным процессом, и его успех зависит от постоянной работы над языковым развитием ребенка.

Литература и источники

1. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования: приказ Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 286.

2. Гусева Е.В. Формирование лексикографической компетенции младших школьников в процессе обучения русскому языку // Иностранные языки в школе. – 2019. – №1. – С. 59-65.

3. Игнатенко, М.В. Формирование лексикографической компетенции младших школьников на уроках русского языка // Педагогика. – 2020. – №2. – С. 101-106.

4. Ковалева Е.В. Формирование лексикографической компетенции младших школьников в условиях образовательной среды // Современные технологии, экономика и образование: материалы II международной научно-практической конференции (г. Москва, декабрь 2018 г.). – М.: Издательство Проспект, 2018. – С. 245-248.

5. Шестакова Н.А. Использование словарей при обучении русскому языку в начальной школе // Начальная школа. – 2019. – №5. – С. 43-47.

*Попова О.В.,
студент, НИУ «БелГУ», г. Белгород
Науч. рук. – Еременко О.И.,
к. фил. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

ПОТЕНЦИАЛ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ В ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ПО РАЗВИТИЮ РЕЧИ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Аннотация. В статье рассматриваются возможности использования толковых словарей в процессе работы по развитию речи учащихся начальной школы. Объектом внимания автора является «Толковый словарь русского языка» Н.М. Неусыповой и О.М. Стригиной, который обладает значительным потенциалом в организации лексикографической работы на уроках русского языка в начальной школе, направленной на развитие речи обучающихся.

Ключевые слова: развитие речи, младший школьник, лексикографическая работа, толковый словарь.

Summary. The article discusses the possibilities of using explanatory dictionaries in the process of working on the speech development of primary school students. “Russian Russian Dictionary” by N.M. Neusypova and O.M. Strigina is the object of the author’s attention, for it has a significant potential in organizing lexicographic work at Russian language lessons in primary school aimed at the development of students’ speech.

Keywords: speech development, primary school students, lexicographic work, explanatory dictionary

Проблемы речевого развития обучающихся в настоящее время относятся к наиболее актуальным, в связи с чем различные аспекты данной проблемы активно разрабатываются современной лингводидактикой. Пристальное внимание психологов, педагогов и методистов к вопросам развития речи младших школьников обусловлено тем, что успешно сформированные речевые умения и навыки, во-первых, являются главным условием успешного обучения в школе, а, во-вторых, дают возможность обучающимся принимать активное внимание в процессе коммуникации.

Для речевого развития важным является то, что с поступлением в школу родной язык становится предметом изучения для ученика. В процессе начального языкового образования младший школьник овладевает

лингвистическими знаниями, которые являются теоретической основой формирования речевых умений и навыков. И поэтому, являясь самостоятельной задачей начального языкового образования, развитие речи в тоже время сопровождается усвоением теоретических лингвистических сведений о функциональных типах текстов, о слове как важнейшей единице языка и речи.

Анализ работ ученых-психологов и методистов показывает, что связная речь является ярким воплощением достижений обучающегося в овладении родным языком, различными его ярусами: фонетическим строем, лексическим составом, морфологией и синтаксисом. Самым важным аспектом методики развития речи является работа над словом, которая предусматривает освоение семантики лексической единицы, овладение парадигматическими связями слова и его функционально-стилевой окраской. Такого рода лингвистическая информация о слове находит отражение в толковых словарях русского языка. И поэтому в процессе развития речи на уроках в начальной школе необходимо уделять внимание лексикографической работе – работе с лингвистическими словарями. К тому же современный Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования содержит требования по формированию умения пользоваться различными лингвистическими словарями.

Слово является главным средством коммуникации. И чтобы умело и правильно использовать слова в речи, детям необходимо понимать их значения, особенности функционально-стилевой окраски слов и специфику использования в устной и в письменной форме. Поэтому на уроках в начальной школе следует проводить систематическую и целенаправленную лексикографическую работу, направленную на овладение лексическим богатством родного языка.

Одним из основных словарей, который в настоящее время находит активное применение в процессе начального языкового образования, является толковый словарь. Анализ учебных лексикографических источников показал, что для начальной школы в настоящее время разработаны несколько толковых словарей, авторами которых являются А.А. Бондаренко, Н.М. Неусыпова, О.М. Стригина, О.Д. Ушакова. Прежде всего заслуживает внимания «Толковый словарик русского языка», авторами-составителями которого являются Н.М. Неусыпова, О.М. Стригина. Данный словарь «представляет собой справочное учебное пособие, рассчитанное на обогащение, уточнение и активизацию словарного запаса младших школьников. Это словарь построен на тех же научных принципах, что и «взрослые» толковые словари, но в нем учтены требования школьной педагогической науки» [Неусыпова 1990: 33].

В словаре содержится так называемая вступительная статья, которая адресована учителю и обучающимся. Объясняя назначение словаря, авторы указывают, что «толковым он назван потому, что в нём толкуются, то есть объясняются, значения слов, даётся перечень близких и противоположных по смыслу слов, приводятся примеры употребления слов» [Неусыпова 1990: 33].

В анализируемом толковом словаре раскрываются значения наиболее общеупотребительных слов русского языка, причем делается это кратко и в доступной для детей начальной школы форме. Приведем некоторые примеры дефиниций, содержащихся в данном словаре: *Вежливый*, прилаг., -ая, -ое, -ые. Такой, который соблюдает правила приличия; учтивый, предупредительный, обходительный, любезный; *Викторина*, сущ. ж.р., р.п. *викторины*, мн.ч. им.п. *викторины*, р.п. *викторин*. Игра в ответы на вопросы. *Музыкальная викторина. Математическая викторина.*

Анализ словарных статей, содержащихся в словаре Н.М. Неусыповой и О.М. Стригиной показывает, что в нем содержится значительное количество многозначных слов разных частей речи. Вторые значения слов содержат специальную помету *перен.*, например: *Дрожать*. 1. Трястись, сотрясаться, испытывать дрожь. *А уж на ниточках жемчужины от ветра каждого дрожат.* (Маршак.). 2. перен. Бояться, трепетать, содрогаться. *Кто дрожит, тот и от врага бежит* (Пословица.); *Жгучий*. 1. Такой, который жжёт, обжигающий; жаркий, знойный, палящий. *Жгучий воздух пустыни. Жгучий ветер севера.* 2. Сильно переживаемый, острый. *Жгучий стыд. Жгучее любопытство.*

Анализ словника толкового словаря Н.М. Неусыповой и О.М. Стригиной, показывает, что словарные статьи, в которых представлено толкование семантики многозначных слов, позволяют учителю организовать лексикографическую работу, направленную на осмысление структуры многозначного слова, путем показа мотивированности одного значения другим. А богатый и разнообразный иллюстративный материал, содержащийся в словарных статьях полисемантических слов, позволяет организовать наблюдение над употреблением лексических единиц в прямом и переносном значении.

В конце словарных статей многих слов содержатся списки синонимических и антонимических слов. Например, *Жара*. Противоп.: *холод, стужа, мороз*; *Запретить*. Противоп.: *разрешить, позволить*. Кроме того, в словарных статьях данного словаря в качестве иллюстративного материала в значительном количестве представлены фразеологические обороты, а также пословицы и поговорки. Например: *Жар*. С жаром – горячо, с увлечением. *Чужими руками жар загребать* – недобросовестно пользоваться результатом чужого труда; *Золото. Чёрное золото* – о нефти. На вес золота – очень ценный, нужный, дорогой, важный. Устойчивые сочетания слов размещаются после специального значка – ◇.

Анализ особенностей толкового словаря Н.М. Неусыповой и О.М. Стригиной убеждает, что он обладает значительным потенциалом в организации лексикографической работы, направленной на развитие речи учащихся начальной школы. В словаре содержится лексика, отраженная в учебных книгах для начальной школы. Словник данного словаря содержит всю информацию о слове, которая может быть востребована в процессе словарной работы, направленной на обогащение словаря учеников. В словарной статье словаря легко выделяются структурные компоненты, поэтому словарь Н.М. Неусыповой и О.М. Стригиной соответствует возрастным особенностям младших школьников, что делает актуальным применение этого словаря в процессе развития речи учеников начальной школы.

Литература и источники

1. Неусыпова Н.М. Толковый словарь: пособие для начальных классов / Н.М. Неусыпова, О.М. Стригина. – М.: Издательство «Дрофа», 2010. – 89 с.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 декабря 2010 года № 1897). – URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/8f549a94f631319a9f7f5532748d09fa/> (дата обращения: 07.05.2023).

Рак О. В.,

учитель начальных классов, МБОУ ЦО № 15 «Луч», г. Белгород

Науч. рук. – Ильенко Н. М.,

к. пед. н., доцент, НИУ «БелГУ», г. Белгород

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛОВ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ОРФОГРАФИЧЕСКОГО НАВЫКА МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. В статье представлена область применения методики этимологического анализа, а также его актуальность, описаны особенности организации этимологического анализа с целью формирования орфографического навыка младших школьников. Обоснованы методы и приемы при работе с орфографией на уроках русского языка в начальной школе.

Ключевые слова: этимология, этимологический анализ, этимологическая справка, орфографическая грамотность.

Summary. The article presents the scope of the etymological analysis methodology, as well as its relevance, describes the features of the organization of etymological analysis in order to form the spelling skill of primary school students. The methods and techniques for working with spelling in the lessons of the Russian language in elementary school are substantiated.

Keywords: etymology, etymological analysis, etymological reference, spelling literacy.

Язык – духовно-нравственная ценность народа. Формирование у обучающихся представлений о языке – приоритетная задача современной школы. Ее решению уделяется особое внимание в Федеральном государственном образовательном стандарте [ФГОС 2021: 19].

Начальная школа решает проблему орфографической грамотности учащихся, связывая ее с развитием устной и письменной речи. На необходимость активности речевой деятельности указывает неумение школьников объяснить лексическое значение слова, подобрать ряд родственных слов.

Язык – явление постоянно меняющееся. Его развитие – естественный процесс, который зависит от различных факторов: собственно языковых, социальных, политических, экономических, культурологических и других. Решая орфографические задачи, ученики, чтобы ответить на вопросы «Почему так пишется слово?», «Каким способом оно образовано?», «Каких его неожиданных “родственников” можно встретить?», «В каких устойчивых оборотах оно встречается?», обращаются к этимологическому анализу.

Этимология – один из важных разделов языкознания. Эта увлекательная наука определяет, как произошло слово, изучает его родственные связи, рассматривает фонетические, морфологические, исторические и лексические изменения слова.

Этимологический анализ позволяет опираться на сознание при ознакомлении со словарными словами, написание которых относится к традиционному или историческому принципу. В начальной школе, отмечает О.Н. Левушкина, «непроверяемые написания составляют 30-35% по отношению к проверяемым» [Левушкина 2003: 131].

Д.Н. Богоявленский считал, что «учащиеся должны осмыслить не только “как” пишется слово, но и “почему”. Только такое осмысление бывает сознательным и надёжным» [Богоявленский 1989: 92].

Известные ученые, методисты, педагоги Ф.И. Буслаев, К.Д. Ушинский, Н.М. Шанский, О.Н. Левушкина, В.П. Шереметевский, Е.И. Никитина, М.А. Рыбникова, И.В. Пронина, М.В. Ушаков и другие отмечают необходимость в ходе словарной работы опираться на сознательную интеллектуальную деятельность школьников. Исследования ученых показывают, что осознанное запоминание, в том числе и «трудных» в написании слов, выше механического в 25 раз, поэтому высока актуальность использования этимологического анализа, основанного на сознательном усвоении словарных слов. Н.М. Шанский писал: этимологический анализ выявляет «лингвистические “метрики” слова, указывающие время и место появления его на свет, его “родных и родителей”, его первоначальную форму и значение» [Шанский 1978: 45].

Этимологический анализ непроверяемые слова перемещает в разряд слов, которые можно проверить или объяснить их правописание. Примерами такого явления могут служить следующие написания: *мешок* – проверочное слово *мех*; *столица* – *стол*. Правописание словарных слов *дорога*, *воробей*, *корова*, *ворона*, *мороз* можно объяснить наличием в них полногласного

сочетания *-оро-*, в котором не бывает буквы *а*. Слова *соловей*, *солома* содержат полногласное сочетание *-оло-*, в котором тоже не бывает буквы *а*.

Изменяется звучание слова, морфемный состав и лексическое значение, а графический облик чаще всего сохраняется. Так происходит на основе русской орфографии, которая опирается на орфографические принципы. Суть морфологического и фонематического принципов является единообразное написание морфем. Остальные принципы русской орфографии не противоречат основному и давно действующему правилу: «Пиши морфеме всегда одинаково».

Помочь разобраться в написании слов *обаяние* и *обоняние* может этимологическая справка. Слово *обаяние* означает ‘очарование, притягательная сила’. Его этимологический корень *-ба-* находится в древнем глаголе *баять*, т.е. ‘говорить’. *Обаять*, значит, *оговорить*, околдовать словами. Производные от корня *-ба-*: *басня*, *бай-бай*, *байка*. Существительное *обоняние* означает ‘ощущение запахов’. Оно образовалось от глагола *воняти*, т.е. ‘пахнуть’. В правописании слова *обоняние* сохранился корень, который произошел от слова *вонь*, т.е. запах.

Необходимо различать этимологический анализ слова и его морфемный разбор. Этимологический анализ знакомит с историческим прошлым слова, а морфемный разбор рассматривает состав современного слова. Каждый из этих разборов решает свои задачи. Словообразовательный разбор рассматривает морфемное строение слова.

Задачи этимологического анализа шире и сложнее:

- выяснение характера слова: исконно русское оно или заимствованное;
- ознакомление с лексическим значением слова;
- определение времени появления его в нашем языке, базы возникновения и способа словообразования;
- установление старого лексического значения слова.

Чтобы не допустить ошибку при выполнении словообразовательного разбора, необходимо постоянно учитывать исторический состав слова и его современные изменения. Возьмем слово *смородина*. В этимологической справке отмечается, что образовалось оно от древнего *смород*, но с учетом того, что в современном русском языке слова *смород* не существует, мы суффикс *-ин-* не выделяем, он становится частью корня.

Этимологический анализ вырабатывает привычку разбираться в морфологической структуре слова для правильности его написания и понимания значения, расширяет словарный запас учащихся.

Этимологический анализ должен проводиться в соответствии с возрастными особенностями учащихся, уровнем их обученности русскому языку и в объёме, необходимом для правильного написания слов, выполнения словообразовательных разборов и решения других, связанных

с практикой задач. Возможности этимологического анализа, как средства, повышающего качество грамотности школьников:

1) сравнение известных слов, которые не воспринимаются как проверочные, но имеющие этимологически родственные основы: *акварель* – *аквариум*, *балкон* – *балка*, *брошюра* – *брошь*. Этимологический анализ позволяет убедиться в том, что, анализируемые слова, являются историческими родственниками;

2) изучение последовательного исторического изменения слова: *искусство* – *искус* – *искусить* – *кусити*, что означает ‘пытать’ (старославянский);

3) сравнение слов современного русского языка с однокоренными словами других старославянских языков. Примером могут служить слова *багровый*, *багряный*, которые произошли от старославянского слова *багръ*;

4) сравнение словарных слов с заимствованными однокоренными словами из иностранных языков. Возьмем слово *парад*. Оно пришло к нам из французского языка, в котором образовалось с помощью суффикса *-ade-* и латинского глагола *paro*, т.е. *готовлю*. Лексическое значение слова *парад* изначально – ‘смотреть готовности к обороне’.

Этимологический анализ, используемый на уроках русского языка в начальной школе, не только приучает подходить к практической работе со словами с непроверяемыми написаниями с точки зрения науки, но и положительно влияет на правописание словарных слов, расширяет кругозор, словарный запас, развивает интерес к изучению русского языка. Приведем несколько примеров.

При знакомстве с правописанием слова *корова* сначала учащиеся читают его по слогам, как оно пишется. Отмечают, сколько в нем слогов, выясняют, что интересного заметили в нем. (Сочетание *-оро-*). Затем под руководством учителя вспоминают знакомые слова с сочетанием *-оро-*. Далее находят в слове *корова* орфограмму, пытаются ее проверить и предлагают обратиться

к этимологическому словарю. Этимологическая справка сообщает, что слово *корова* образовано от древнерусского слова *кор* ‘рог’, т.е. *корова* – «рогатая».

Этимология позволяет узнать много интересного о словах родного языка, учит грамотно писать их на научной основе.

Например, слова: *ведьма*, *медведь*, *невежда* произошли от одного глагола *ведать*. *Ведьма* – ‘знающая, знахарка’. Она знала целебные травы, лечила больных людей. Неодобрительный смысл получило это слово, когда появились сказки о злых ведьмах. *Невежда* – так называют не просто мало знающего человека, но и не желающего знать больше. *Медведь* – произошло от слов *мед* и *ведает*. Медведь – зверь, который знает, где в лесу найти мед.

Такие этимологические справки получаем из словарей, с которыми должны быть ознакомлены учащиеся:

- «Этимологический словарь русского языка» А.Г. Преображенского, который, к сожалению, не был закончен;
- словарь немецкого ученого Макса Фасмера, переведенный на русский язык нашим известным языковедом О.Н. Трубачовым;
- «Словарь этимологически проверяемых слов русского языка» В.И. Ковалева;
- распространенный, популярный «Краткий этимологический словарь русского языка» Н.М. Шанского, В.В. Иванова, Т.В. Шанской, адресованный учителям [Шанский 1975: 21].

Начиная с первого класса, следует вести учащимся собственные словари, последовательно внося в них изучаемые слова с краткими этимологическими справками, что позволит легко усвоить написание «трудных» слов и подготовиться к словарному диктанту, потому что все изученные слова будут под рукой, в словарице.

Для большого количества слов, не имеющих в современном русском языке проверочных, пишущихся на основе традиционного принципа, необходимо использование этимологического анализа как средства, позволяющего строить эффективно и увлекательно работу по написанию «трудных» слов русского языка в начальной школе на научной основе. Учащиеся с интересом ищут обоснование таких написаний в истории слов. Такая орфографическая деятельность знакомит школьников с историческими изменениями, происходящими в родном языке, приучает обращаться к этимологическим словарям, мотивирует к обучению и решению орфографических проблем.

Литература и источники

1. Богоявленский Д. Н. Психология усвоения орфографии. – М.: Просвещение, 1989. – 416 с.
2. Лёвушкина О.Н. Словарная работа в начальных классах. – М.: Гуманитарный изд. центр ВЛАДОС, 2003. – 345 с.
3. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования / М-во образования и науки Рос. Федерации. – 6-е изд., перераб. М.: Просвещение, 2021. – 53 с.
4. Шанский Н.М. В мире слов. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1978. – 319 с.
5. Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. – М.: Просвещение, 1975. – 543 с.

Секция 3. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ИССЛЕДОВАНИИ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Атаян А.Р.,

студент, НИУ «БелГУ», г. Белгород.

Науч. рук. – Истомина И.В.

к. ист. н., доц., НИУ «БелГУ», г. Белгород.

ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ ДЕВОЧЕК В ДВОРЯНСКИХ СЕМЬЯХ XIX ВЕКА: КУЛЬТУРА ЧТЕНИЯ КНИГ

Аннотация. В данной статье рассматривается образование и воспитание девочек в дворянской среде, которое осуществлялось в России в XIX веке в домашних условиях, посредством привлечения нянь, гувернанток и учителей. Отмечено развитие культуры чтения книг как одного из способов домашнего образования и воспитания дворянок. В статье приведены книжные предпочтения обучаемых, проанализирован контроль, осуществляемый над детьми в процессе их выбора.

Ключевые слова: русское дворянство, домашнее воспитание, домашнее образование, гувернантки, девочки, чтение книг.

Summary. This article examines the education and upbringing of girls in a noble environment, which was carried out in Russia in the XIX century at home, through the involvement of nannies, governesses and teachers. The development of the culture of reading books as one of the ways of home education and upbringing of noblewomen. The article presents book preferences and the control exercised over children in the process of their choice.

Key words: Russian nobility, home upbringing, home education, governesses, girls, reading books.

Активный интерес к науке среди всех слоев русского дворянства начал зарождаться еще во второй половине XVIII века. С этого времени нахождение малограмотных и невежественных людей в высшем обществе привилегированного сословия вызывало негативное отношение, вплоть до презрения.

Единая система государственного образования и воспитания в России начала складываться еще при императрице Екатерине II, благодаря ей появляются идеология «просвещенного абсолютизма» и первые государственные школы.

Уже в начале XIX века состав учебных заведений был дополнен академиями, семинариями и училищами. Теперь единая система государственного образования России состояла из начальной, средней и высшей ступеней. Принятый Устав общего образования в 1804 году стал важным событием в истории российского дворянского образования. Он определял статус гимназии как средней ступени образования, которая была промежуточным звеном и готовила учащихся к поступлению в университет, а также подготавливала к государственной службе [Барашев 2005: 10-11].

Но как же обстояло дело образования и воспитания девочек в дворянских семьях XIX века? В первой половине XIX века уже существовало

большое многообразие государственных и частных учебных заведений, девочки могли получать образование как дома, так и в закрытых пансионах и институтах благородных девиц, как например, в известном привилегированном Смольном институте. Однако дворянские семьи отдавали свое предпочтение именно домашнему образованию и воспитанию. По сравнению с обучением в государственных и частных учебных заведениях домашнее образование имело личностно-ориентированную направленность. Уровень и содержание такого образования полностью зависели от финансового благосостояния дворянской семьи. В то время как состоятельные дворяне для обучения девочек нанимали хороших учителей и гувернанток, малосостоятельные дворяне обучали детей самостоятельно, чаще всего роль учителя выполняли родители или старшие сестры. Как вспоминает Мария Цебрикова: «Русскому языку, т.е. грамматике, учила мать, арифметике, географии и истории – отец» [Цебрикова 1893: 28].

В дворянских семьях родители в основном были заняты светской жизнью или своим поместьем, поэтому уделяли своим детям мало времени и не поощряли лаской, чего им так часто не хватало. Буквально сразу после рождения ребенок находился на попечении у кормилицы. Уже в возрасте четырех-пяти лет беззаботная пора для дворянских детей заканчивалась, сразу после кормилицы их предавали на попечение крепостным нянькам. Отношения нянь с детьми были теплыми и душевными. В мемуарах образу няни отводилось особое внимание, описывали их как близкого человека и полноправного члена семьи [Пономарева 2008: 112-113]. С малых лет воспитание ребенка было направлено на формирование в нем религиозно-нравственных устоев. Прилагая все усилия и используя различные педагогические приемы, на этом этапе детей учили традициям, правилам поведения в высшем обществе и хорошим манерам.

Между образованием и воспитанием мальчиков и девочек не было значительной разницы. По достижении семи-восьмилетнего возраста дети переходили под контроль гувернанток и гувернеров, в зависимости от пола подопечного. Широкое распространение гувернанток в России начинает складываться в первой половине XIX века. Профессиональные гувернантки умели хорошо ладить с детьми и правильно их воспитывать, в соответствии с их социальным статусом, применяя для этого различные методики. Большой популярностью в это время пользовались иностранные гувернантки, преимущественно француженки, однако и русские не уступали им в своей профессиональной деятельности. В отличие от обязанностей няни, гувернантки должны были заниматься как воспитательным, так и образовательным развитием ребенка, обучать девочек предметным дисциплинам. Как уже было сказано ранее, воспитание концентрировалось на подготовке детей к светской жизни. Для девочек было необходимо знание

языков, изучение закона Божьего, умение заниматься рукоделием, играть на фортепиано и танцевать. Несмотря на то, что познавательный аспект в воспитании девочек был не так ярко выражен, во многих дворянских семьях к десяти годам девочек обучали истории, географии, литературе и арифметике, нанимая дополнительно к гувернанткам квалифицированных учителей. Таким образом, благодаря методической работе гувернантки у девочек с малых лет формировалась дисциплина, уважительное отношение к старшим и всем окружающим, вне зависимости от социального статуса человека [Мальцев 2007: 251]. По воспоминаниям Анны Керн, ее гувернантка m-lle Бенуа *«умела приохотить нас к учению разнообразием занятий, терпеливым и ясным без возвышения голоса толкованием, кротким и ровным обращением и безукоризненною справедливостью, что мы не тяготились занятиями, продолжавшимися целый день, за исключением часов прогулок, часов завтрака, обеда, часа ужина. Воскресение было свободно, но других праздников не было. Мы любили наши уроки и всякие занятия вроде вязания и шитья подле m-lle Бенуа»* [Керн 1989: 121].

Мы видим, что уже к середине XIX века обучению и воспитанию девочек в дворянских семьях уделяли большое внимание, тщательно подбирая нянь, гувернанток, учителей или учебные заведения, прокладывая своим детям путь качественного и достойного образования. Мемуары являются подтверждением того, что образование для дворян было очень ценным, родители не жалели никаких средств на обучение и воспитание своих детей.

Так, Прасковья Уварова вспоминает, как ее родители *«не скупились на оплату лучших учителей как для братьев, так и для нас, девочек. Я заканчивала свое образование уроками: истории культуры и искусства, которые преподавал мне Федор Иванович Буслаев, в высшей степени симпатичный и глубоко верующий человек, любящий и знающий Россию, ее дух, ее искусство; музыки – Николай Григорьевич Рубинштейн, и французской литературы – известная в Москве преподавательница M-me Pellan, которая во время уроков считала обязанностью развить в ученице серьезный взгляд на жизнь, на обязанности девушки – будущей жены и матери, на ее обязанности пред воспитавшей ее семьей, пред обществом и родиной»* [Уварова 2006: 30].

Особое место в процессе получения домашнего образования и воспитания в дворянской семье занимала традиция чтения книг. Несмотря на то, что образованием и воспитанием детей занимались приглашенные учителя и гувернеры, чтением вслух с детьми занимались сами родители, чаще всего мама. В связи с активной поддержкой женского образования в XIX веке чтение книг матерями имело важное значение в культурном и общественном пространстве. Это способствовало развитию популяризации книжной культуры. Читая по вечерам книги со своими матерями, дети были

более сконцентрированы и вдумчивы, как следствие лучше усваивали информацию [Лякишева 2009: 17].

Уже в начале XIX века многие дворянские усадьбы были наполнены книжным собранием, большая часть которого состояла из оригинальных произведений на французском языке. Основу совместного чтения дочерей и матерей составляли сказки, в дальнейшем их дополняла зарубежная и отечественная классическая литература, которая, как правило, соответствовала интересам матерей.

С середины XIX века литература, попадающая в руки как к мальчикам, так и девочкам, находилась под строгим контролем родителей, учителей или гувернеров. Однако «запрещенные» книги вызывали у детей лишь больший интерес, к ним относились эмансипирующие русские журналы или отдельные книги иностранных романов. *«Воспитательницы стали прилагать неусыпное рвение к сохранению нашего неведения и наивности, – вспоминала современница. – На чтение французских книг была наложена строжайшая цензура: заклеивали странички в самых невинных романах, вроде «Черного тюльпана» Дюма-отца. Зато английская и немецкая литература считалась безусловно нравственной, поэтому девочкам не запрещали ни Байрона с его богоборчеством и игривыми анекдотами «Дон-Жуана», ни Шекспира с его «грубыми нравами» и «непристойностями», которых, впрочем, барышни чаще всего не понимали или игнорировали»* [Бокова 2018: 96].

Уделенное таким образом большое внимание чтению книг в дворянской среде, оказывало большое влияние на воспитание и развитие подрастающего поколения. После прочтения книги у детей развивалась фантазия, их сознание было наполнено раздумьями. С момента появления в руках у ребенка первой книги, она позже становилась ему настоящим спутником детства. Так как дети читали то, что выбирала и читала их мать, любимыми книгами юных особ становились романы. Они часто ассоциировались у девочек с детскими сказками, где всегда есть герой, который придет на помощь красавице. Не менее популярными и интересными были детские развивающие журналы, такие как: *«Детское чтение»*, *«Детский отдых»* и *«Семейные вечера»*. Журнал *«Детское чтение»*, выпускаемый в Петербурге под редакцией Островского со второй половины XIX века имел особый успех среди других детских изданий. Содержание журнала было наполнено разнообразной полезной информацией, каждый мог найти в нем что-то свое, будь то интересные рассказы или повести, информация об окружающем мире, различные советы, рецензии, а также развлекательные задания и игры. Надежда Крупская вспоминает: *«Увлекалась я очень журналом «Детское чтение» во время Русско-турецкой войны в 1877 году. Помню рассказ «Горе и труд», где рассказывалось, как*

труд дает силы справиться с горем, рассказ о докторе-еврее, лечившем русских ребят, о том, как черногорка Роксана спасла брата» [Крупская 1957: 29]. В нем знаменитая женщина нашла много примеров выражения человеческого благородства, достоинства, предприимчивости и верности.

Историческая литература в этот период занимала значительное место в дворянской библиотеке. Елизавета Драшусова вспоминала о любимой книге ее деда – «Деяния Петра Великого» Г.И. Голикова. Временами, за семейным обедом *«нас, внучат, которых был легион, он заставлял по выбору прочитывать несколько страниц из его любимой книги, причем внушал нам, какой был великий человек преобразователь России и как все должны чтить его»*[Драшусова 1881: 120].

Книга служила источником самообразования, из которого дворянки черпали знания в области истории, политики, философии и других естественных наук, для расширения собственного кругозора. В дворянской среде культура чтения книг стала неотъемлемой частью благородного сословия. А сама литература в этот период оказала большое влияние на формирование нравственности и характера русской дворянки.

Таким образом, мы видим, что домашнее образование и воспитание девочек в дворянской среде напрямую зависело от материального достатка семьи и образованности самих родителей. Несмотря на многообразие образовательных учреждений в XIX веке, домашнее образование пользовалось популярностью из-за концентрации внимания на воспитании отдельного ребенка, что позволяло достичь хороших результатов. Культура чтения книг, вошедшая в повседневную жизнь дворянского сословия внесла немалый вклад в образование и воспитание подрастающего поколения.

Литература и источники

1. Барашев М.А. Воспитание и образование русского дворянства второй половины XVIII – начала XIX веков. Очерки: учеб. Пособие. – Владимир: Ред.-издат. комплекс ВлГУ, 2005 – 56 с.
2. Бокова В.М. Отроку благочестие блюсти...Как наставляли дворянских детей. – Москва: Ломоносовъ, 2018. – 244 с.
3. Драшусова Е.А. Жизнь прожить не поле перейти. Записки неизвестной // Русский вестник. – 1881. – Т. 155. – 754 с.
4. Керн А.П. Воспоминания. Дневник. Переписка. – Москва: Правда, 1989. – 477 с.
5. Крупская Н.К. Педагогические сочинения: В 10 т. / под ред. Н.К. Гончарова. – Москва: Издательство Академии педагогических наук, 1957. – Т. 1. – 510 с.
6. Лякишева С.И. Усадебные библиотеки и домашнее чтение дворян как образец книжной культуры России XIX века / Л.С. Ивановна. – Москва, 2009. – 22 с.
7. Мальцев Д.И. История воспитания и образования в России XVIII-XIX в. – Москва, 2007. – 376 с.
8. Пономарева В.В. Мир русской женщины: воспитание, образование, судьба. XVIII – начало XX века / В.В. Пономарева, Л. Б. Хорошилова. – Москва: Русское слово, 2008. – 315 с.

9. Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. – Москва: Издательство им. Сабашниковых, 2005. – 296 с.

10. Цебрикова М.К. Страницы из истории нашего женского домашнего образования // Русская школа. – 1893. – Т. 1. – № 5-6. – 207 с.

Вышегородцева Д.А.,

студент, ФГБОУ ВО «ПГУ» г. Пятигорск.

Науч. рук. – Буров А.А.

д. фил. н., ФГБОУ ВО «ПГУ» г. Пятигорск

ФРАЗОВАЯ НОМИНАЦИЯ В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ В.И. ДАЛЯ: ПОПЫТКА ФРЕЙМОВОГО АНАЛИЗА

Аннотация. В статье анализируются пословицы из изданного В.И. Далем сборника пословиц и поговорок русского народа, включающих в свой состав фразовую номинацию. Рассматриваемые логические паремии представляют разные тематические группы образных выражений, собранных великим русским исследователем и образующих наиболее яркие фреймовые области русской картины мира. Фразовые номинации как аналитические обозначения вызывают определенный интерес с позиции методологии фреймового анализа синтаксических структур, которые имеют когнитивные характеристики дескрипций – описательных наименований предметов и явлений действительности. По мнению автора статьи, специфика предикативных описательных номинаций наиболее значимых для человека тематических областей его бытия, которые представляют пословицы, включенные В.И. Далем в сборник, заключается в местоименно-соотносительном дейксисе обобщения, осуществляемого внутренней формой дескрипции атрибутов определенной фреймовой семантики. Рассуждения автора статьи приводят к выводу о том, что пословичная фразовая номинация является маленьким языковым образом фрагмента наивной языковой картины русского мира, отражающей многовековую мудрость народа в сознании выдающейся языковой личности В.И. Даля.

Ключевые слова: В.И. Даль, пословицы русского народа, языковая личность, фразовая номинация, дейксис, местоименная соотносительность, дескрипция, фрейм, фреймовая семантика, наивная картина мира.

Summary. The article analyzes the proverbs published by V.I. Dahl of a collection of proverbs and sayings of the Russian people, including a phrase nomination. The considered logical proverbs represent different thematic groups of figurative expressions collected by the great Russian researcher and forming the most striking frame areas of the Russian picture of the world. Phrase nominations as analytical designations are of particular interest from the point of view of the methodology of frame analysis of syntactic structures that have the cognitive characteristics of descriptions – descriptive names of objects and phenomena of reality. According to the author of the article, the specifics of the predicative descriptive nominations of the most significant thematic areas of human existence, which represent the proverbs included by V.I. Dahl in the collection, consists in the pronominal-correlative deixis of the generalization carried out by the internal form of the description of the attributes of a certain frame semantics. The reasoning of the author of the article leads to the conclusion that the proverbial phrasal nomination is a small linguistic image of a fragment of the naive linguistic picture of the Russian world, reflecting the centuries-old wisdom of the people in the mind of the outstanding linguistic personality of V.I. Dahl.

Key words: V.I. Dahl, proverbs of the Russian people, linguistic personality, phrasal nomination, deixis, pronominal correlation, description, frame, frame semantics, naive world view.

В.И. Даль вошел в историю русской культуры как выдающийся филолог-энциклопедист, собиратель русского фольклора, этнограф, писатель и мемуарист. Его справедливо считают элитарной русской языковой личностью, чья главная отличительная черта – глубочайшее знание русского народа. Далеко не случайно И.И. Чумак-Жунь, говоря о народной основе филологических открытий В.И. Даля, видит в них яркий отблеск «алмазных искр» творческого облика А.С. Пушкина – современника, близкого друга и единомышленника автора великого «Словаря живого великорусского языка» [Дали Даля 2021: 7]. Этот словарь – убедительное доказательство справедливости утверждения о том, что язык наш должен был почерпнуть в народном предании силу, которая определялась его истинностью, таинственностью, древностью, непостижимостью и глубочайшим смыслом.

Не меньшую ценность для истории отечественной словесности, чем Словарь Даля, имеют изданные им в 1861 году «Пословицы и поговорки русского народа». Из более чем 30000 паремий, включенных в этот сборник, 25 тысяч собраны непосредственно самим ученым, который записал их среди крестьян, ремесленников, солдат, мещан на бескрайних просторах России.

Все пословицы и поговорки (к последним примыкают присказки, присловия, прибаутки и др.) размещены В.И. Далем по кластерам – тематическим группам, таким как «Бог – Вера», «Вера – Грех», «Судьба – Терпение – Надежда», «Добро – Милость – Зло», «Родина – Чужбина», «Друг – Недруг», «Работа – Праздность» и другие. Паремии вплетаются в многоголосую картину русского мира, буквально пронизывают все сферы нашей жизни, включая оценку всего происходящего вокруг [Алефиренко 2009]. А главное то, что в них бьётся, пульсирует живое сердце русского народа, звучат многочисленные и такие несхожие голоса наших соплеменников из прошлого, соединяясь в единый хор, вплетаясь в общую языковую картину русского мира.

Не все отобранные Далем паремии однотипны по своему составу в смысловом и структурном отношении. Отметим прежде всего пословицы – такие образные выражения, которые представлены синтаксическими моделями простых и сложных предложений, в основном – с обобщенно-личной или неопределенной и приблизительной семантикой. Сравним: *Счастливый – что калач в меду (к нему все пристает). Грешному путь вначале широк, да после крут. В тревогу – и мы к богу, а по тревоге – забыли о боге. Нет такого человека, чтоб век без греха прожил. Что о том тужить, чего нельзя воротить (или: чему нельзя пособить)?* [Даль 2021].

Сам В.И. Даль в образной, присущей ему афористической манере не раз подчеркивал специфику пословицы: *«Поговорка, по народному же определению, цветочек, а пословица ягодка»* [Даль 2021]. В «Напутном» – предисловии к собранию пословиц и поговорок его автор подчеркивал:

«Частое непонимание нами пословицы основано именно на незнании языков, тех простых, сильных и кратких оборотов речи, которые исподволь утрачиваются и вытесняются из письменного языка, чтобы сблизить его, для большей сподручности переводов, с языками западными» [Даль 2021].

Среди пословиц, выраженных сложноподчиненными предложениями, мы выделяем конструкции с нерасчлененным подчинением частей, когда придаточное присоединяется к опорному указательному слову (обычно это местоименно-наречный коррелят) главной части предложения относительным местоимением или местоименным наречием [Максимов 2011: 337-338]. Например: *Кому сгореть, тот не утонет. Кому счастье служит, тот ни о чем не тужит. Что о том тужить, чего нельзя воротить (или: чему нельзя пособить)? За что ни возьмется, все из рук валится* [Даль 2021].

В русских пословицах, если сравнивать их с текстами иных стилевых сфер, например – беллетристики, придаточная часть местоименно-соотносительной конструкции чаще употребляется препозитивно. Ср.: *«Где тонко, там и рвется. Где худо, тут и порется»* [Даль 2021]. Подобное употребление, разрушающее порядок следования компонентов местоименно-соотносительного блока и его целостность (*тот, кто; то, что; там, где и под.*), характерно для афористического использования рассматриваемых конструкций. При употреблении в обобщенном значении указательный коррелят может дистанцироваться по отношению к придаточному, подчеркивая сам объект (*Тот мудрен, у кого карман ядрен*), но чаще он просто опускается (*Кто нужды не видал, и счастья не знает. Кто ныне мал – завтра велик, а ныне велик – завтра мал*).

Русская разговорная речь, о чем говорит нам материал пословиц Даля, свидетельствует о том, что коррелят рассматриваемой конструкции может опускаться и при постпозитивном употреблении придаточного: *«Будь, чему быть. Пусть будет, чему не миновать»* [Даль 2021]. Подобные случаи свидетельствуют о том, что в условиях обобщения актуализируется предиктируемый сказуемым признак, лежащий в основании предикативного перифразистического наименования и на первый план в коммуникации выступает не указание на денотат, а его свойство, семантика. Иными словами, предиктирование признака осуществляет вскрытие внутренней формы номинационной дескрипции.

Все приведенные нами примеры связаны с проявлением в русском языке фразовой, или синтаксической, номинации – такого явления, которое А.А. Буров относит к номинационному анализируемому как тенденции в историческом развитии русской системы наименования в целом. Фразовая номинация формируется придаточными местоименно-соотносительного типа сложноподчиненного предложения [Буров 1979; 2012].

В самом деле, рассмотрим пословицу «*Кто цыгана проведет, трех дней не проживёт*» [Даль 2021]. В данном случае препозитивная придаточная часть является фразовой дескрипцией, или описательным наименованием. Под фразовым наименованием мы понимаем описательное обозначение денотата посредством предикцирования его признака (группы признаков) в придаточной части и соотнесения с признаком главной части сложноподчиненного предложения. Сам денотат при этом обычно фиксируется с помощью дейксиса местоименно-наречного указания.

В приведенной пословице фразовая номинация «*кто цыгана проведет*» обозначает людей, которые ассоциируются в народном сознании с таким нередко встречающимся и особенно удивляющим иностранцев (*Что русскому здорово, то немцу смерть*) свойством русской натуры, как выходящая за рамки здравого рассудка смелость, бесшабашность, тяга к риску, авантюре – всему, что часто оборачивается неприятностями. Фразовая номинация «*кто цыгана проведет*» включает здесь оттенок народного осуждения этих свойств, выражая это в косвенной, завуалированной негативной оценке в главной части – сожаления по поводу подобных поступков (*трих дней не проживет*).

Употребление пословиц, включающих в свой состав фразовую номинацию, представляет интерес как объект не только структурно-семантического и функционально-прагматического подхода к фактам языка, но и других методов изучения человеческого общения. Например, это актуальное членение высказывания, когда фразовая дескрипция может выделить либо *данное*, либо *новое* из того, что актуализируется в речевом акте.

Мы же обратили внимание на когнитивный ресурс фразовой номинации, употребленной в составе пословиц В.И. Даля. Представляет интерес попытка рассмотреть местоименно-соотносительные структуры с позиций когнитивного языкознания: каким образом дескрипции участвуют в сообщении знания о денотатах, чья внутренняя форма представляет интерес для коммуникантов. Нас заинтересовала возможность фреймового анализа фразовых дескрипций в контексте пословицы как текста, аккумулирующего и обобщающего в описательной форме, посредством предикцирования признака обозначаемого, определенное знание о том или ином участке картины мира.

Когнитивная лингвистика предлагает два основных подхода к понятию *фрейм*: с одной стороны, это «кадр, рамка», мысленная структура знания в сознании человека, а с другой – вербальная структура представления знания, инструмент выражения мысли [Минский 1979]. Рассматриваемые нами пословицы включают фразовые дескрипции денотатов, которые представляют разные тематические группы обобщенных представлений о мире и человеке, собранных великим русским исследователем. Эти денотаты образуют наиболее яркие фреймовые области русской картины мира.

Мы считаем справедливым утверждение, что фрейм – это когнитивная область сознания, обобщенный образ какой-то предметной области, представленный языковой структурой [Никонова 2007: 231]. В таком случае фразовая номинация, употребляемая носителем языка в составе пословиц определенной предметно-тематической области, является специфической структурой, выражающей обобщенный образ. Этот образ включает в себе представление носителей языка об определенном участке знания о мире, который концентрируется в концептах (*Бог, человек, вера, Родина, судьба, друг, недруг, счастье* и т.д.).

Мы предполагаем, что с помощью фреймового анализа фразовой номинации денотата в составе пословицы можно судить о внутренней форме того образа, который лежит в основе этимологии базового концепта всей тематической группы. Признак, который предиктируется в структуре придаточного, является основным, мотивирующим выбор употребления фразовой номинации. В пословицах Даля поэтому многие дескрипции легко трансформируются в лексические номинации: *«Тому, кто глуп, счастье, а кто умен – бог дает»* [Даль 2021]. (*Глупому счастье, а умному бог дает*)

Когнитивный потенциал фразового наименования обусловлен спецификой внутренней формы дескрипции как номинативного знака. Специфика предикативных описательных номинаций наиболее значимых для человека тематических областей его бытия, которые представляют пословицы, включенные В.И. Далем в сборник, определяется дейктическим характером обобщения и расчлененным способом представления внутренней формы в атрибутике называемого обобщенно денотата. Пословичная фразовая номинация является маленьким языковым образом фрагмента наивной языковой картины русского мира, запечатленного языковой личностью В.И. Даля.

Литература и источники

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и паремиология / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семененко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
2. Буров А.А. Функции субстантивных местоименно-соотносительных придаточных в тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 1979. – 17 с.
3. Буров А.А. Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке. – Ставрополь – Пятигорск: Изд-во СГУ «Академический проект», 2012. – 400 с.
4. Дали Даля: сборник статей Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции 20-21.05.2021 г. «Далевские чтения». – Белгород : ООО «Эпицентр», 2021. – 180 с.
5. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. – Москва: Аргументы недели, 2021. – 544 с. – Режим доступа: – https://www.100bestbooks.ru/files/Dahl_Poslovicy_i_pogovorki_russkogo_naroda.pdf/.
6. Максимов Л.Ю. Многомерная классификация сложноподчиненных предложений (на материале современного русского литературного языка) / Под ред. А.А. Бурова, К.Э. Штайн. – Ставрополь – Пятигорск: СГУ, 2011. – 680 с.
7. Минский М. Фреймы для представления знаний. – Москва: Энергия, 1979. – 151 с.

8. Никонова Ж.В. Фреймовый анализ как метод лингвистического описания вербальных структур // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2007. – № 6 (50). – С. 229-23.

*Заборовская Д.А.,
студент, НИУ «БелГУ», г. Белгород.
Науч. рук. – Озерова Е.Г.,
д. фил. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В СКАЗАХ П.П. БАЖОВА

Аннотация. В статье рассматривается специфика функционирования уральской этнографической лексики в художественных текстах П.П. Бажова и уделяется внимание её изучению с помощью лексикографических источников (на материале «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля). Благодаря кропотливой работе Павла Петровича Бажова, собиравшего лексику ограниченной сферы употребления, сохранён уральский говор, исследование которого позволяет выделить характерные черты и изучить особенности номинации быта людей, живших на данной территории.

Ключевые слова: этнографическая лексика, сказы П.П. Бажова, стилистическая маркированность.

Summary. The article examines the specificity of the functioning of the Uralic ethnographic vocabulary in the fiction texts of P.P. Bazhov and pays attention to its study with the help of dictionaries (on the basis of the «The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language» by V.I. Dahl). Due to the painstaking work of Pavel Petrovich Bazhov, who collected vocabulary of limited scope of use, the Uralic vocabulary has been preserved, the study of which allows us to highlight the characteristic features and study the features of nomination of everyday life of people who lived in this territory.

Key words: ethnographic vocabulary, tales of P.P. Bazhov, stylistic marking.

Язык представляет собой кладовую истории этноса – его носителя, а лексика непосредственно реагирует на все изменения в жизни народа. Ни фонетика, ни грамматика языка не могут фиксировать условия жизни народа так полно, как лексика. Вот поэтому на всех этапах развития языкознания большое место уделялось составлению словарей, изучению лексического состава языка.

Исследованием взаимоотношений языка и культуры занимается такое направление языкознания, как этнолингвистика. Предметом её изучения является этнографизмы – лексические диалектизмы, употребляемые в определённой местности [Жеребило 2010]. Особый интерес для исследователей, изучающих этот пласт русской лексики, представляют художественные тексты, написанные П.П. Бажовым.

Лексическая структура сказов Павла Петровича Бажова характеризуется своеобразием ёмкого, живого народного языка, в котором сочетаются разговорные, просторечные, устаревшие и диалектные лексемы, исторически сложившиеся и территориально ограниченные элементы на уровне фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики. Сам П. П. Бажов так

говорил о своём творчестве: «Ищу слова мучительно долго... Над словом работаю... Работа у меня ювелирная...» [Касаркин 1979: 14].

Для П.П. Бажова диалектные слова были той ценностью, которую он сохранял и фиксировал в «живом» виде, с помощью художественных текстов запечатлевая в устах героев: «В словарях слово неподвижно. Слушаю его в повседневной речи, ищу в книгах, в действии, в жизни. Интересуют меня слова известные, но забытые в литературном языке. Я их очень ценю и подбираю» [Касаркин 1979: 15].

Благодаря кропотливой работе Павла Петровича Бажова, собиравшего лексику ограниченной сферы употребления, сохранён уральский говор, исследование которого позволяет выделить характерные черты и изучить особенности номинации быта людей, живших на данной территории. Например, автор использует лексему *двор* в значении «семья».

Для более корректного толкования данного пласта лексики необходим не только контекстный анализ, но и лексикографические источники – «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля. Словарь, который создавался с 1819 года, аккумулирует широкий охват лексики: книжно-письменные слова, в том числе церковнославянизмы, диалектные и профессиональные слова, связанные с крестьянским бытом, разнообразными ремёслами, промыслами, городским бытом, средой мещан; «чужесловы», т.е. иноязычные слова, а также «тождесловы», т.е. слова, созданные самим В.И. Далем. Следовательно, данный словарь является значимым лексикографическим источником для изучения этнографической лексики, поскольку создавался тогда, когда данная лексика активно функционировала в языке, поэтому толкования, зафиксированные Далем, являются наиболее точными.

Рассматривая причины включения лексики уральских говоров в художественные тексты П.П. Бажова, можно предположить, что это обусловлено спецификой изображения действительности. Автор фиксирует номинации уральских территорий, что позволяет выявить своеобразие географических названий в текстах сказов, например, упоминание Азов-горы (гора на Среднем Урале, в 70 км к юго-западу от Екатеринбурга), Васькиной горы (находящейся недалеко от Кунгурского села, в 35 км к юго-западу от Екатеринбурга), Гумёшек (Гумешевский рудник), Думной горы, что в черте Полевского завода, села Мурзинка и др. П.П. Бажов обращается к лексике, номинации места освоения минералов. Формирование лексики говора, в целом, тесно связано с тематикой добычи железной руды, золота, драгоценных природных камней, малахита и мрамора. Например, в сказах нами зафиксированы такие слова, как *диомнит* – динамит; *изумруд медный* – диоптаз; *королёк* – самородная медь кристаллами; *кразелиты* – хризолиты; *мягкий камень* – тальк и др. Представлены и лексемы, входящие

в тематическую группу *устройства и работы медеплавильных заводов, мастерство резки по камню*. Например, *балодка* – одноручный молот, используемый при обработке камня; *дозорный* – контролёр; *жжженопятики* – прозвище для рабочих горячих цехов и др. Уральский говор является, прежде всего, говором горнозаводской зоны среднего Урала. Сказы П.П. Бажова при выходе в печать зачастую создаются с небольшим словариком отдельных слов, понятий и выражений, которые в них встречаются. Так, например, в сборнике с 38 сказами находится объяснение для 281-го слова, составленное редактором Ю.И. Веслинским. Следует отметить слова, которые функционируют и в литературном языке, но в рамках уральского диалекта имеют иное значение. Например, *дивно* – много; *находить* – быть похожим; *подлокотник* – помощник; *приказчик* – управляющий заводом; *приклад* – пожертвование в церковь; *прибор* – полный комплект женских украшений; *сок* – шлак от медеплавильного производства; *умыть* – растратить и др. [Бажов 1992].

При исследовании лексики в сказах П.П. Бажова особое внимание мы уделили этнографическим диалектизмам, которые проанализировали с помощью словаря В.И. Даля. Так были исследованы значения следующих слов:

- 1) *беспелюха* – об. сев. рохля, неряха, разиня, бестолковый, развисяй;
- 2) *вожгаться* – трудиться, биться над чем;
- 3) *голк* – вост. и сиб. звук, звон, шум, стук, грохот, гул, особ. от выстрела, с раскатом;
- 4) *завсе* – всегда, всяк час или день, всякий раз;
- 5) *изробиться* – истощиться трудом, работой;
- 6) *гоношить* – сев. копить, беречь, припасать, собирать;
- 7) *заскать* – засучить, завернуть;
- 8) *заплот* – сиб. забор, деревянная сплошная ограда, из досок или брёвен;
- 9) *тамга* – клеймо, знак, штемпель;
- 10) *тулаем* – вост. оптом.

В словаре В.И. Даля данные лексемы стилистически маркированы и имеют пометы: «областное слово», «слово из северных областей», «сибирское слово» [Даль 2004].

Этнографическую лексику П.П. Бажов использует в сказах не только в прямой речи героев, но и в самом повествовании. Например, описание Хозяйки Медной горы из одноименного сказа: «*Девка небольшого росту, из себя ладная и уж такое крутое колесо – на месте не посидит. Вперед наклонится, ровно у себя под ногами ищет, то опять назад откинется, на тот бок изогнется, на другой. На ноги вскочит, руками замашет, потом опять наклонится. Однем словом, артуть-девка. Слышать – лопочет что-*

то, а по-каковски – неизвестно, и с кем говорит – не видно. Только смешком все. Весело, видно ей» [Бажов 1992: 5]. Благодаря этому приёму появляется образ героя-рассказчика, который ведёт повествование и «сказывает» читателю о том, что происходит.

Благодаря тому, что П.П. Бажов смог собрать обширный материал этнографической лексики и искусно поместил его на страницы своих художественных текстов, актуализирована возможность изучения номинаций быта уральских жителей того времени, зафиксированы особенности диалектной речи. Сказы П.П. Бажова представляют этнографически достоверный и конкретный сборник, полный яркой художественности, изучать который помогает толковый словарь В.И. Даля.

Литература и источники

1. Бажов П.П. Малахитовая шкатулка. – Москва.: Республика, 1992. – 304 с.
2. Касаркин В.В. «Над словом работаю ...». – Москва.: Русская речь, 1979. – 14 с.
3. Касаркин В.В. «Над словом работаю ...». – Москва: Русская речь, 1979. – 15 с.
4. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
5. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / В.И. Даль; совмещ. ред. изд. В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ. – Москва: Олма-Пресс: Крас. пролетарий, 2004. – 700 с.

*Мишина Д.Д.,
магистрант, ТГПУ, г. Тула.
Науч. рук. – Токарев Г.В.
д. фил. н., ТГПУ, г. Тула*

БЫТ ДЕВОЧЕК ДВОРЯНСКОГО СОСЛОВИЯ В СМОЛЬНОМ ИНСТИТУТЕ XIX ВЕКА

Аннотация. Статья посвящена характеристике воспитательной системы Смольного института благородных девиц – первого в России учебного заведения, положившего начало женскому образованию в стране. В статье рассмотрены примеры влияния питания и одежды на быт учениц Смольного института в девятнадцатом веке.

Ключевые слова: Смольный, институт, дворяне, «институтки», одежда, питание.

Summary. The article is devoted to the characteristics of the educational system of the Smolny Institute of Noble Maidens – the first women's educational institution in Russia, which marked the beginning of women's education in the country. The article considers examples of the influence of nutrition and clothing on the life of Smolny Institute students in the nineteenth century.

Key words: Smolny, institute, nobles, «institute girls», clothes, food.

Прежде чем говорить о быте девочек дворянского сословия в Смольном институте XIX века, стоит немного рассказать о становлении данного учебного заведения. Менялось ли что-нибудь в учебной программе и смысле обучения с начала существования Смольного и до его закрытия? Мы

выбрали данное учебное заведение и решили описать быт его воспитанниц, потому что в нём могли обучаться только дети дворян.

Говоря о женском образовании в России, мы не можем не упомянуть Екатерину Вторую, которая и стала его родоначальницей. Смольный институт был основан императрицей в мае 1764 года по инициативе Ивана Ивановича Бецкого. При своем открытии это учебное заведение носило иное название, а именно «Воспитательное общество благородных девиц». Целью его учредителей было: «дать государству образованных женщин, хороших матерей, полезных членов семьи и общества». Как основательница, Екатерина принимала самое активное участие в жизни Смольного института, а именно: вкладывала деньги, часто приезжала в институт, вела переписки с руководством заведения, кроме того, она часто разговаривала не только с классными дамами, но и с самими «институтками». Делала она это, поскольку хотела, чтобы воспитанницы были разносторонне развиты и принесли пользу стране.

Попасть в Смольный институт просто так было нельзя: девочки должны были сдать экзамены по русскому и французскому языкам, кроме того, должны были быть воспитаны духовно. Однако самым важным критерием было происхождение, как было сказано выше, обучаться могли только дети дворян.

В Смольном институте уделялось внимание многим предметам. Вот их перечень: грамота, три иностранных языка, арифметика, религиоведение, музыка, этикет, рисование вокал, история и кулинария. Несмотря на большое количество видов занятий, нельзя не заметить, что большинство имеют, как это называли бы сейчас, гуманитарное направление, девочки совсем не изучали точные науки, не было даже географии. Неудивительно, что даже такие предметы изучались очень поверхностно. Например, ученицам не разрешалось самим делать фарш, и они жарили котлеты исключительно из готового.

Самыми важными предметами считались этикет и закон Божий, поскольку представлялось, что будущая выпускница должна знать, как ей вести себя в обществе и уметь вести беседы о религии.

Единственным человеком, который попытался внести изменения в программу Смольного института, был Константин Дмитриевич Ушинский. Он ввёл в расписание точные науки: физику, химию и естествознание. Кроме того, по его распоряжению были уволены преподаватели, зарекомендовавшие себя как некомпетентные. Даже Елизавета Водовозова, на книгу которой мы опираемся, крайне положительно отзывалась об Ушинском и называла его «лучом света» [Водовозова 2017].

Теперь, когда мы узнали чуть больше об истории Смольного института, а также о том, как создавалась и менялась программа данного учебного заведения, мы, наконец, можем поговорить о быте его воспитанниц.

Делать мы это будем, опираясь на дневники одной из «институток» Смольного, имя которой было Елизавета Николаевна Водовозова. Эта писательница создала множество произведений, но нас интересует только одно из них, а именно «Дневники Смолянки. Воспоминания об институтских нравах». Книга эта состоит из семи глав и подробно описывает то, как жили дворянские дети, обучавшиеся в Смольном институте. Однако особый интерес представляет то, что, поскольку в данном учебном заведении могли обучаться только девочки, здесь (то есть в книге Водовозовой) описана жизнь именно этой группы. Книга «Дневники Смолянки» хорошо показывает не только быт, который вели «институтки», но и то, как менялся сам институт, в результате той или иной реформы, а также то, как эти события влияли на жизнь учениц.

Начиная описывать повседневность «смолянок», мы должны обратить внимание на такие важные категории, как еда и одежда, поскольку они играли не последнюю роль в жизни девочек.

Важным будет заметить, что питание в Смольном институте было достаточно скудным. На завтрак им обычно давали чёрный хлеб с маслом и позеленевшим сыром, однако иногда могли дать и кусочек мяса, однако он был настолько тонким, что напоминал лист бумаги. В обед «институтки» получали суп без говядины, на второе – эту самую говядину из супа, немного поджаренную, на третье – небольшой пирожок с брусникой. Приведем здесь цитату самой Елизаветы: *«Эта пища, хотя и довольно редко дурного качества, была чрезвычайно малопитательна, потому что порции были до невероятности миниатюрны»* [Цит. по: Водовозова 2017]. Однако так было не только в Смольном, в других учебных заведениях подобного типа кормили так же плохо, но при этом давали много хлеба, в Смольном не было даже такой вольности. Стоит отметить, что ученицы постились, причем достаточно, чтобы это стало причиной практически постоянного голода. В пост, девочки получали ещё меньше еды, порции становились еще более миниатюрными. На завтрак теперь давали немного картофеля с постным маслом, на второе могли дать кашу-размазню или овсяный суп, или, как его обычно называли, *габер-суп*. В обед «институтки» получали суп с крупой и кусок вареной рыбы. Причем рыба была, видимо, настолько плохо приготовлена, что её называли «мертвечиной». Однако в праздники этот скудный рацион немного преображался, и девочки могли получить два бутерброда с телятиной, немного мармелада и пару небольших пирожных.

Как было сказано ранее, «смолянки» часто постились и испытывали при этом постоянное чувство голода. В своей книге Елизавета Николаевна

хорошо описывает, что чувствовала она сама и те, кто с ней учился. Соблюдали обычно Рождественский и Великий посты, однако это происходило и каждую среду и пятницу. В это время девочки испытывали такой голод, что не могли уснуть, и даже плакали, не столько от голода, сколько от холода, который сопровождал «смолянок», каждый раз, когда они шли спать.

Девочки пытались хоть немного облегчить себе жизнь. Конечно, тем ученицам, семьи которых жили в Петербурге, было немного легче, поскольку они (ученицы) могли попросить у них хлеб и прочую пищу. Кроме того родственники могли принести деньги, которые «институтки» хранили у себя тайно, так как это было запрещено.

Разница между теми, у кого были более обеспеченные родственники, жившие близко, учились немного лучше, поскольку, поев, они садились за уроки, в то время как остальные ходили из угла в угол и не могли ничего делать от голода.

Елизавета Николаевна вспоминает случай, связанный с одной из учениц, по фамилии Полякова, она брала дополнительные уроки музыки, на которые её мать выделяла ей определенную сумму денег. Об этом знали и другие девочки, которые были голодны. Несмотря на просьбы подруг, эта «институтка» не разделила свои деньги с другими.

Что касается одежды, то обычно разные классы носили, соответственно, платья разного цвета. Младшие ученицы носили платья кофейного цвета, за что их прозвали «кофульками», средние классы носили синие платья, старшие же носили зеленые. Общими элементами одежды были передники, нитяные чулки, нижние юбки и так называемые «прюнельки», то есть ботинки. Сами платья шились из двух видов материалов: *камлота* – плотной ткани для повседневной одежды, и *коленкора* – для праздничной.

Кроме того, девушки из старших классов должны были носить корсет. По воспоминаниям Елизаветы Водовозовой, этот предмет одежды, который выдавался в институте, был настолько неудобен, что при его ношении появлялись синяки и ссадины. Поэтому приходилось заказывать собственный корсет, однако это было недешевое удовольствие и стоило от шести до восьми рублей.

Такие, казалось бы, простые вещи как еда и одежда оказывали огромное влияние на жизнь девочек в Смольном институте.

Литература и источники

1. Водовозова Е.Н. Дневники смолянки. Воспоминания об институте благородных девиц. – Алгоритм, 2017. – 288 с.
2. Ушинский К.Д. Педагогические сочинения: В 6 т. Т. 1. / Сост. С.Ф. Егоров. – Москва: Педагогика, 1990. – 416 с.

3. Черепнин Н.П. Императорское воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк (1764 –1915): в 3т. – СПб.: Государственная типография, 1915. Т.2. – 690 с.

*Титова А.С.,
к. фил. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ТЕОРИИ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема неустойчивости дефиниций терминологического аппарата теории прецедентности как отдельной отрасли лингвистического знания. Выделяются и описываются базовые термины теории прецедентности. В результате исследования сформирован глоссарий, включающий термины лингвокогнитивистики, линвокультурологии и теории прецедентности.

Ключевые слова: теория прецедентности, прецедентный феномен, прецедентное имя, узкоспециальная терминология, терминологический аппарат.

Summary. This article deals with the problem of instability of definitions of the terminological apparatus of the theory of precedence as a separate branch of linguistic knowledge. The basic terms of the theory of precedence are distinguished and described. As a result of the research, a glossary was formed, including the terms of linguocognitistics, linguoculturology and the theory of precedent.

Key words: the theory of precedence, precedent phenomenon, precedent name, highly specialized terminology, terminological apparatus.

Антропоцентрическую концепцию современной филологической науки представляют лингвокогнитивистика и линвокультурология, в центре научного интереса которых находится явление прецедентности языковых единиц. Исследование прецедентных феноменов представляет собой анализ когнитивных процессов, происходящих в сознании носителя языка при кодировании и раскодировании информации. Изучение прецедентных феноменов представляется релевантным, так как значительно расширяет возможности современной науки сузить круг вопросов, направленных на проблемы взаимосвязи языка и мышления, языка и сознания, языка и культуры.

В дискурсе прецедентные феномены выступают как «вербализованные образования одновременно когнитивного и культурного плана. Они функционируют как отсылка к ранее созданному тексту, уже существующей ситуации, известной личности, представление о которых хранится в сознании коммуникантов и является в настоящей ситуации образцовым способом выражения прагматической составляющей мысли адресанта и её восприятия адресатом» [Титова 2022: 29]. Прецедентные феномены для адресанта и адресата выступают в тексте средством связи «своего» и «чужого» через лингвокогнитивные образцы и эталоны.

Проблемным вопросом в теории прецедентности как отдельном направлении, находящимся на стадии формирования, направлении

современной лингвистики считаем неустойчивость дефиниций лексем терминологического аппарата. Прецедентные феномены как объект филологического исследования есть единицы, познаваемые через научные понятия таких направлений лингвистики, как лингвокогнитивистика и лингвокультурология, но теория прецедентности представляет собой отдельную научную концепцию. В настоящем исследовании мы ставим следующие задачи:

- 1) обозначить базовый терминологический аппарат теории прецедентности;
- 2) дифференцировать термины теории прецедентности;
- 3) представить рабочие определения единицам терминологического аппарата теории прецедентности.

Теоретико-методологическую базу исследования составили работы известных российских учёных-лингвистов: Ю.Н. Караулова, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова, И.В. Захаренко, Д.В. Багаевой, И.А. Стернина, А.П. Бабушкина, Е.Ф. Тарасова, Н.Ф. Алефиренко, И.И. Чумак-Жунь.

Объект исследования – понятийное поле теории прецедентности.

Предмет исследования – дефиниция единиц терминологического аппарата теории прецедентности.

В настоящем исследовании нами собрано и путём лексикографического метода проанализировано 32 лексемы, входящих в терминологическую базу теории прецедентности.

Дифференция исследуемых нами терминов опирается на классическую (научная концепция А.В. Суперанской, Н.В. Подольской и Н.В. Васильевой) классификацию терминов всех областей научного знания: **теоретические** термины и **прикладные** термины. В свою очередь внутри группы теоретических и прикладных терминов различаем: **междисциплинарные** (общие термины лингвокогнитивистики и лингвокультурологии) и **узкоспециальные** (термины теории прецедентности).

Следуя данной классификации, среди теоретических терминов выделяем:

1) **междисциплинарные**, к которым относим лексемы: *интертекстуальность, коммуникативное сознание, концепт, массовое коммуникативное сознание, номинативное поле концепта, языковая личность, языковое сознание.*

2) **узкоспециальные** термины: *прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация, прецедентный текст, прецедентные феномены, прецедентность.*

В группе **прикладных** терминов также различаем:

1) **междисциплинарные термины**, в группу которых входят лексемы: *вербализованный концепт, текст-источник, текст-реципиент, текстовый концепт, художественный концепт*;

2) **узкоспециальные**, представленные терминами: *атрибуты прецедентного имени, ведущий дифференциальный признак прецедентного имени, денотативное употребление прецедентного имени, дифференциальный признак прецедентного имени, инвариант восприятия прецедентного имени, коннотативное употребление прецедентного имени, периферийная зона восприятия прецедентного имени, полисемантическое прецедентное имя, связанно-прецедентное функционирование прецедентного имени, сопутствующие дифференциальные признаки прецедентного имени, сфера-источник прецедентного феномена, художественное прецедентное имя, ядерная зона восприятия прецедентного имени*.

Ввиду отсутствия в современной лингвистической науке строгой словарной фиксации определений большого количества данных терминов в настоящей статье мы предприняли попытку составления глоссария (Таблица).

Таблица

Глоссарий. Термины теории прецедентности

№	Термин	Дефиниция
1.	Атрибуты прецедентного имени	элементы, тесно связанные с означаемым прецедентного имени, являющиеся достаточными, но не необходимыми для его сигнификации (В.В. Красных)
2.	Ведущий дифференциальный признак ПИ	основная база смыслов инварианта восприятия прецедентного имени, известная всем членам лингвокультурного сообщества
3.	Вербализованный концепт	концепт, для которого в коммуникации существуют регулярные языковые средства выражения
4.	Денотативное употребление ПИ	использование прецедентного имени в качестве обычного имени собственного, с отсылкой к конкретной личности (реальной или вымышленной), без отсылки к дифференциальным признакам прецедентного имени
5.	Дифференциальный признак ПИ	редуцированное, детерминированное и минимизированное представление о прецедентном имени в сознании (черта характера, внешность, ситуация и т.п.) языковой личности
6.	Инвариант восприятия ПИ	набор общеизвестных для носителей языка дифференциальных признаков имени
7.	Интертекстуальность	свойство текстов, выражающееся в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга; формирование смысла одного текста через другой текст
8.	Коммуникативное сознание	совокупность коммуникативных знаний и коммуникативных механизмов, которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности человека (И.А. Стернин)
9.	Коннотативное употребление ПИ	употребление имени собственного в качестве знака-символа, с обращением адресанта к дифференциальным признакам прецедентного имени

№	Термин	Дефиниция
10.	Концепт	дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету (<i>А.П. Бабушкин</i>)
11.	Массовое коммуникативное сознание	совместное знание, сформированное на основе сходного с кем-то мышления; конструктивным смысловым элементом сочетания массовое коммуникативное сознание является не просто компонент 'совместное знание членов сообщества', а соотношение «знаний с целью достижения сомыслия» (<i>В.М. Березин</i>)
12.	Номинативное поле концепта	набор лексических, фразеологических и синтаксических языковых единиц, прецедентных феноменов, описательных конструкций, репрезентирующих концепт
13.	Периферийная зона восприятия ПИ	потенциально возможные индивидуальные представления и знания о прецедентном имени
14.	Прецедентное имя (ПИ)	индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (например, <i>Печорин, Теркин</i>), или с прецедентной ситуацией (например, <i>Иван Сусанин</i>); своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не собственно к денотату, а к набору дифференциальных признаков данного ПИ (<i>И.В. Захаренко</i>)
15.	Прецедентное высказывание (ПВ)	некая «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу; означающим ПВ могут быть прецедентное высказывание или прецедентное имя (<i>И.В. Захаренко</i>)
16.	Прецедентная ситуация (ПС)	некая «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу; означающим ПС могут быть прецедентное высказывание или прецедентное имя (<i>И.В. Захаренко</i>)
17.	Прецедентный текст (ПТ)	законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; ПТ хорошо знаком любому среднему члену национально-культурного сообщества». К числу прецедентных текстов относят художественную литературу, библейские тексты, устное народное творчество, мифы, исторические, публицистические, политические тексты (<i>И.В. Захаренко</i>)
18.	Прецедентные феномены (ПФ)	феномены, 1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, 2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, 3)

№	Термин	Дефиниция
		обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности (<i>Ю.Н. Караулов</i>)
19.	Прецедентность	свойство явлений действительности, проявляющееся в апелляции к ранее существовавшему феномену как примеру, образцу для новых объектов подобного рода
20.	Полисемантическое ПИ	это имя, которое функционирует в лингвокультурном обществе как знак-символ <i>различных</i> характеристик: черты характера, внешности, символа прецедентной ситуации, прецедентного высказывания и прецедентного текста
21.	Связанно-прецедентное функционирование ПИ	употребление прецедентного имени в тексте-реципиенте с целью отсылки автора к прецедентному высказыванию, прецедентной ситуации или прецедентному тексту, связанному с именем
22.	Сопутствующие дифференциальные признаки ПИ	потенциально возможные индивидуальные представления и знания о прецедентном имени
23.	Сфера-источник ПФ	сфера человеческой деятельности, в которой возникла прецедентность имени собственного
24.	Текст-источник	первоисточник прецедентного феномена, в котором он впервые было зафиксирован (художественный текст, газетно-публицистический текст, фильм, музыкальное произведение и т.п.)
25.	Текст-реципиент	текст, в котором прецедентный феномен функционирует как интертекстуальная фигура (вне текста-источника)
26.	Текстовый концепт	концепт, источником формирования которого может стать любой вербальный или невербальный текст, содержание текстового концепта опирается на смыслы не только текста-первоисточника концепта, но и на совокупность взаимосвязанных текстов (первоисточник концепта, тексты-реинтерпретации и метатексты)
27.	Текстовые доминанты	идейные «сплетения» языковых средств, которые наглядно работают на индивидуально-авторский замысел, выстраивают ядро художественного образа и генерируют специфику читательского восприятия
28.	Художественный концепт	индивидуально-авторский концепт, источником формирования и сферой функционирования которого является художественное произведение
29.	Художественное ПИ	прецедентное имя, восходящее к образу литературного персонажа классического художественного произведения (<i>Обломов, Плюшкин, Раскольников, Печорин</i>)
30.	Ядерная зона восприятия ПИ	ведущие дифференциальные признаки прецедентного имени (основная база смыслов), известные всем членам лингвокультурного сообщества
31.	Языковая личность	личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств (<i>Ю.Н. Караулов</i>)
32.	Языковое сознание	элемент общего <i>сознания</i> , который отвечает за выражение мысли через языковые единицы, это совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых с помощью языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей (<i>Е.Ф. Тарасов</i>)

В рамках данной статьи обратим внимание на дефиниции **ключевых (ядерных)** терминов теории прецедентности и на рабочие определения **прикладных узкоспециальных** терминов.

К ключевым терминам теории прецедентности относят лексемы: 1) *прецедентный текст*, 2) *прецедентная ситуация*, 3) *прецедентное высказывание*, 4) *прецедентное имя*.

Отметим, что сегодня в научном сообществе уже достаточно прочно в сравнении с прикладной терминологией закрепились дефиниции данных терминов, ясно и доказательно сформулированные в своё время И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудковым и Д.В. Багаевой. В настоящей работе, говоря о терминологическом аппарате теории прецедентности, мы опираемся, в первую очередь, на их научную концепцию.

Прецедентный текст (ПТ) – «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; ПТ хорошо знаком любому среднему члену национально-культурного сообщества» [Захаренко 1997: 83]. К числу прецедентных текстов относят художественную литературу, библейские тексты, устное народное творчество, мифы, исторические, публицистические, политические работы. Например, прецедентными для носителя современной русской лингвокультуры являются тексты типа: «Библия», «Война и мир», «История государства Российского», «Лебединое озеро», «Властелин колец», «Постоянство памяти».

Прецедентная ситуация (ПС) – «некая “эталонная”, “идеальная” ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу; означаящим ПС могут быть прецедентное высказывание или прецедентное имя» [Захаренко 1997: 93]. Например: «Аннушка уже разлила масло», «Поцелуй Иуды», «Явление Христа народу», «Открыть Америку», *сожжѣнный том «Мертвых душ» Гоголя*.

Прецедентное высказывание (ПВ) – «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу. Например, к прецедентному высказыванию отнесём выражения и устойчивые сочетания типа: «Служить бы рад, прислуживаться тошно», «Стакан наполовину пуст или наполовину полон?», «Всѣ это было бы смешно, когда бы не было так грустно», «Скрепя сердце», «С миру по нитке».

Прецедентное имя (ПИ) – «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным, или с прецедентной ситуацией; своего рода сложный знак, при употреблении

которого в коммуникации осуществляется апелляция не собственно к денотату, а к набору дифференциальных признаков данного ПИ» [Захаренко 1997: 83]. Например, прецедентными являются онимы типа: «*Маргарита*», «*Эйнштейн*», «*Моцарт*», «*Пикассо*», «*Ихтиандр*».

Среди прецедентных феноменов, на наш взгляд, выделяются прецедентные имена, отличающиеся максимально содержательной многомерностью и формальной компактностью: однословная единица функционирует как код целого текста и коммуникативной ситуации. Ввиду вышесказанного далее сосредоточим внимание на группе прикладных терминов теории прецедентности, направленных, в первую очередь, на исследование прецедентных имён.

Прецедентное имя – лингвокогнитивная единица, принадлежащая одновременно языковому и когнитивному сознанию. **Дифференциальные признаки ПИ** хранятся в сознании в виде «редуцированных, детерминированных и минимизированных представлений» [Гудков 1998: 83], связанных с именем. Так, например, к дифференциальному признаку ПИ *Дон Кихот* в массовом коммуникативном сознании относят ‘занятие бесполезным и бесплодным делом’: «*Я тоже считаю, что такое дело, такая позиция дают моей жизни осмысленность. Я знаю, что результата может и не быть, но я пытаюсь. – Вы – Дон Кихот?*» [НКРЯ: Н. Петлянова. Даниил Гранин, 2016].

Дифференциальные признаки ПИ – отличительные, ключевые признаки денотата, закреплённого за конкретным онимом. Это многократно «совпадающие», массовые ассоциации носителей языка, для которых имя известной личности, названия объектов, событий, культурных и исторических явлений и т.п. становится знаком-символом, эталоном для сопоставления или противопоставления анализируемых и познаваемых, актуальных в определенной коммуникативной ситуации, предметов, понятий, категорий.

В дискурсе прецедентное имя может функционировать как отсылка к другим прецедентным феноменам – прецедентному тексту, прецедентной ситуации и прецедентному высказыванию – в данном случае мы наблюдаем **связанно-прецедентное функционирование ПИ** [Титова 2022: 57]. Например, к «связанным» дифференциальным признакам художественного ПИ *Плюшкин* относится обращение авторов текстов-реципиентов к *прецедентному тексту*: детальному описанию Н.В. Гоголем в поэме «Мёртвые души» представшего перед Чичиковым беспорядка в доме Плюшкина [Титова 2022: 57]. Так, главный герой рассказа К.Г. Паустовского оказывается в доме одного старика, описание жилища которого напоминает изображение Н.В. Гоголем дома Плюшкина. Автор текста-реципиента, как и Н.В. Гоголь, широко использует лексемы, входящие в состав лексико-

тематической группы: «Негодное»: *тряпье, хлам, пыль, пожелтевший, усохший, червивый*: «Он ввел меня в единственную, должно быть, жилую комнату в доме. Она была завалена **тряпьем и хламом** <...> в маленьких нишах от вынутых изразцов стояли заросшие **пылью** пузырьки с лекарствами, валялись **пожелтевшие** бумажные мешочки и лежали **усохшие червивые** яблоки <...> Мне казалось, что я попал в начало прошлого века к гоголевскому **Плюшкину**» [НКРЯ: К.Г. Паустовский. Повесть о жизни. Беспокойная юность, 1954].

Источником формирования (**текст-источник**) и сферой функционирования (**текст-реципиент**) прецедентных феноменов выступают мифология, литература, наука, кино, музыка, СМИ, Интернет. Под **текстом-источником** в теории прецедентности понимают первоисточник прецедентного феномена, в котором он впервые был упомянут (художественный текст, газетно-публицистический текст, фильм, сериал, музыкальное произведение, произведение живописи и т.п.). **Текст-реципиент** в свою очередь есть текст, в котором прецедентный феномен (имя, высказывание, ситуация, текст) функционирует как широко известная среднему носителю языка интертекстуальная фигура (фиксируемая вне текста-источника и часто без формального указания адресантом последнего).

Прецедентные феномены, в частности, прецедентные имена – генетически есть продукт образного мышления, вербализация единиц которого свойственна в первую очередь текстам художественной и публицистической литературы, поэтому широкий научный интерес для лингвистов-исследователей представляет **художественное прецедентное имя** – прецедентное имя, восходящее к образу литературного персонажа классического художественного произведения (*Обломов, Плюшкин, Раскольников, Печорин*).

При функционировании ПИ в текстах-реципиентах разграничивается **денотативное и коннотативное употребление**, статистическое соотношение которых дает понимание степени прецедентности имени (в противовес популярности личности, события и т. д., обозначенного конкретным онимом). Так, имя, являющееся в национальной лингвокультуре прецедентным, может использоваться в контекстах в качестве обычного имени собственного, т.е. для отсылки читателя к конкретной личности (реальной или вымышленной): «В экранизации поэмы “Мёртвые души” режиссера Михаила Швейцера Юрию Богатыреву досталась роль **Манилова**» [Google Новости: Юрий Богатырёв – сильный актёр с мягким характером, 2012]. Подобное употребление ПИ в языковом контексте принято называть **денотативным** (в данном случае обращение к дифференциальным признакам прецедентного имени отсутствует), в противоположность **коннотативному** (терминология Д.Б. Гудкова). При

коннотативном употреблении прецедентного имени происходит обращение непосредственно к дифференциальным признакам этого имени, что и позволяет прецедентному имени употребляться в качестве знака-символа: «Конечно. Я не *Манилов*. Мечты нужно подкреплять работой» [НКРЯ: В.П. Бережной 1958: 14].

Таким образом, мы фрагментарно определили семантику таких узкоспециальных терминов теории прецедентности, как *дифференциальный признак прецедентного имени, денотативное употребление прецедентного имени, коннотативное употребление прецедентного имени, связанно-прецедентное функционирование прецедентного имени, текст-источник, текст-реципиент, художественное прецедентное имя*.

Подчеркнем, что данная работа в большей степени представляет собой именно проблемно-постановочную статью с целевой направленностью на дискуссионный аспект. Обозначенная в статье научная проблема требует дальнейших глубоких исследований теории прецедентности. Интеграция и стандартизация терминологической базы теории прецедентности – дело будущего современной лингвистической науки.

Литература и источники

1. Алефиренко Н.Ф. Когнитивная лингвистика: предпосылки, предмет, категории [Текст] // Вестник ВятГУ. – 2008. – № 2. – С. 75–78.
2. Бабушкин, А.П. Когнитивная лингвистика и семасиология / А.П. Бабушкин, И.А. Стернин. – Воронеж: ООО «Ритм», 2018. – 229 с.
3. Захаренко И.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, Д.В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – Москва: Диалог-МГУ, 1997. Вып. 1. С. 82–103.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – 7 изд. – Москва: ЛКИ, 2010. – 264 с.
5. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность. – Москва: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/>, свободный. – НКРЯ.
7. Стернин И.А. Коммуникативное и когнитивное сознание [Электронный ресурс]. – Москва-Воронеж, 2002. – Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics1/sternin-02a.htm> (дата обращения: 2.04.2023).
8. Суперанская А.В. Общая терминология: вопросы теории / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н. В. Васильева; отв. ред. Т.Л. Канделаки. – Изд. 6-е. – Москва: URSS, 2012. – 243 с.
9. Тарасов Е.Ф. Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – Москва: Институт языкознания, 1993. – 174 с.
10. Титова А.С. Эволюция прецедентного имени в массовом коммуникативном сознании: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Белгород, 2022. – 193 с.
11. Чумак-Жунь И.И. Прецедентный феномен в массовом коммуникативном сознании: аспекты функционирования // Русский язык в поликультурном мире: сб. научн. статей II Международного симпозиума. В 2-х томах. – Симферополь, 2018. – С. 415-422.

Чуканова К.С.,
студент, НИУ «БелГУ», г. Белгород
Науч. рук. – Истомина И.В.
к. ист. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ССЫЛЬНЫХ ДЕКАБРИСТОВ В ПЕРИОД С 1826 ПО 1856 ГГ.

Аннотация. В статье рассматривается повседневная жизнь декабристов. Охвачен период вынесения приговора – с 1 июня 1826 года (когда был подписан манифест Николаем I) по 26 августа 1856 года (когда император Александр III объявил амнистию). В центре внимания стоит обыденная жизнь декабристов. Рассмотрены условия проживания, род деятельности, общение с местным населением, досуг и жизнь с членами семьи.

Ключевые слова: декабристы, ссылка, повседневная жизнь, письма.

Summary. The article examines the daily life of the Decembrists. Starting from the period of sentencing on June 1, 1826, when the manifesto was signed by Nicholas I and the period ends on August 26, 1856, when Emperor Alexander III declared an amnesty. The everyday life of the Decembrists is in the spotlight. We consider living conditions, occupation, communication with the local population, leisure and life with family members.

Key words: Decembrists, exile, daily life, letters.

В Петропавловской крепости 25 июля 1826 года произошла казнь пятерых декабристов. В этом месяце отправились на каторгу 8 человек. Двумя партиями были направлены С. Трубецкой, С. Волконский, Е. Оболенский, А. и П. Борисовы, А. Якубович. Закованные в ножные кандалы, они отправились до Иркутска, после чего их ждали далёкие места Сибири. Сослали в Сибирь более 120 декабристов [Гернет]. Их ждали Туруханск, Витим, Верхоянск, Якутск и многие другие поселения.

В конце августа ссыльные прибыли в Иркутск. 30 августа им сообщили о распределении, где им нужно отбывать наказания. Е.П. Оболенский и А.И. Якубович отправлялись на солеваренный завод недалеко от Иркутска, А.З. Муравьев, В.Л. Давыдов, С. Г. Волконский, С.П. Трубецкой и братья Борисовы были распределены на винокуренный завод [Юшковский 2006: 15]. Декабристам повезло благодаря их дворянскому происхождению, которое видели начальники каторги. Именно в этот момент времени декабристы не ощутили тяготы Сибирской ссылки. К примеру, Оболенский и Якубович исполняли обязанности дровосека, а вместо них на изнурительных работах в соляных варницах трудились другие каторжане.

О послаблениях узнаёт Николай I и отдаёт под суд председателя Иркутского губернского правления Н.П. Горлова за невыполнение своих обязанностей, а декабристов переводят в Нерчинский край. В октябре декабристы были доставлены на Благодатский рудник, где их заключили в тюрьму. Именно в этот момент декабристы испытывают все тяготы

Сибирской ссылки. Каждый день они должны были трудиться в шахтах. На глубине 70 саженей были вынуждены работать. Закованные в кандалах декабристы трудились изо дня в день, выполняя ежедневную норму, которая составляла три пуда руды. Руду они переносили собственными силами к месту подъёма. Работа продолжалась почти год. Большое количество заключённых находилось на поселениях. Для пропитания им выделили землю, 15 десятин. Прочитируем советского историка Б.Г. Кубалова: *«Крестьянство увидело в декабристах не только изобретателей, давших ему молотилку, усовершенствованный плуг, не только носителей знания и опыта, которым они бескорыстно делились с земледельцем, но и людей, ценивших в крестьянине, прежде всего, человека и считавших для себя незачем не только сдружиться с пахарем, но и войти в его семью, породниться»* [Кубалов 1982: 77]. Исходя из высказывания автора, мы видим, что декабристы пользовались популярностью у низших слоёв населения. Мы часто слышим высказывание: «декабристы далеки от народа», но действительно ли это так? Декабристы своими поступками доказали обратное: были заключены браки с простыми женщинами, некоторые сожительствовали вместе. Наоборот, происходит сближение с местными жителями, простой люд стремился помочь декабристам.

Но несмотря на суровые условия жизни, декабристы создали свою «академию», в которой производили обучение друг друга. Изучали такие предметы, как история, иностранные языки, философия, литература. Декабристам помогали и возлюбленные, и жёны, которые последовали за ними в Сибирь. В дальнейшем «жители острога» будут первыми людьми, описавшими события 14 декабря 1825 года. Воспоминания, написанные декабристами, сохранились и до сегодняшних дней, но не в полном объёме.

М.К. Кюхельбекером была организована школа и вначале он обучал детей в собственном доме. Один из учеников А.М. Гроссман говорил: *«Кюхельбекер совершенно бесплатно обучал малолетних, даже пожилых, всех кто желал учиться русской грамоте, он обучал по азбуке, учил считать, писать»* [Бахаев 1980: 77]. Денег за обучение он не брал, даже все учебные книги, которыми пользовались дети и старики, были куплены за собственные средства. Кюхельбекер ведёт переписку с И.Д. Якушкиным, это был известный педагог, у которого он брал советы. Естественно, не хватало книг и пособий для обучения в школе, и тогда Михаил Кюхельбекер прибегал к помощи товарищей, у которых просил прислать нужный материал. Он также просил Оболенского о помощи, когда тот приезжал в Сибирь. Цитирую: *«Оставить одну или две аспидные доски для детей и, если есть... учебные книги, особенно грамматику и историю»* [Бахаев 1980: 77-78]. Продлилось существование данной школы до 1840-х годов, когда уже было открыто Баргузинское приходское училище.

В казематированных помещениях было декабристское сообщество, которое называли *большой семьёй* – в неё входили сами декабристы, а также их жёны, дети, родные и близкие. Находясь в разных уголках Сибири, декабристы были одной «семьёй». Они вели переписку и знали, в каких условиях находится каждый из них, и в любой момент они были готовы оказать друг другу помощь. Хочется это подтвердить словами В.И. Штейнгейля, который говорил: *«В тюрьме составленная связь ... есть самая прочная и едва ли уступает самому нежному родству»* [Штейнгейль 1985: 235].

Были созданы первые российские потребительские кооперативы: «Большая артель» и «Малая артель». Цель данных кооперативов была в помощи собратьям, а ещё – в защите потребительских интересов членов кооператива путём закупки оптом необходимых товаров. У декабристов был свой огород, цирюльня, аптека, они покупали скот и выращивали его, они также ремонтировали обувь, одежду и шили новую. Сложно поверить, что декабристы, не знавшие никаких забот и физического труда, делали всё своими силами. К примеру, Муравьёв был токарем, Оболенский кроил одежду, Бестужевы шили фуражки, Трубецкой латал чулки, а Раевским впервые были выращены арбузы на территории Прибайкалья. Декабристы свои способности использовали на поселении. Артели помогали абсолютно всем членам сообщества, у каждого декабриста были равные права. Что касается выдач и взносов, здесь было по-другому. Выдачи были равными, а взносы зависели от возможностей декабристов.

Родные и знакомые декабристов помогали им выписывать семена и саженцы из Европы. Декабристы делились семенами с крестьянами, сажали деревья, разводили цветы. В некоторых сёлах (Урик, Усть-Куда, Хомутово) были парники. Например, Раевским было посажено много деревьев, а некоторые из них сохранились до наших дней. Декабристам нужны были деньги для существования, и они занимались непривычными для них занятиями. Возьмём в пример некоторых декабристов. Д.И. Завалишин в Восточной Сибири занимался огородничеством, Розен в Западной Сибири – хлебопашеством, А.И. Якубович и И.И. Пущин пытались заниматься золотопромышленностью и т.д. Ещё занимались торговлей, коммерческой деятельностью, предпринимательством [Бойко 2013: 143].

Декабристы изучали природу Сибири, растительный и животный мир. Были среди декабристов поэты, инженеры, физики, техники и многие другие. К примеру, Михаил Бестужев написал исторический очерк возникновения и развития Селенгинска. Его труд был опубликован в 1861 году, на протяжении долгого периода времени это был единственный источник об этом городе. М.С. Лунин написал «Историческую записку об Анадырском остроге».

Происходили большие изменения в сельском хозяйстве Сибири и всё это благодаря декабристам. Немногочисленная хозяйственная и просветительская деятельность ссыльных оказала влияние на социально-экономическое развитие Сибири.

И.Д. Якушкин писал: *«Только с вступлением в Сибирь началось наше настоящее призвание»* [Якушкин 1980: 275]. Данная цитата подчёркивает мысль о том, что у ссыльных декабристов изменилось мировоззрение. От всех потрясений и происходивших событий у них был некий шок. Возьмём поражение на Сенатской площади: анализируя все свои поступки, декабристы приходят к осознанию, что нужно быть ближе к народу, к простым людям.

Но помимо положительных моментов были и отрицательные. Так, доктор исторических наук Г.А. Порхунов в своей статье пишет: Общество, история, современность показывает нам, что декабристы жили в суровых условиях в ссылке. Им приходилось сталкиваться с тяготами жизни, они чувствовали себя как в тюрьме. Единственный плюс был в том, что они общались друг с другом, а всё что касается условий жизни, труда, общественных занятий и развлечений им доставалось крайне тяжело [Порхунов 2001: 27]. Для декабристов была построена под Иркутском тюрьма с одиночными камерами без окон. Мы видим, что условия жизни, действительно, оставляли желать лучшего. До заключения у них были титулы, деньги, комфортные условия жизни, высокие должности и привилегии, а теперь у них есть тюрьма, в которой нет даже окон, и большое количество отработок, назначенных руководством. Помимо всего этого, они лишились своих семей. В подтверждение вышесказанных слов процитируем слова автора: *«Жизнь на поселении основной массой декабристов была не легче, чем на каторге»* [Порхунов 2001: 27].

26 августа 1856 года, в день коронации Александра II, была объявлена амнистия. До неё дожили 43 декабриста. За всё время ссылки Сибирь для декабристов стала вторым домом, некоторые отказались уезжать обратно и остались жить в привычном для них месте. Многие с грустью расставались с таким, казалось, родным местом. Многие декабристы в своих записках, уезжая, написали много слов благодарности Сибири. Декабристы подчёркивали и свою пользу за время пребывания в Сибири, например, Н.В. Басаргин вспоминает: *«Я уверен, что добрая молва о нас сохранится надолго по всей Сибири, что многие скажут сердечное спасибо за ту пользу, которую пребывание наше им доставило»* [Цит. по: Гернет].

Таким образом, на чужой территории декабристы нашли своё призвание и раскрыли себя, когда на родной территории их не поняли ни власть, ни народ. Положительное отношение к Сибири становится нам понятным, ведь именно в этот уголок земли они вложили много труда:

изучили природу, научили многому простой народ, изобрели разнообразные предметы, которые помогали в сельском хозяйстве, написали большое количество разнообразных записок, создали поэтический образ Сибири и многое другое. До сих пор живёт память о декабристах у сибиряков. На данный момент в честь некоторых декабристов названы улицы, школы, библиотеки. Существуют также музеи, созданные в их честь. В архивах хранятся рукописи, портреты, рисунки и многое другое, что было сделано руками декабристов.

Литература и источники

1. Бахаев Б.В. Общественно-политическая и краеведческая деятельность декабристов в Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1980. – 175 с.
2. Бойко В.П. Предпринимательская деятельность декабристов в Сибири во второй четверти XIX в. (к постановке проблемы) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: Материалы 4-х научных чтений памяти А.П. Бородавкина. – Томск, 2013. – 269 с.
3. Гернет М. Декабристы в Петропавловской крепости, на суде и в тюрьмах. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://d1825.ru/viewtopic.php?id=5877> (дата обращения 08.05.23).
4. Кубалов Б.Г. Декабристы в Восточной Сибири. – Иркутск: Очерки, 1982. – 216 с.
5. Порхунов Г.А. Общество, история, современность // Омский научный вестник. – Омск, 2001. – № 3. – С. 24-27.
6. Розен А.Е. Записки декабриста. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. – 479 с.
7. Штейнгейль В.И. Сочинения и письма. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. Т. 1. – 608 с.
8. Юшковский В.Д. Осуждение закона и совести: к проблеме духовных поисков декабристов по документальным источникам. – Томск, 2006. Т. 2. – 205 с.
9. Якушкин И.Д. И дум высокое стремление. – Москва: Сов. Россия, 1980. – 398 с.

*Щеголева А.А.,
студент, НИУ «БелГУ», г. Белгород.
Науч. рук. – Левина Э.М.
к. фил. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В «ПОСЛОВИЦАХ РУССКОГО НАРОДА» В. И. ДАЛЯ

Аннотация. Работа посвящена исследованию творческого наследия великого русского писателя, этнографа и лексикографа, собирателя фольклора В.И. Даля. В данной статье рассматриваются имена собственные, а именно – антропонимы, в контексте сборника «Пословицы русского народа». Выявлено их функционирование и лингвокультурологическая значимость, а также обосновывается метод описания ассоциативно-культурного фона личных имен.

Ключевые слова: устное народное творчество, пословицы, антропонимы, онимы.

Summary. The work is devoted to the study of the lexical and graphic heritage of the great Russian linguist V.I. Dahl. This article discusses proper names, namely anthroponyms, in the context of the collection «Proverbs of the Russian people». Their functioning and linguoculturological significance are revealed, as well as the method of describing the associative-cultural background of personal names is substantiated.

Key words: oral folk art, proverbs, anthroponyms, onyms.

Наряду с письменной литературой испокон веков на Руси бытовало огромное количество фольклорных произведений. Устное народное творчество сохраняет в себе традиционное представление русского этноса о разных сферах жизни. В предложенной статье предпринята попытка выявления особенностей функционирования антропонимической лексики в малых жанрах устного народного творчества – в пословицах и поговорках. Источником послужил сборник «Пословицы русского народа» И.В. Даля, который можно назвать энциклопедией жизни русского народа.

Имена собственные, функционирующие в малых жанрах устного народного творчества, представляют особый интерес для лингвокультурологических исследований, так как обладают разнообразной и многоплановой смысловой наполненностью.

Следует отметить, что семантически восприятие имени собственного в составе фразеологизма трансформируется, вследствие чего оним приобретает добавочные смыслы. Так, имя **Варвара** в одних фразеологизмах означает «воровка»: «Проворна **Варвара** на чужие карманы» в других – «запасливый человек»: «У **Варвары** все в кармане», в третьих – «неумелая хозяйка»: «Черт ли Варваре дом поручил».

Имя **Филипп** (также Филимон, Филат), в уменьшительной форме Филя от греч. – «любящий коней». В некоторых вариантах становится обобщенным названием глупого и ленивого человека, простака и неудачника: «У **Фили** тили, да **Филю** и побили».

Онимы в составе пословиц и поговорок являются семантически и стилистически значимыми, поскольку отражают различные типы информации: речевую, энциклопедическую и языковую. С одной стороны, они вносят дополнительные сведения, обогащающие содержания, а с другой – испытывают влияние этого значения.

Источником информации о жизни русского народа могут служить **календарные имена-компоненты**, которые отмечены в месяцеслове, народных праздниках, приметах, поверьях, суеверьях:

Имя **Василий** из греч. «царский, царственный» [Суперанская 1998: 60]: «Св. **Василий**, шиби рог с зимы», «На **Васильев** вечер дня прибывает на куриный шаг» [Даль 1989: 52].

Петр от греч. «скала, утес; каменная глыба» [Петровский 1966: 214]. Также в русских говорах характеризуется прилагательными: «крепкий, непоколебимый, твердый»: «**Петра**-полукорма: вышла половина зимнего корма», «Коли есть метла да костра – будет хлеба до **Петра**; а синец да звонец – доведут хлебу конец» [Даль 1989: 47].

Касьян от лат. – «пустой» [Петровский 1966: 151]. В народе считалось, что это имя немилостивое, недоброе: «**Касьян** на скот взглянет – скот валится; на дерево – дерево сохнет», «**Касьян** на народ – народу тяжело;

Касьян на траву – трава сохнет; Касьян на скот – скотдохнет» [Даль 1989: 47].

Имя **Федот** также восходит к церковному календарю. К нему относится праздник, проходящий 7 июня – Федот-овсяник, время страды. К этому дню составлена поговорка *«Потягота на Федота, с Федота на Якова, а с Якова на всякого»* [Даль 1989: 85].

Многие творения фольклорного творчества русского народа, с их мудрым изречением, сходны по смыслу с заветами Священного писания. Так, ко второй группе относятся **пословицы и поговорки с именами библейского происхождения:**

Михаил (др.-евр.) – «равный богу Яхве» [Петровский 1966: 191]: *«Кто понеделничает, возрадуется заступничеству архангела Михаила»* [Даль 1989: 36]. Также это имя включено и в календарные имена-компоненты: *«Кто перед днем архистратига Михаила постится, того имя написано будет на престоле»* [Даль 1989: 36].

Никола (от имени Николай) с греч. – победа + народ [Суперанская 2005: 166]: *«Бог не убог, а Никола милостив»*; *«На поле Никола общий бог»*; *«Бог не убог, а Никола милостив»*; *«Нет за нас поборника супротив Николы»*; *«Никола на море спасает»*; *«Никола мужику воз подымает»* [Даль 1989: 31].

Исак (др.-евр.) – «засмеётся, засмеялся» (традиционно связывается с женой библейского патриарха Авраама Саррой, которая засмеялась, услышав предсказание, что у неё в преклонном возрасте родится сын) [Суперанская 2005: 122]. Характеризуется как терпеливый, улыбчивый и доброжелательный, спокойный, пользующийся авторитетом: *«Быть было так, да помешал Исак»* [Даль 1989: 51].

Библейские пословицы и поговорки имеют, как правило, назидательное, нравственно-дидактическое содержание. Данной христианской тематике посвящены многие главы сборника И.В. Даля: Вера – Грех; Изуверство – Раскол; Терпение – Надежда; Кара – Признание – Покорность и т.д.

Сборник В.И. Даля включает также пословицы и поговорки с личными именами. Во-первых, это паремии, основанные на исторических событиях и содержащие имена реальных исторических лиц: *«Суворов не велел с австрийцем дружить»* [Даль 1989: 180]. Историческую основу, возможно, имеют, многие пословицы и поговорки с личными именами, о чем говорят исследователи, но установить это крайне трудно: либо исчезают сведения об исторических лицах, либо выражения переделывают много раз и уже меняется смысл и уже теряется историческое событие.

Во-вторых, существуют паремии, в которые вошли личные имена, подвергшиеся обобщению и приобретшие дополнительное оценочное

значение, становясь фразеологическим. Так, существует галерея имен, обозначающих в народных выражениях глупца, неудачника, дурака:

Захар (от древнееврейского) – «памятный Богу» [Суперанская 2006: 110]. Обычно такие люди живут уже с predetermined тяжелой судьбой. Захар в пословицах – «бедный неудачник»: *«По бедному Захару всякая щепка бьет»* [Даль 1989: 48]. Более того, ему предречены только низшие должности: *«Черт ли писал, что Захар комиссар»* [Даль 1989: 49].

Мартын беден: *«Алтын Мартыну – ни сапог подшить, ни скота подковать, но попрошайничеством не занимается, на бедность не жалуется»* [Даль 1989: 65]. В.И. Даль в «Толковом словаре...» отмечает еще одно значение: Мартын с балалайкой – «мужик с ленцой, с придурью, иногда о женщине, глупой и сентиментальной» [Даль 2006].

Значение имени **Макар** с греч. – «блаженный, счастливый» и противопоставляется поверьям [Петровский 1966: 186]: *«На бедного Макара и шишки валятся»* [Даль 1989: 48].

Существуют и паремии, в которых собственные имена приобрели дополнительную семантику в результате функционирования в пословицах и поговорках, обработки рифмой: Роман – вор, Мартын – бедняк и т. д. Например, *«Нет воров супротив Романов»*, *«Нет пьяниц супротив Иванов»* [Даль 1989: 110].

К четвертой группе относятся пословицы и поговорки, на семантику имени в которых повлияли черты одноименных героев сказок: Емеля, Ерема, Фома, содержащие негативную экспрессивную окраску.

Емеля от греч. – «льстивый» [Петровский 1966: 124]: *«Емеля-простота! Хвать, похвать, нет рукавиц: а они у него за поясом»*, *«Указчик Ерема, указывай дома!»* Емеля также считается глупцом: *«Емеля дурачок и на печи по дрова ездил»* (из сказки: По щучьему веленью) [Даль 1989: 55].

Имя **Антон** несет негативную окраску: *«Наш Антон не тужит о том: мать умирает, а он со смеху помирает»*. Оно расценивается как «бесчестное», «непристойное» слово в жалобе: *«Стало плохо указчиком Антоном»* [Даль 1989: 48].

Отдельно выделяются имена собственные с ассоциативно-образным именованием. Например, имя **Иван** стало обозначать русского человека собирательно, вообще: *«Не всяк Иван Иванович, а кому Бог даст»* [Даль 1989: 44].

«В целом состав личных имен в пословицах и поговорках отражает антропонимическую ситуацию в России XIX в. В паремии вошли традиционные канонические имена, причем в основных случаях частые имена в реальной жизни являются распространенными и в паремиях. В основе части народных выражений с личными именами лежат древние обряды и традиции. Имена собственные как культурный знак обладают

комплексной семантикой, включающей три составляющие: языковую, речевую и энциклопедическую, соотношение которых в содержательной структуре онима может быть различным в зависимости от его индивидуальных характеристик, особенностей функционирования и др.» [Альдингер 2006: 455]. Для онимов в составе пословиц и поговорок стилистически значимой оказывается и речевая, и энциклопедическая, и языковая информация. Вплетаясь в единую ткань высказывания, они, с одной стороны, вносят в нее дополнительные сведения, обогащающие значение паремии, а с другой – испытывают влияние этого значения.

Литература и источники

1. Альдингер О.П. Ассоциативно-культурный фон антропонимов в «Пословицах русского народа» В.И. Даля // Известия Смоленского Государственного университета. – 2017. – № 2 (38). – С. 151-159.
2. Альдингер, О.П. Фразеоломатическая картина мира в «Пословицах русского народа» В.И. Даля.: дис... канд. филолог. наук: 10.02.01. – Смоленск: ГОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет», 2006. – 460 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – Москва: Эксмо, 2006. – 575 с.
4. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен / Под ред. О. Д. Митрофановой. – Москва: Советская энциклопедия, 1966. – 384 с.
5. Пословицы русского народа: Сборник В.И. Даля в 2-х томах. Т.1.– Москва: Худож. лит., 1989. – 431 с.
6. Суперанская А.В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. – Москва: Айрис-пресс, 2005. – 384 с.
7. Тихонов А.Н. Словарь русских личных имен / А.Н. Тихонов, Л.З. Бояринова, А.Г. Рыжкова. – Москва: Школа-пресс, 2009. – 733 с.
8. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах. Том 1 / В.И. Даль. – Москва: РИПОЛ классик, 2006. / Том 1. – 752 с.

Секция 4. НАСЛЕДИЕ ДАЛЯ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

*Вараксина В.А.,
студент, НИУ «БелГУ», г. Белгород.
Науч. рук. – Кичигина В.В.
к. фил. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «КОЛЯСКА»

Аннотация. В данной статье рассматривается основополагающее значение художественного пространства для произведения, а также соотношение терминов пространство и время. Художественное пространство рассматривается на примере повести Н.В. Гоголя «Коляска». Благодаря «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля приводится толкование некоторых элементов устаревшей лексики.

Ключевые слова: время, композиция, повесть, словарь, художественное пространство.

Summary. This article discusses the fundamental importance of artistic space for a literary text, as well as the relationship between the terms space and time. Artistic space is considered on the example of N.V. Gogol's "Carriage". "Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language" by V.I. Dahl provides an interpretation of some elements of obsolete vocabulary.

Key words: time, composition, story, dictionary, art space.

Художественное пространство – это важнейшая часть создания литературного произведения. В процессе выстраивания сюжета для своего произведения, самой трудной задачей для любого автора является именно возведение художественного пространства, в котором будут существовать и развиваться его герои. Термин *художественное пространство* определяется в словаре С.И. Ожегова как: «Изображающая действительность в образах объективная реальность, форма существования материи, характеризующаяся протяженностью и объемом» [Ожегов 1986: 756].

Так, художественное пространство можно считать одним из основополагающих элементов произведения – в нем сливаются воедино окружающий мир и время. Автору важно точно передать характер временных переходов и изменения статусов персонажей, чтобы читатель мог почувствовать их соприкосновение и соотношение. Художественное пространство, определяя место, в котором происходят действия произведения, и его облик, может быть реалистичным и соответствовать реальным географическим местам (например, поэма А.С. Пушкина «Медный всадник»), абстрактным и существовать только в воображении автора (к данной группе относятся многие шедевры сюрреализма и магического реализма), или же быть гибридным и сочетать элементы реальности и фантастики (например, повесть Н.В. Гоголя «Вий»). Такие понятия, как время и место, оба важны для создания целостности произведения, так как

они делают возможным передачу переживаний персонажей читателям, а также принимают активное участие в формировании эмоционального и эстетического восприятия произведения.

Мастером использования художественного пространства можно смело назвать Николая Васильевича Гоголя. В своей статье «В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь» литературовед и историк культуры Юрий Лотман пишет: «Однако художественное пространство не есть пассивное вместилище героев и сюжетных эпизодов. Соотнесение его с действующими лицами и общей моделью мира, создаваемой художественным текстом, убеждает в том, что язык художественного пространства – не пустотелый сосуд, а один из компонентов общего языка, на котором говорит художественное произведение. Это особенно ясно в творчестве Гоголя и, видимо, не случайно» [Лотман 1988: 259]. Ю.М. Лотман говорит о том, что Н.В. Гоголь многое взял из театрального искусства, применяя увиденные изобразительные сцены в своих произведениях. Примерами подобных театрализованных эпизодов являются комедии «Ревизор», «Женитьба» и прочие.

Подобное театральное художественное пространство встречается и в первом значительном цикле Гоголя – «Вечера на хуторе близ Диканьки», однако уже на этом этапе своего творчества Николай Васильевич умело реализует различные типы этого самого пространства, отсылая читателя то к бытовой жизни простых людей, то к фантастическому миру. Переходы между этими мирами не имеют четких границ, они стерты для читателя; благодаря этому достигается эффект замещения одного из пространств другим, когда ни читатель, ни сами герои не понимают – в каком из континуумов они сейчас находятся.

Яркое художественное пространство Гоголь рисует не только в своих мистических произведениях. «Петербургские повести», несмотря на свое бытовое повествование, имеют очень красочный, отличающийся от других, внутренний мир. Их объединяет тема маленького человека и место действия – Санкт-Петербург, однако не только колорит местности позволяет читателю проследить связь между этими произведениями. «Невский проспект», «Нос», «Шинель», «Записки сумасшедшего», «Портрет» опубликованы в разное время и никогда не объединялись самим Гоголем в цикл, подобно, например, «Миргороду», но в истории литературы они получили именно это название. Повести «Рим» и «Коляска» писатель помещает рядом с данными повестями в собрании сочинений 1842 года, тем не менее, их тематика и проблематика топографически не сопоставима с Петербургом¹.

¹ Интересно, что источником данного сюжета послужил анекдот, приключившийся именно с петербургским чиновником, чьи имя, фамилия и отчество так же, как и место действия, были изменены писателем

В повести «Коляска», написанной в 1835 году, действие происходит в некоем городке Б., который «с появлением кавалерийского полка... очень повеселел». До той поры в городе было невероятно скучно: по унылым улочкам с облупленными домами лишь изредка проезжал какой-нибудь помещик. Но как только появился полк, «улицы запестрели, оживились – словом, приняли совершенно другой вид». Современному читателю трудно представить в полной мере своеобразие предметного мира, наполняющего художественное пространство повести, не прибегая к словарю. Именно поэтому нам представляется целесообразным определить некоторые номинации, опираясь на «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля.

1. *Бричка* – ‘легкая полукрытая повозка; повозка с верхом, будкой, волчком; более известны польские брички: легкие, дышловые, с плетеным кузовом, кожаным верхом, внутри обитые’ [Даль 1880: 130].

*Он бывал на всех многолюдных ярмарках, куда внутренность России, состоящая мамок, детей, дочек и толстых помещиков, наезжала веселиться **бричками**, таратайками, тарантасами и такими каретами, какие и во сне никому не снились* («Коляска», с. 398).

2. *Гнедой* – ‘о лошади и некоторых других животных, напр. туре, лосе: темнорыжей шерсти или масти, с черным хвостом и гривой’ [Даль 1880: 370].

*Очень редко какой-нибудь помещик, имеющий одиннадцать душ крестьян, в нанковом сюртуке, тарабанит по мостовой в какой-то полубричке и полутележке, выглядывая из мучных наваленных мешков и пристегивая **гнедую** кобылу* («Коляска», с. 397).

3. *Демикотон* – ‘плотная бумажная ткань, обычно белая. Вообще, в тканях и других товарах деми означает полу’ [Даль 1880: 438].

*Посреди площади самые маленькие лавочки; в них всегда можно заметить связку баранков, бабу в красном платке, пуд мыла, несколько фунтов горького миндаля, дробь для стрельня, **демикотон** и двух купеческих приказчиков* («Коляска», с. 397).

4. *Ломберный* – ‘(см. ломбер) ныне мало употребительный вид карточной игры’ [Даль 1905: 685].

*Между тем в комнате были расставлены **ломберные** столы* («Коляска», с. 401).

5. *Нанковый* – ‘(см. нанка) бумажная ткань, начально китайская, почему и называлась также китайкою’ [Даль 1905: 1157].

*Очень редко какой-нибудь помещик, имеющий одиннадцать душ крестьян, в **нанковом** сюртуке, тарабанит по мостовой в какой-то полубричке и полутележке, выглядывая из мучных наваленных мешков и пристегивая **гнедую** кобылу* («Коляска», с. 396).

6. *Пегий* – ‘пестрый, особ. двуцветный; пятнастый, в светлых пятнах по темному полю, или наоборот; говор. более о лошадях в белых больших пятнах; в малых пятнах’ [Даль 1907: 64].

Глина на них обвалилась от дождя, и крыши сделались пегими («Коляска», с. 396).

7. *Чубук* – ‘деревянная дудка, на которую насаживают табачную трубку’ [Даль 1909: 1366].

После обеда все встали с приятною тяжестью в желудках и, закулив трубки с длинными и короткими чубуками, вышли с чашками кофию в руках на крыльцо («Коляска», с. 399).

Как видим, пояснения, представленные выше, дают возможность насладиться не только стилистикой гениального писателя, но и особенностью его художественного зрения, наполняющего мир выразительными предметами своего времени, которые, зачастую, становятся деталями не столько смысла, сколько абсурдности данного мира. Эта черта в дальнейшем будет доминировать в поэме «Мёртвые души», где уже трудно будет уловить границу фантастического и реального.

Повесть Н.В. Гоголя «Коляска» стоит особняком среди других произведений писателя: нельзя сказать, что она походит на украинские повести своей стилистикой, однако она отличается и от всех произведений петербургского цикла. Время в «Коляске» кажется застывшим, сам город Б. представляет собой скопление однородных объектов, не привлекающих особого внимания. Пространство города достаточно мифологизировано. Герои здесь анекдотичны, ситуации абсурдны, автором используется большое количество пародий на шаблоны в речи, на события, происходящие в уездных городах России. В целом, Гоголь иронизирует над популярным в то время жанром повести, а художественное пространство данного произведения отражает своеобразие художественного метода писателя, в котором причудливо переплетаются черты критического реализма, сатиры и фантастики. «Коляска», таким образом, ещё до «Мёртвых душ», но, практически, одновременно с «Ревизором» даёт возможность посмотреть на окружающую писателя действительность через «видимый миру смех и невидимые ему слёзы».

Литература и источники

1. Гоголь Н.В. Повести. – Алма-Ата: Жазуши, 1984. – 480 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб.; Москва: Вольф. – Т. 1: А-З. – 1880. – 723 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб.; Москва: Вольф. – Т. 2: И-О. – 1905. – 2030 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб.; Москва: Вольф. – Т. 3: П-Р. – 1907. – 1782 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб.; Москва: Вольф. – Т. 4: С-В. – 1909. – 856 с.

6. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – Москва: Просвещение, 1988. – С.251-292
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – Москва: Русский язык. – 1986. – 796 с.

Выблова В.С.,
студент, НИУ «БелГУ», г. Белгород.
Науч. рук. – Кошарная С.А.,
д. фил. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

ЭТНОГРАФИЗМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА (НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛА М.А. ШОЛОХОВА «ДОНСКИЕ РАССКАЗЫ»)

Аннотация. В статье представлен анализ особенностей функционирования этнографизмов в цикле М.А. Шолохова «Донские рассказы». Исследование проводится с опорой на «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля и современные диалектные словари, что способствует более строгому представлению семантики этнографизмов. Распределение этнографизмов по тематическим группам выявило наиболее актуальные для шолоховских рассказов кластеры. Целенаправленный отбор диалектных единиц позволил автору передать местный колорит Дона, в том числе – языковой.

Ключевые слова: диалектизм, этнографизм, идиостиль, М.А. Шолохов, цикл «Донские рассказы», В.И. Даль.

Summary. The article presents an analysis of functioning of ethnographisms in the cycle by M.A. Sholokhov «Don stories». The research is based on the «Explanatory Dictionary of the living Great Russian Language» by V.I. Dahl and modern dialect dictionaries, which contributes to a more rigorous presentation of ethnographisms' semantics. The distribution of ethnographisms by thematic groups revealed the most relevant clusters for Sholokhov's stories. The purposeful selection of dialect units allowed author to convey the local flavor of the Don, including the linguistic one.

Key words: dialecticism, ethnographism, idiostyle, M.A. Sholokhov, cycle «Don stories», V.I. Dahl.

М.А. Шолохов – писатель, выработавший своеобразный, подлинно народный язык, и цикл «Донских рассказов» вобрал, помимо прочего, ценный языковой и этнографический материал, работая над которым, автор создал яркий и оригинальный идиостиль, нашедший развитие и продолжение в его более поздних произведениях.

Как мы знаем, М.А. Шолохов не задумывал объединять «Донские рассказы» в цикл, как следствие, здесь «отсутствует такой признак цикличности структуры, как строгий состав и особая последовательность составляющих частей» [Муравьева 2007: 9-10]. Отметим, что впервые сборник «Донские рассказы» был опубликован в 1925 году (8 рассказов), в конце 1926 года публикуется второй сборник «Лазоревая степь» (12 рассказов), в 1927 году выходит третий сборник «О Колчаке, крапиве и прочем», и наконец объединенный сборник «Лазоревая степь. Донские рассказы. 1923-1925» вышел в 1931 году.

В данной статье анализируются этнографизмы, употребляющиеся в 19 рассказах, вошедших в сборник «Лазоревая степь. Донские рассказы. 1923-1925» (1931).

Главными действующими лицами в произведениях М.А. Шолохова являются донские казаки, и, вводя в их речь этнографизмы, писатель, тем самым, обращает наше внимание на особенности говоров Дона. Стоит учитывать тот факт, что говоры Дона разнообразны в силу своего исторического развития. «Заселение Дона началось в XV веке. Сюда шли переселенцы из разных областей России. В результате смешения наречий этих групп населения сложились говоры донских казаков, южновеликорусские по своему характеру, местами с украинскими элементами. (Их своеобразие усиливается внесением ряда татарских и турецких слов)» [Прохорова 1957: 61].

Прежде чем перейти непосредственно к описанию этнографических диалектизмов, заметим, что в данной работе нами будут выделены не все этнографизмы, функционирующие в «Донских рассказах», а лишь те, которые, на наш взгляд, наиболее ярко репрезентируют особенности культуры региона, объединяющего шолоховских героев, в связи с этим нами обозначены ключевые тематические группы этнографизмов.

1) *Названия одежды, части одежды, обуви.*

А.П. Скорик выделяет особенности казачьей мужской одежды, которые заключались в «удобстве и красоте, а также её приспособленности к воинской жизни. Ещё она ценилась за внутренний духовный смысл, которым были наполнены каждый стежок, каждая деталь казачьего костюма. По представлениям стариков, одежда – вторая кожа» [Скорик 1995: 78].

В ряду названий частей и деталей мужского костюма обнаружены следующие наименования:

– *беи́мёт* – ‘стеганое татарское полукафтанье; вообще: стеганный, а иногда и суконный поддёвок, под тулуп или под кафтан. || *Перм.* простой суконный кафтан, с кожаной оторочкой, обшивкой на рукавах, у кисти, а иногда и по краю полы, на груди. || *Твер.* нагольный овчинный полушубок’ [Даль: Электронный ресурс] («Ходил завсегда в *беи́мете* тонкого сукна, при кинжале» [Шолохов «Лазоревая степь», 1987: 180]);

– *чекме́нь* – ‘донск. урал. казачий кафтан’ [Даль: Электронный ресурс] («*Чекмень* надевал с гвардейским оранжевым позументом, со следами ношенных когда-то вахмистерских погон» [Шолохов «Чужая кровь», 1987: 79]);

– *шарова́ры* – ‘широкие брюки в борах, обычно на гашнике, очкуре’ [Даль: Электронный ресурс] («Через порог шагнули двое; передний на руках держал девчонку лет четырех, в предутренних сумерках четко белела рубашонка холстинная, у второго изорванные казачьи *шаровары* заливала

кровь; стоял он, голову свесив набок, цепляясь за дверной косяк» [Шолохов «Алешкино сердце», 1987: 33]). Шаровары являлись неотъемлемой частью костюма казаков, и, по замечанию А.П. Скорика, именно «в одежде донских казаков отразилась их древняя связь со степными племенами и народами. Штаны, изобретенные еще скифами <...>. Без них невозможна жизнь конника, – в узких штанах на коня не сядешь, да и ноги они будут стирать, и движения всадника сковывать» [Скорик 1995: 76];

– *лампа́с* – ‘широкая прошивка, разноцветная полоса по наружному шву брюк, во всю длину’ [Даль: Электронный ресурс] («Назло им носил шаровары с *лампасами*, с красной казачьей волей, черными нитками простроченной вдоль суконных с напуском шаровар» [Шолохов «Чужая кровь», 1987: 79]).

Женский костюм представлен скромнее. Одним из частотных наименований является *завёска* – ‘фартук, передник, женская занавеска или завесочка’ [Даль: Электронный ресурс] («Степка глянул на посеревшее лицо Максимовой жены, на мать, утиравшую глаза *завеской*, и промолчал» [Шолохов «Червоточина», 1987: 170]).

Общим наименованием обуви является этнографизм *чи́рики* – ‘черевики, башмаки, шаркуны’ [Даль: Электронный ресурс] («Пошел к калитке, на ходу чиркая спичкой, громыхая сыромятными *чириками*» [Шолохов «Червоточина», 1987: 175]).

2) В художественных текстах М.А. Шолохова находит отражение жизненный уклад донских казаков, а следовательно, используются слова, означающие сельскохозяйственный инвентарь, поэтому отдельную группу этнографизмов составили **названия орудий труда и средств перевозки грузов:**

– *арба́* – ‘у народов турецк. и татарск. племени: повозка, телега различной постройки; у русских татар, это русская же крестьянская телега; в новорос. и таврич. крае, большая, громоздкая телега с верхом, на четырех косячатых колесах; на кавк. и в астрах. такая же двуколая. В арбу впрягаются где лошади, где волы, буйволы, верблюды’ [Даль: Электронный ресурс] («Петро поправил на ремне сумку с харчами и слез с *арбы*» [Шолохов «Чужая кровь», 1987: 94]).

В казачьем животноводстве особое место занимало выращивание лошадей. Лошадь была основным помощником в земледельческом хозяйстве, а главное, казак без коня – не казак. Поэтому в текстах М.А. Шолохова встречаются предметы снаряжения коней, например, *недоуздок* и *чересседельник*:

– *недоу́здок* – ‘узда без удила, для лошадей на стойле; обротъ, обротка; она делается без поводьев, с привязью, с одним подщечным поводом,

чембуром, повальцем' [Даль: Электронный ресурс] («*Казаки смеются, вяжут ее к Семену недоуздом...*» [Шолохов «Лазоревая степь», 1987: 185]);

– *чересседельник, чересседельня* – 'ремень, держащий оглобли на седелке' [Даль: Электронный ресурс] («– *Погоди, – говорит, – Дуня, я зараз чересседельню с повозки сыму и чудок побалуемся с тобой!*» [Шолохов «О Колчаке, крапиве и прочем», 1987: 204]).

3) **Названия жилых и дворовых построек, помещений; поселений:**

– *баз* – 'скотный двор, крытый или некрытый, при доме или за селением' [Даль: Электронный ресурс] («*К вечеру, перед закатом солнца, подогнали табун к базу*» [Шолохов «Пастух», 1987: 190]);

– *катух* – 'южн. тул. тамб. хлев для мелкой скотины, особ. для телят, свиней; телятник, свинятник' [Даль: Электронный ресурс] («– *Может, в нашем дворе, в катухе переднем – морщась от боли, спросил Петька*» [Шолохов «Путь-дороженька», 1987: 201]);

– *курень* – '1. Обл. Квадратный казачий дом с четырехскатной крышей. 2. Обл. Любой дом в станице или на хуторе. 3. Плохой, ветхий домишко. 4. Дом, крытый соломой и камышом. 5. Шалаш на огороде в степи. 6. Дымные бани без трубы' [БТСДК 2003: 252] («*В республику она превзошла таким способом: на пръвесе ворочаюсь я к родным куреням из армии товарища Буденного, и выбирают меня граждане в председатели хутора за то, что имею два ордена Красных Знамени за свою доблестную храбрость под Врангелем, которые товарищ Буденный лично мне навешал и руку очень почтенно жал*» [Шолохов «Председатель реввоенсовета республики», 1987: 188]).

В.М. Баев, изучив письменные источники, свидетельствующие о жизни казачьего населения, отметил, что раньше поселения казаков имели названия ««зимовье», «острога», «городок». Помимо этих терминов, в актах XVI и XVII вв. постоянно встречаются такие понятия, как «юрт» и «станция». Позже в XVIII-XIX вв. появятся «хутора» и «слободы»» [Баев 2015: 7]:

– *стані́ца* – 'стая или стадо, табун, гурт, вереница, руно; однородные животные в сборе, во множестве, толпой; толпа, гурьба, ватага народу. || Притон, приют, стан, табор, становище общества, братства, ватаги, шайки, особенно || казачье поселенье. || Донск. стар. посольство, депутация, выборные представители, по наряду. || Казачий отрядец, на какие делились казаки, для исполнения службы. || Один клирос, половина церковного хора. || Разряд певчих, по достоинству их' [Даль: Электронный ресурс] («*По всей станице поискать такого хозяина, как Яков Алексеевич: оборотистый казак, со смекалкой*» [Шолохов «Червоточина», 1987: 167]);

– *ху́тор* – '1. Традиционное поселение казаков, сходное с великоросской (русской) деревней. В отличие от казачьей станицы (или славянского села) не имеет на своей территории храма; 2. Отводная

хозяйственная усадьба – «ферма», в Сибири «заимка», в Прибалтике «мыза», в Польше «фольварок», в Германии «фольварк» [Евгеньева: Электронный ресурс] (*«А хутор наш теперича будет прозываться не **хутором**, а республикой, и я, будучи вами выбранный, назначаю себе председателем реввоенсовета республики и объявляю осадное кругом положение»* [Шолохов «Председатель реввоенсовета республики», 1987: 188]).

4) **Названия профессиональных занятий людей:**

– *бо́ндарь* – ‘южн. зап.твер. тамб. бочар, обручник, работающий обручную или вязанную деревянную посуду’ [Даль: Электронный ресурс] (*«Председатель трибунала, бывший **бондарь**, с приземистой сцены народного дома бросил, будто новый звонкий обруч на кадушку набил»* [Шолохов «Продкомиссар», 1987: 13]);

– *зуба́рь* – ‘рабочий, подающий хлеб в барабан молотилки’ [БТСДК 2003: 192] (*«Хозяев ждали с молотьюбой, с работой, с **зубарями**, орущими возле молотильных машин хрипло и надсадно: – Давай!.. Давай... Да-ва-а-ай!..»* [Шолохов «Кривая стежка», 1987: 118]);

– *ковáль* – ‘пск. кузнец’ [Даль: Электронный ресурс] (*«Распахнулась дверь, стукнувшись о чан с вымоченной шерстью, и в землянку вошел задом Сидор-коваль»* [Шолохов «Путь-дороженька», 1987: 195]);

– *постова́л* – ‘валяльщик шерсти’ [БТСДК 2003: 410] (*«– Коли родились мы **постовалами**-рабочими, то должны свою рабочую власть и поддерживать!..»* [Шолохов «Путь-дороженька», 1987: 195]);

– *сиде́лец* – ‘дежурный при станичном правлении’ [БТСДК 2003: 484] (*«**Сиделец** брал их в охапку и выбрасывал в настежь открытую дверь»* [Шолохов «Путь-дороженька», 1987: 196]);

– *чеботáрь* – ‘новг. вологодск. твер. ниж. сапожник’ [Даль: Электронный ресурс] (*«После первых кочетов к Арсению в одних исподниках прибежал из флигеля **чеботарь** Митроха, загремел в измалеванное морозом окно»* [Шолохов «Двухмужняя», 1987: 134]).

5) **Названия объектов живой природы (растений, их частей; животных):**

– *до́нник* – ‘травянистое кормовое и медоносное растение сем. бобовых’ [Даль: Электронный ресурс] (*«Я кисет-то в руке держу, и обидно мне стало до горечи, что табак, роценный на моем огороде, и **донник** пахучий, на земле советской коханный, будут курить такие злостные паразиты»* [Шолохов «Председатель реввоенсовета республики», 1987: 189]);

– *коренни́к* – ‘1. Коренной зуб. 2. То же, что колесённый бык. Лошадь, запрягаемая в корень, то есть в оглобли (при наличии пристяжных); средняя лошадь в тройке’ [БТСДК 2003: 232] (*«Видно, как с пристяжных пена шмотьями брызжет и тяжело-тяжело колыхается **коренник**. Привстал кучер, кнутом машет»* [Шолохов «Коловерть», 1987: 96]);

– *кóчет* – ‘кур, петух, петел, певень’ [Даль: Электронный ресурс] («*Пан на плетень, как **кочет**, вскочил, звонко кричит*» [Шолохов «Лазоревая степь», 1987: 186]);

– *лётошник* – ‘теленочек по второму году’ [БТСДК 2003: 263] («*Сена набрал Яков Алексеевич на две зимы. Хозяйственный человек он и знает, что на провесне, когда у бестягловых скотинка с голоду будетдохнуть, можно за беремясена взять добрые деньги, а если денег нет, то и телушку-летошницу с база на свой баз перегнать*» [Шолохов «Червоточина», 1987: 173]).

6) Слова, относящиеся к ландшафту местности:

– *лева́да* – ‘1. Участок земли с огородом, садом при доме или у реки. 2. Маленькая роща, находящаяся в личном пользовании казачьей семьи’ [БТСДК 2003: 259] («*В левадах на верхушки верб черной тучей спускались грачи*» [Шолохов «Бахчевник», 1987: 43]);

– *лётник* – ‘1. Летняя кухня. 2. Погреб во дворе. 3. Обл. Летняя малоезженная дорога в степи. 4. Косынка, тонкий белый платок. 5. мн. не употр. Летний южный ветер’ [БТСДК 2003: 262] («*Из шалаша провожал Митька глазами до поворота тех, что шли по **летнику**, и внезапно услышал крик, выстрелы, еще и еще...*» [Шолохов «Бахчевник», 1987: 43]);

– *майдáн* – ‘площадь, место, попреще’ [Даль: Электронный ресурс] («*По постановлению схода лишили его казачьего звания и земельного пая, всыпали на станичном **майдане** пятьдесят розог за неуважение к высочайшему имени, а дело постановили замять*» [Шолохов «Путь-дороженька», 1987: 199]). В.Ф. Никитин в книге «Традиции казачества» пишет, что «дела по хозяйству казаки в основном делали до полудня, а после чего к вечеру собирались на *майдан* к становой избе погутарить. Сидя в мужском кружке, они вязали сети, вентери и тенета – силки для ловли птицы и зверя и слушали рассказы пожилых ветеранов о былых походах и подвигах. Здесь же устраивали развлечения-забавы, старшие играли в шахматы, шашки. Молодёжь и подростки играли в кости и бабки. Бабки (айданчики) устанавливались на расстоянии и броско биты сбивались – сбивший айданчик забирал его себе. Эта забава развивала такую меткость, что казачата и взрослые казаки броском камня убивали птицу и зайцев» [Никитин 2013: 458].

– *обдо́нье* – ‘земля, территория, прилегающая к Дону’ [БТСДК 2003: 327] («*Обдонье, зеленовато-белесое, насыщало ветер медвяным запахом цветущих тополей, в лугу зарею розовело озеро, покрытое опавшим цветом диких яблонь*» [Шолохов «Чужая кровь», 1987: 91-92]);

– *шлях* – ‘*южн. зап.* тракт, дорога, путь, тор, накат. || След, сакма, особ. людей, скота, при иске и погоне. || Приметы прохода, проезда и прогона по снегу, по траве или по черностопу’ [Даль: Электронный ресурс] («*Вижу, по*

шляху милиция станинная пылит» [Шолохов «Председатель реввоенсовета республики», 1987: 189]).

Присутствие значительного количества этнографической лексики в данных текстах обусловлено тем, что главными героями художественных произведений лауреата Нобелевской премии по литературе М.А. Шолохова являются донские казаки, среди которых он прожил всю жизнь, а язык, обычаи, традиции, весь жизненный и бытовой уклад стали для него родными. Анализ этнографизмов показал, что в тематическом плане они разнообразны, некоторые лексемы пополнили фонд русского литературного языка, а их семантика содержит этнокультурный компонент, чаще всего реализующийся в виде сем 'казак', 'казачий', 'Дон' и т.п. Целенаправленный отбор диалектных этнографических единиц позволил автору передать местный колорит Дона и погрузить читателя в среду казачества, в том числе – в языковую.

Литература и источники

1. Баев В.М. Казачье подворье / В.М. Баев. – Ставрополь: ГБУК СКДНТ, 2015. – 52 с.
2. Большой толковый словарь донского казачества / Под ред. В.И. Дегтярева и др. – Москва: Русские словари: «Астрель», 2003. – 608 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. [Электронный ресурс] / В.И. Даль. – Москва: Русский язык, 1981-1982. – URL: <https://gufo.me/dict/Dahl> (дата обращения: 17.02.2023).
4. Евгеньева А.П. Словарь русского языка: в 4-х т. [Электронный ресурс] / А.П. Евгеньева. – Москва: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. – URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 17.02.2023).
5. Муравьева Н.М. Проза М.А. Шолохова: онтология, эпическая стратегия характеров, поэтика: автореф. дис... канд. филолог, наук / Н.М. Муравьева. – Борисоглебск: БГПИ, 2007. – 53 с.
6. Никитин В.Ф. Кровь и боль моя, Казачество! / В.Ф. Никитин. – Москва: Нобель Пресс, 2013. – 595 с.
7. Прохорова В.Н. Диалектизмы в языке художественной литературы / В.Н. Прохорова. – Москва: Учпедгиз, 1957. – 80 с.
8. Скорик А.П. Казачий Дон. Очерки истории. В 2 ч. / А.П. Скорик. – Ростов-на-Дону: Ростовский облИУУ, 1995 – 208 с.
9. Шолохов М.А. Из ранних рассказов / М.А. Шолохов. – Москва: Современник, 1987. – 210 с.

Губина Д.А., Щитова К.А.
студенты, НИУ «БелГУ», г. Белгород
Науч. рук. – Ширина Е.А.
к. фил. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ В СКАЗКАХ И НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЕ В. И. ДАЛЯ

Аннотация. В данной статье авторы проводят сопоставительный анализ демонологических персонажей в сказках и несказочной прозе В.И. Даля с их

характеристикой в работе А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». Рассмотрены вопросы наименования демонологических персонажей, их внешности, магических способностей. Статья позволяет приблизиться к пониманию специфики фольклоризма В.И. Даля и особенностей его творческого мышления.

Ключевые слова: В.И. Даль, А.Н. Афанасьев, «Поэтические воззрения славян на природу», сказки и несказочная проза, демонологические персонажи, фольклоризм, славянская мифология.

Summary: In this article, the authors conduct a comparative analysis of demonological characters in fairy tales and non-fairy prose by V.I. Dahl with their characteristics in the work by A.N. Afanasyev “Poetic views of the Slavs on nature”. The issues of naming demonological characters, their appearance, and magical abilities are considered. The article allows us to get closer to understanding the specifics of V.I. Dahl’s folklore and the peculiarities of his creative thinking.

Keywords: V.I. Dahl, A.N. Afanasyev, “Poetic views of the Slavs on nature”, fairy tales and non-fairy prose, demonological characters, folklore, Slavic mythology.

В.И. Даль (1801-1872) – автор очерков, популярных сказок и жанров, близких к устно-поэтической несказочной прозе, вышедших в 30-е годы XIX века под псевдонимом Казак Луганский. В сказках, легендах и преданиях В.И. Даля, как и в русском фольклоре, часто присутствуют демонологические персонажи. Известным исследователем в области фольклора является А.Н. Афанасьев (1826-1871) и его труд по славянской мифологии «Поэтические воззрения славян на природу», впервые изданный в 1865-1869 годах. В.И. Даль и А.Н. Афанасьев были знакомы, занимались одним делом – сборанием и изданием фольклора, более того, В.И. Даль передал А.Н. Афанасьеву около тысячи собранных им сказок, легенд, преданий и быличек.

Анализу художественных текстов В.И. Даля посвящено не так много работ, как следовало бы. Примечательно, что статья С.В. Путилиной 2008 года называется «В.И. Даль как литератор: к постановке проблемы», то есть автор определяет подступы к изучению прозы В.И. Даля, хотя есть работы Ю.П. Фесенко о его творческой эволюции. Диссертация О.В. Опря «Фольклорные традиции в творчестве В.И. Даля» посвящена проблеме типологии далевского фольклоризма. Учитывая, что В.И. Даль был одновременно и собирателем фольклорного материала, и писателем, нас интересует один из частных аспектов фольклоризма, освещение которого позволит в перспективе осмыслить специфику творческого сознания писателя. Мы предпринимаем попытку сравнения характеристики демонологических персонажей в сказках и обработанной В.И. Далем несказочной прозе с описанием мифологических персонажей у его современника А.Н. Афанасьева.

Современная фольклористика разделяет сказку и жанры несказочной прозы. В XIX веке жанры несказочной прозы собирались и публиковались вместе со сказками и строго не дифференцировались, В.И. Даль не разграничивал сказки и несказочную прозу. Тексты, которые сегодня относят

к мифологическим рассказам, то есть к быличкам и бывальщинам, писатель XIX века именовал преданиями или легендами (вопрос жанра мы затрагиваем лишь для того, чтобы отметить отсутствие терминологически точного употребления слов «предание», «легенда», «сказка» в названиях текстов В.И. Даля).

Мы установили корпус текстов, в которых действуют колдун, упырь, русалка, чародей, черт. Это «Сказка о бедном Кузе Бесталанной Голове и о переметчике Будунтае», «Упырь. Украинское предание», «Червенорусские предания», «Башкирская русалка», «Сказка о кладе», «Подземное село», «Клад».

Для характеристики демонологического персонажа нужно обратить внимание на наименование персонажа, его способности, способы и образы превращения, а также способы борьбы с ним.

Рассмотрим образ *колдуна* по труду А.Н. Афанасьева. Наименование: ведун, колдун, кудесник, чаровник. О его способностях известно следующее: «Народные поверья приписывают ведьмам и колдунам: 1) полеты на Лысую Гору, 2) скрадывание светил и доение коров, 3) превращения» [Афанасьев 1869: 428]. Превращения являются ключевой характеристикой персонажа. Способ превращения: волшебная мазь из тирлич-травы, удар о землю, кувырок через голову или двенадцать ножей. Образы превращения: «Главные образы, в которые обращаются и колдуны и ведьмы: тур, корова, соболев, собака, кошка, волк и волчица, медведи, вепрь, сова, змея, копына сена, клубок ниток, ком снега, камень и др.» [Афанасьев 1869: 534].

Теперь рассмотрим характеристику колдуна в «Сказке о бедном Кузе Бесталанной Голове и о переметчике Будунтае» В.И. Даля. Наименование: перемётчик Будунтай. Будунтай – имя собственное, по типу человеческого, «переметчик» указывает на его магические способности. Способы превращения у В.И. Даля: силой мысли, удар об землю: «... видя, что лютый барс его нагоняет, ударился об землю, перекинулся белым кречетом...» [Даль 1961: 431]. Образы превращения в сказке разнообразны от одушевленных до неодушевленных: конь, барс, кречет, сорока, беркут, пескарь, щука, гусь, столб, камень, раскаленные орешки, колечко.

Одним из важнейших факторов в описании нечистой силы являются средства борьбы с ней, А.Н. Афанасьев выделяет то, чего боится колдун или ведьма: «ладан, святая вода, кресты. Священная верба, страстная свеча; <...> жгучие и колючие травы (крапива, шиповник и др.), убитая сорока, папоротник и осина, как самые надежные средства против нечистой силы» [Афанасьев 1869: 497]. У В.И. Даля такой фактор один: «...можно пригвоздить к месту и покорить себе на живот и на смерть, коли приколоть булавкой тень его к земле либо к стене...» [Даль 1961: 426].

Еще одной характеристикой персонажа, на которую не обращает внимание А.Н. Афанасьев, но не может упустить лингвист В.И. Даль – особенности речи. Его герой – колдун-переметчик говорит по-особенному, не так, как другие люди, здесь Даль показывает свое лингвистическое мастерство и использует диалектизмы разных областей (оренбургской, костромской, вятской и др.), возможно, этим он хотел показать, что данный персонаж не имеет конкретной привязки к месту и говорит на разных диалектах.

Обратимся к образу *упыря* в произведении «Упырь. Украинское предание». В труде А.Н. Афанасьева находим наименование персонажа: упырь, вампир. Способности, на которые указывает А.Н. Афанасьев: встают из могил и «летают по воздуху, рыщут на конях по окрестностям, поднимают шум и гам, пугают путников, или проникают в избы и высасывают кровь из сонных людей...» [Афанасьев 1869: 557]. О внешности у А.Н. Афанасьева сказано немного: А.Н. Афанасьев упоминает, что упыри превращаются в богатых и пригожих путников, а также «упырь – колдун, превращающийся волком, человеком с хвостом» [Афанасьев 1869: 558].

У В.И. Даля в тексте «Упырь. Украинское предание», упырь предстает в образе пригожего молодца: «...собой пригож, и одет так чисто и хорошо, как у самых богатых казаков редко дети одеваются» [Даль 2009: 90]. Даль указывает на такие его способности: «...он встает из могилы, морит и ест людей...» [Даль 2009: 96], «будто видела она (Маруся), что делалось под землей, в могиле, и будто милый ее, страшно сказать, грыз там покойника» [Даль 2009: 92].

А.Н. Афанасьев указывает на такие способы борьбы с ним: «предрассветный крик петухов заставляет упыря мгновенно исчезать, или повергает его окровавленного наземь – в совершенном бесчувствии» [Афанасьев 1869: 559]. У В.И. Даля также восход солнца для упыря смертелен, мы видим, что он приходит в деревню во время «вечерицы», то есть после заката, и опасается солнечного света.

Остановимся на образе *русалки* из произведения «Башкирская русалка». Прежде всего необходимо сравнить наименование персонажа. А.Н. Афанасьев называет их водяными женами, девами, русалками. У В.И. Даля находим в тексте предания: «плескалась дева вод» [Даль 2009: 82], «русалка прянула» [Даль 2009: 82]. Соответственно, здесь мы видим оба варианта наименования, но вариант «русалка» преобладает.

О внешности русалок у А.Н. Афанасьев сказано, что «русалки вечно юны, и прелестны собой» [Афанасьев 1869: 126], а также имеют длинные, ниже колен, косы, часто зеленого цвета, но также встречаются русые или черные. В.И. Даль описывает свою героиню так: «...плескалась дева вод, статная, гибкая, статная <...> села и стала расчесывать золотым гребнем

черную косу свою длиною в сорок маховых сажен» [Даль 2009: 82]. Здесь отмечена и ее несравненная красота, и необычные волосы, что сходится с описанием А.Н. Афанасьева.

Но вот в описании характера и поведения русалки два филолога расходятся, у А.Н. Афанасьева русалки прежде всего славятся «своими проказами», русалка же В.И. Даля выступает скорее как сказочная героиня – царевна, суженая героя, которая разделяет с ним его судьбу и покоряется его воле. Никаких славянских фольклорных характеристик В.И. Даль не перенес в свое «предание».

Некоторую связь с трудами А.Н. Афанасьева можно проследить в описании подводного жилища русалки: по некоторым поверьям «у них есть подводные хрустальные чертоги, блестящие внутри серебром, золотом, яхонтами, жемчугом, разноцветными раковинами и кораллами...» [Афанасьев 1869: 123]. Даль также описывает подземное жилище – «...на дне озера роскошные луга <...>; посреди муравчатого луга стояла обширная белокаменная кибитка, устланная внутри дорогими коврами» [Даль 2009: 83].

В.И. Даль также наделяет свою русалку волшебными силами: «Она [Русалка] коснулась устами очей Зая-Туляка,дохнула на них, и они снова ожили и заиграли по-прежнему в обеих ямках» [Даль 2009: 86], смешивая ее образ с образами ведьмы и следуя сказочной традиции.

А.Н. Афанасьев в своем труде отмечает: «...роднит их не только с водяными, но и с горными и лесными, то есть грозowymi духами» [Афанасьев 1869: 124]. Нельзя не заметить в предании смешение мотива водного пространства: озер и рек, – и пространства гор, в которые русалка отправляется вслед за возлюбленным. Можно предположить здесь связь с исследованиями Афанасьева, который достаточно подробно изучает отношение русалок к горам и лесам.

Еще одной отличительной особенностью образа русалки у В.И. Даля является то, что автор вкладывает в ее уста песню-прощание с родными озерами, сходную по своей сути с фольклорными песнями, посвященными женщинам, вынужденным прощаться с родным домом и отправляться в неизвестность вслед за мужем.

Рассмотрим образ *чародея* из произведения В.И. Даля «Червенорусские предания». Наименование мифологического персонажа у В.И. Даля: чародей, сонливый Баняк. О его внешности читаем: «О ту же пору властвовал по соседству какой-то сильный и страшный владетель, бывший, сверх того, еще чародеем» [Даль 2009: 100], «получил прозвание сонливого Баняка» [Даль 2009: 100], «Баняк-сонливый был человек самовластный, самовольный и свирепый: все должно было ему покорствоваться» [Даль 2009: 100].

У А.Н. Афанасьева наименование персонажа – чародей – синонимично ведуну и ведьме. О его способностях известно, что это человек, обладающий

чарами: «Чаровник, чародеец – тот, кто умеет совершать подобные обряды, кому ведомы и доступны заклятия, свойства трав, корней и различных снадобий» [Афанасьев 1869: 423]. Также одной из малоизвестных способностей чародеев А.Н. Афанасьев выделяет умение убивать взглядом.

У В.И. Даля о способностях узнаем то же: «никто и даже ничто не переносило его взгляда; он побеждал и разрушал глазами все, на что бы ни обращал взор» [Даль 2009: 100]; «веки у чародея этого всегда были сомкнуты» [Даль 2009: 101].

Общее в описании В.И. Даля и А.Н. Афанасьева: чародей – это человек, обладающий чарами. Однако у А.Н. Афанасьева чародей – синоним к ведуну, кому ведомы и доступны заклятия, травы, корни, снадобья, у В.И. Даля же сила чародея во взгляде.

Последний персонаж, рассмотренный нами, – это *черт* в произведениях «Сказка о кладе», «Клад», «Подземное село». Образ черта мы выделили отдельно, так как в работах А.Н. Афанасьева он не представлен из-за того, что относится к христианской мифологии. В нескольких произведениях В.И. Даля представлены образы чёрта, в которых можно выделить общие черты: – он собирает души смертных, грешных или же заключающих с ним договор. Например, в «Сказке о кладе» продажа души за клад: «не пожалел бы душишки своей, отдал бы черту, хоть самому ледащему, только бы отсыпал он мне шапки две этого добра» [Даль 2009: 51], в «Подземном селе» наказание грешников за несоблюдение церковного праздника: «Мужики мои, пьяны – не пьяны, а все отрезвились <...> Вот он и стал считать их: это мой, говорит, первой, и другой мой, и третий мой» [Даль 2009: 36];

– описание внешности довольно сильно разнится, но несомненно, можно выделить общие атрибуты данного образа: рога, видоизмененные конечности (копыта, перепончатые лапы, змеиный хвост). Вот как он описывается в «Сказке о кладе»: «...из-под шапки комли рогов выглядывают» [Даль 2009: 51], «лапы перепончатые, словно лягушачьи, да с когтями вершка в полтора» [Даль 2009: 51]; а вот как в «Подземном селе»: «...мохнатый, черный, как есть с рогами, со змеиным хвостом...» [Даль 2009: 10]. Есть и отличия: в «Сказке о кладе» и «Кладе» черт это хороший одетый, но не симпатичный человек, возможно купец, в «Подземном селе» же это нагой демон.

Таким образом, сопоставление демонологических существ в прозе В.И. Даля и в работе А.Н. Афанасьева позволяет утверждать, что источниками знаний В.И. Даля о демонологических персонажах был фольклорный и этнографический материал, знакомый и А.Н. Афанасьеву. Возможно, В.И. Даль пользовался наработками предшественника, вошедшими в «Поэтические воззрения славян на природу», но народные представления о демонологических персонажах он изменял под свои

художественные задачи, добавляя им новые свойства, откидывая несущественные и смешивая характеристики нескольких мифологических существ.

Самое значимое отличие мифологических персонажей В.И. Даля от их описания у А.Н. Афанасьева связано с речевыми характеристиками героев сказок и поверий: персонажи прозы В.И. Даля очень красноречивы.

Литература и источники

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов в 3-х томах [Электронный ресурс] / А.Н. Афанасьев. – Москва: Издание В. Солдатенкова, 1869. – Т. 3. – 830 с. – Режим доступа: <https://runivers.ru/lib/book7817/451559/>

2. Аникин В.П. Русское устное народное творчество: учеб. для вузов / В.П. Аникин. – Москва: Высш. шк., 2004. – 735 с.

3. Даль В.И. Повести, рассказы, очерки, сказки / В.И. Даль – Москва: Гос издат-во худ. литературы, 1961. – 466 с.

4. Даль В.И. Упырь: Страшные легенды, предания и сказки / Владимир Даль. – Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2009. – 128 с.

5. Путилина С.В. В.И. Даль как литератор: к постановке проблемы [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2008. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-i-Dahl-kak-literator-k-postanovke-problemy>

6. Фесенко Ю.П. Проза В.И. Даля: Творческая эволюция. – Луганск; Санкт-Петербург, 1999. – 261 с.

*Дегтярева О.В.,
студент, НИУ «БелГУ», г. Белгород.
Науч. рук. – Левина Э.М.
к. фил. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

ИМЕНА В СКАЗКАХ В.И. ДАЛЯ

Аннотация: настоящая статья посвящена изучению онимов в сказках В.И. Даля. Определена специфика, роль и функции имен собственных, являющихся одним из языковых средств создания художественных образов. Актуальность исследования обусловлена особым вниманием современного языкознания к сказкам в целом и функционированию имен собственных в сказках, в частности.

Ключевые слова: имена собственные, оним, функции, В.И Даль, сказка.

Summary. This article is devoted to the study of onyms in the tales by V.I. Dahl. The specificity, role and functions of proper names, which are one of the linguistic means of creating artistic images, are determined. The relevance of the study is determined by special attention of modern linguistics to fairy tales in general and the functioning of proper names in fairy tales, in particular.

Key words: proper names, onym, functions, V.I Dahl, fairy tale.

Сегодня имена собственные стали объектом изучения представителей самых разнообразных наук. В лингвистике раздел, изучающий имена собственные, называется ономастикой.

Отличительной чертой детской художественной литературы являются онимы, необходимые для выделения предмета или явления из ряда других. Выбор имени персонажа зависит от: авторского выбора и восприятия, системы хронотопа, социальной системы и т.д.

Имен литературных персонажей очень много, их функции очень обширны и разнообразны. Сегодня мы рассмотрим имена собственные в творчестве В.И. Даля и его сказках, ведь это уже особый, отдельно сложившийся пласт лингвистических исследований.

«Сказка об Иване Молодом сержанте» была написана Владимиром Ивановичем Далем в далеком 1832 году. Это произведение открывает собой первый сборник сказок Владимира Ивановича – «Русские сказки. Пяток первый». Сборник с большим восторгом встретили в литературной среде, ведь сказки Даля наполнены любовью к простому народу, формируют эстетическое чувство и нравственное воспитание.

«Сказка об Иване Молодом сержанте» содержит большое количество пословиц, поговорок и загадок, которые являются малыми жанрами устного народного творчества. В тексте сказки пословицы, поговорки и загадки служат одним из средств характеристики персонажей, их внутренних качеств, поступков и решений. Используя пословицы автор дает свою оценку изображаемых в сказке событий. При помощи перечисленных малых жанров фольклора создается народный колорит произведения.

Основу «Сказки об Иване Молодом сержанте» составляет фольклорный сюжет – сюжет о мудрой жене, которая благодаря трудолюбию, уму и хитрости преодолевает жизненные трудности. Герои сказки – конкретно сказочные: умница жена, неудачливый солдат и суровый царь.

Необходимо разобраться в ономастическом пространстве «Сказки об Иване Молодом сержанте». Его составляют имена собственные, использованные в взаимодействии между собой. Ономастическое пространство позволяет выявить скрытые смыслы, проанализировать отношения между героями, ведь каждое имя и название фигурируют в тексте неспроста, это важнейшие признаки, позволяющие читателю приоткрыть завесу авторских тайн. Имена собственные способствуют полному раскрытию персонажей, в них спрятаны личностные характеристики и внутренний мир героев.

В «Сказке об Иване Молодом сержанте» использовано множество именований героев (имен собственных). Имя собственное также присутствует и в названии сказки: **Иван**. Антропоним **Иван** является самым частотным по количеству употреблений в русском народном творчестве. Имя **Иван** еврейского происхождения, дословно переводится как «Божья благодать», «Божья милость», «одаренный милостью Бога». Имя **Иван**

носили многие легендарные религиозные деятели: Иоанн Златоуст, Иоанн Богослов. Впервые имя **Иван** появилось на Руси в период ее христианизации. Зачастую характер Ивана составляют истинно русские черты, широкая душа и внутренний свет, поведение может быть неоднозначно: это и непостоянство, и доброта, и застенчивость, и великодушие. **Иван** – символическое русское имя, в него народ вложил свое представление о себе самом со всеми противоречиями, исканиями и мечтами.

Дадон. Иван служит у царя Дадона, чье имя отсылает нас к сюжетам средневековых легенд и баллад. Его корни восходят к старинной лубочной повести «Бова – королевич», в которой Дадон – злой король, возлюбленный злодейки Милитрисы, хотел погубить Бову. Имя оказывается созвучным французскому слову *dildon* («дурачок»). В сказках у Пушкина и Даля встречаются цари с одним именем – Дадон, имя встречается в словаре как нарицательное существительное, употребляемое для экспрессивной характеристики: *додон, додониha* – нескладный, несуразный человек. Это имя, как и положено в сказке, говорящее.

Екатерина – супруга Ивана, дочь Котыша Нахала. Имя Екатерина пришло к нам из Византии, переводе с древнегреческого означает «непорочная», «чистая». Характер у Катерин, как правило, темпераментный, сильный, решительный, рассчитывают они в жизни только на себя, не перекладывая решения проблем на чужие плечи, но не всегда умеют находить выход из сложившейся ситуации.

Котыш – отец Екатерины. Имя Котыш является фонетическим вариантом имени тюркско-татарского Кутыш, которое представляет собой форму имени Кутлыш, которое состоит из двух компонентов: «кутлы» – «счастливый, благополучный» и «иш» – «друг, товарищ, ребенок».

Далее рассмотрим «Сказку о похождениях черта-послушника, Сидора Поликарповича» – она была издана III отделением сборника сказок. Данное произведение с интересом прочитают старшеклассники и взрослые.

Из биографии В. И. Даля мы знаем, что он был врачом в сухопутных войсках и морским офицером. Был участником многих войн, походов, за всю жизнь примерял на себя множество званий и чинов.

Мы видим военную тенденцию и в его сказках, особенно в этой, где черта **Сидора Поликарповича** Сатана отправил на землю в наказание. На именинах гости затеяли драку, герой полез их разнимать, да сам получил. Жаловаться пошел, думал пожалеют, но взамен обозвали трусом и отправили куда подальше. Непослушник решил вступить сначала в сухопутные войска, а позже в матросы. Много невзгод выпало на его долю, думал он, что это просто и сможет освоить военное мастерство, но не тут-то было: «не приноровишься никак к этой поведенции в морской заведенции: не дотянешь – бьют, перетянешь – бьют». Побывал **Сидор** и на суше, и на море, сделал

множество попыток выгодно устроиться. Не уживался черт со строгими правилами, с солдатами. и решил пойти в чиновники по письменной части.

О данном произведении отзывали всегда по-разному, кто-то говорил, что главный герой не выдерживает тяготы военной службы при царе, кто-то упрекал, что В.И. Даль наделил непослушника христианским именем. Но смысл был в закреплении настоящей христианской морали.

Имена собственные являются одним из средств создания образа, мы видим, что супругу главного героя, сатану-настоятеля также зовут по имени отчеству. Варьирование форм имени позволяет автору показать взаимоотношения персонажами, дать определенную оценку действиям и характеру.

Говоря о главном герое **Сидоре Поликарповиче**, необходимо посмотреть на значение имени, в переводе на русский означает «плодородный», «железный» по-другому варианту значения. Можно сказать, что эти характеристики далеки от уже знакомого нам персонажа. Герой не однозначен, он то появляется, то пропадает без вести, он боязлив, запуган, находится в бегах наилучшей жизни после утомительной попытки службы.

Ведь онимы по большей части отражают судьбу, поступки героев, чего мы не можем пронаблюдать здесь. Имя данного книжного персонажа мы не можем отнести к говорящим именам собственным, ведь он не обладает явно выраженной экспрессивно-оценочной функцией.

«Сказка о Шемякином суде и о воеводе и о прочем» – одна из народных сказок, записанная во время его поездок по России. Автор знал, что нет «добрее нашего русского народа и нет его правдивее», интерес автора к культурному этносу был огромен, именно поэтому он так заинтересован в собирании и изучении народного наследия.

В сказке В.И. Даля «О Шемякином суде» использован популярнейший сюжет, существующий в виде устной сказки, сатирической повести XVII века, прозаических и стихотворных редакций, позднейшего лубочного издания. Этот сюжет является наиболее сатирически острым и в фольклоре, и в древнерусской демократической литературе.

Писателем раскрыты важные темы распушенности и бесконтрольного пользования властью российским судом, его безнаказанность. Автор осуждает прогнившее судебское сословие, которое работает только ради собственной выгоды, но никак не во благо народу.

У В.И. Даля текст делится на две части: в первой – рассказ о различных околосоюзетных вещах, общение рассказчиков и слушателей; во второй – собственно пересказ сюжета демократической повести. Для текстов В.И. Даля характерны сказовые интонации, разговорные вкрапления, всевозможные пословицы, поговорки, что прослеживается и на примере «Сказки о шемякином суде...». Стоит отметить, что и само выражение

«Шемякин суд» со временем стало пословицей, которая закрепила за собой значение несправедливости и коррумпированности жизни. Её и сегодня активно используют носители русского языка.

Имён собственных в сказке практически и нет. Единственный названный персонаж носит имя **Шемяка** – оно произошло от татарского слова «чимэху», что означает «украшать, наряжаться». Другая версия происхождения данного имени является обладание его носителя недюжинной силой. Иначе говоря, по этой версии **Шемяка** – тот, кто «мнёт шеи».

«Шемякин суд» остается по-прежнему актуальным произведением. Размышления в повести о судьбах людей, законности и справедливости, лжи и истине, социальных статусов пользовались огромной популярностью в XVII веке и, как видно, в наши дни тоже. Ведь и в современном мире встречаются прототипы **Шемяки**, нечестные приговоры, подкупы и взятки для изменений решений должностных лиц и чиновников, законы, непрописанные четко, которые можно трактовать двояко, так, как выгодно кому-то, а не простым людям.

Особенностью сказок Даля является большое количество эпитетов, просторечных слов. У автора есть разделение на положительных и отрицательных героев, «добрых» и «злых». В.И. Даль акцентирует внимание не на сюжете, а на морали сказки, делая различные выводы с помощью героев, животных. В этом также помогают имена собственные, некоторые из них уже известные нам, общенародные, а некоторые встречаются впервые. Много о характере, типах героев могут сказать нам онимы и их функции. Кто с помощью поступков и внешности, кто-то по значению и описанию.

Еще одной немало важной особенностью являются пословицы, изречения, которыми наделяет автор свои сказки. В них вся суть. «Пословица – краткое изречение назидательного характера, имеющего форму предложения» – это определение приводится В.И. Далем в его предисловии «Напутное» к сборнику «Пословицы русского народа». Они наполнены мудростью, наставлением и побуждением к верным действиям.

Проанализировав имена собственные в сказках В.И. Даля, можно прийти к выводу о том, что онимы в сказках зачастую имеют характер обобщающий, поскольку они характеризуют не отдельную личность, а тип героя.

Литература и источники

1. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: в 3 т. / А.Н. Афанасьев. – Москва, 1985.
2. Бессараб М.Я. Владимир Даль. / М.Я. Бессараб // Библиотека «Любителям российской словесности» – Москва: Современник, 1972.
3. Булатов М.А., Порудоминский В.И. Собирал человек слова... Повесть о В.И. Дале. / М.А. Булатов, В.И. Порудоминский. – Москва: Детская литература, 1969.
4. Васильева О.В. «Повесть о Шемякином суде» и бытование сюжета о несправедливом суде / О.В. Васильева // Русский фольклор. – Ленинград, 1989.

5. Власова З.И. В.И. Даль / З.И. Власова // Русская литература и фольклор (первая половина XIX в.). – Ленинград, 1976.
6. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. / В.И. Даль. – Москва: Эксмо, 2006.
7. Даль В.И. Пословицы русского языка. /В.И. Даль. – Москва, Изд-во ННН, 2000.
8. Кошелев В.А., Чернов А.В. Мудрая фантазия Сказочника... / В.А. Кошелев, А.В. Чернов // Вельтман А.Ф. Сердце и думка: приключение: роман: в 4 ч. – Москва, 1986.
9. Пропп В. Я. Русская сказка: монография. / В.Я. Пропп. – Ленинград: изд- во ЛГУ, 1984.
10. Ткаченко А. Владимир Даль. Знания. Художник Ольга Громова. / А. Ткаченко. – Москва: Издательский дом «Фома», 2013.

Мальцева Г.Ю.

к. фил. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

Черемохина Д.А.

к. фил. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА СЛОВА ГЛАМУР В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования лексемы *гламур* в текстах разной жанровой природы. Цель статьи – выявить семантические особенности заимствованной лексемы и определить прагматический потенциал слова *гламур*. Материалом исследования выступили примеры употребления лексемы в текстах НКРЯ, а также данные словарей.

Ключевые слова: гламур, модное слово, лексическое значение, лексическая система, синтагматические связи.

Summary. The article deals with the features of functioning of the lexeme *glamour* in texts of different genre nature. The purpose of the article is to identify the semantic features of the borrowed lexeme and determine the pragmatic potential of the word *glamour*. The materials of the study were examples of lexeme use in the texts of the Russian National Corpus, as well as dictionary entries.

Key words: glamour, fashionable word, lexical meaning, lexical system, syntagmatic connections.

Язык существует в обществе, но и общество отражается в языке. Проблема языковой динамики, обусловленной социальными и историческими факторами, находилась в центре внимания многих лингвистов (Караулов Ю.Н., Костомаров В.Г., Складарская Г.Н., Стернин И.А. и др.). Тем не менее исследование языковых изменений, которые активно происходят в современном русском языке под влиянием общества, остается актуальным. Н.С. Валгина отмечает, что «динамика языкового развития столь ощутима, что не оставляет равнодушных ни в кругу лингвистической общественности, ни в среде журналистов и публицистов, ни среди обычных граждан, не связанных профессионально с языком» [Валгина 2001: 3].

Изменения в общественном укладе, укрепление внешних экономических и политических связей, развитие науки и культуры – все это

накладывает отпечаток на речевое поведение носителей языка. Язык эволюционирует вместе с эпохой. Лексика как самый подвижный уровень языковой системы быстро впитывает в себя все внешние изменения. Удовлетворение новых коммуникативных запросов в лексической системе становится возможным благодаря как внутренним (расширение лексического значения, образование производных слов и др.), так и внешним процессам, к числу которых относятся заимствования. Наибольший интерес для исследователей представляет семантико-прагматическая специфика заимствованного слова, способность взаимодействия различных слоев смысла в процессе усвоения языком-реципиентом.

В последние десятилетия основным источником пополнения словарного состава русского языка стал английский язык. Попадая в русский язык, заимствованное слово в процессе усвоения может не только претерпеть различные семантические трансформации (сужение или расширение значения), но и приобрести определенную социальную оценку. Использование англицизмов-неологизмов в речи одним носителям языка может казаться престижным, а другим, наоборот, – отталкивающим и лишним. Л.П. Крысин называет иноязычную лексику таким лингвистическим объектом, «в котором перекрещиваются самые различные, иногда противоречивые социальные оценки, сталкиваются мнения и страсти, которые порой уводят спорящие стороны далеко от языка – в область идеологии, политики, мировоззренческих разногласий» [Крысин 2008: 53].

Иноязычная лексика, попадая в русский язык, со временем может расширить сферу своего употребления, переходя из периферии лексической системы в ее ядерную часть. Таким образом, заимствованное слово, отражающее реалии современности, приобретает социальную оценку со знаком «плюс» и становится в определенный период развития общества так называемым *модным словом*. Этот новый филологический термин определяется В. Новиковым в предисловии к его словарю: «Модное слово – это слово с претензиями, оно часто звучит в устной речи, мелькает в прессе, то и дело доносится из радиоприемника и телевизора» [Новиков 2019: 3]. Одним из таких модных иноязычных слов стало слово *гламур*, отражающее социальные изменения и маркирующее эпоху 1990х-2000х годов.

В русский язык слово *гламур* (первые употребления – в 1992 году) попало из английского, где в современном употреблении означает «волшебство», «шарм», а исторически выступает родственным словам *грамота* и *грамматика*. Этимологическая связь слов *гламур* и *грамота* обусловлена средневековыми представлениями о магических, колдовских силах ученого человека, владеющего знанием. Е.А. Поликарпов отмечает, что «английское существительное *grammar* *грамматика* в переносном значении *чернокнижного чародейства* подверглось в шотландском

употреблении диссимиляции (разуподоблению) согласных: ‘r + r’ перешло в ‘l + r’; grammar стало glamet, а потом — glamour» [Поликарпов, Электронный ресурс]. Укоренившийся в английском языке шотландский произносительный вариант в новое время утратил семы ‘колдовство’, ‘магия’ и сузил свое значение до современного, включающего компонент ‘внешняя привлекательность’.

Словари русского языка фиксируют жаргонизм *гламур* с определенными значениями. Так, в «Словаре современной лексики, жаргона и сленга» читаем: «Собирательное обозначение мнимого роскошного стиля жизни, всего, что обычно изображается на обложках дорогих модных журналов. Гламурное фото. Молодежный сленг» [Электронный ресурс]; в «Словаре многих выражений» (2014) – «а) Показная роскошь, демонстративное великолепие; нарочитый шик. Откровенный гламур б) расш. О предметах роскоши; о том, что является роскошью. Приобретать гламур» [Электронный ресурс]. В толковом словаре иноязычных слов Л.П. Крысина: ГЛАМУР – а, *мн. нет*, м. ([англ. glamour] обаяние, чары; роскошь, шик <фр. glamour обаяние, привлекательность. Внешний блеск (в одежде, украшениях, косметике и т.п.), внешняя привлекательность. Гламурный – внешне привлекательный, шикарный (преимущ. о женщинах) [Крысин 2005: 208]. Подобное определение представлено и в «Толковом словаре русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» под ред. Г.Н. Скляревской, где *гламур* трактуется как «магическое обаяние, шарм, внешний блеск, лоск» [Скляревская 2006: 247]. Метафоричное определение феномену гламура дает В. Новиков: «Такое гладкое, без единой морщинки, с улыбкой открывающее безупречные зубы, ароматное, облаченное в дорогие разноцветные ткани, упругое, пропорциональное и блестящее» [Новиков 2019: 51]. Таким образом, словарные дефиниции фиксируют этимологические компоненты ‘колдовство’ и ‘магия’ лишь в переносном смысле. На первый план в структуре значения лексемы выходят семы ‘внешняя привлекательность’, ‘роскошь’, ‘показное великолепие’. Следует отметить, что прагматический компонент лексического значения заимствованной лексемы проявляется только в контексте и обусловлен коммуникативной ситуацией. Смысловая и комбинаторная значимость слова хорошо раскрывается в синтагматических и парадигматических связях.

Рассмотрим, как денотативная обусловленность определяет сочетаемость и какие приращения смысла возникают у слова *гламур* в контексте. Так как слово вошло в русский язык как предмет (что? гламур), то, в первую очередь, обратим внимание на сочетания признак + предмет, где гламур находится в сильной позиции главного слова. Анализ контекстов на базе Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru/>) позволил выделить такие сочетания из разных текстов и сгруппировать их в блоки.

1. Гламур в русской национальной картине мира мыслится как негативное явление. Сочетания с прилагательными *пошлый, разнузданный, низкопробный, невежественный* подчеркивает «показной» характер явления, в то время как для русского человека в антиномии тело – душа первостепенную роль играет внутреннее наполнение (см. пословицы: *Красотой сыт не будешь; Не будь пригож, а будь пригоден; С лица воду не пить* и т.п.).

2. Гламур различает исторические эпохи и маркирует элементы одной эпохи в другой. Встречается советский, постсоветский, сталинский, голливудский, французский и другие виды гламура. В статье журналиста А. Потоцкого сталинский гламур обозначает вычурные элементы с изображением Сталина и атрибутов эпохи на современных объектах: иконах, автомобилях, значках [Потоцкий, Электронный ресурс], то же и в других источниках: «Во второй половине 1950-х годов в заведениях общепита царил дух **сталинского гламура**: пальмы, массивная мебель, крахмальные скатерти [Н.Б. Лебина. Мужчина и женщина. Тело, мода, культура. СССР – оттепель (2014)]¹.

В статье, вышедшей в журнале «Огонек» в 2007 году, русский гламур определяется как национальная идея, овладевшая народными массами, «жажда безудержного потребления и показного богатства». Автор выделяет несколько типов русского гламура: олигархический, народный, чекистский. Для каждого определяются характерные приметы, например, места «образцово-гламурного содержания», где можно узнать, «какую породу собачек сейчас правильно заводить, какого цвета кафель должен быть в ванной...» [Главные типы в русском гламуре]. Ироническое переосмысление здесь приобретает возникшая в советское время идея присваивать звание «Дом образцового порядка» тем собственникам, кто содержал его в чистоте и порядке.

3. Гламур хронотопичен, он присущ определенным пространствам (*клубный, гостиничный, загробный, земной*) и времени (*вечерний, нынешний*). Как точно определяет Е.В. Михайлова, «гламур несет в себе приметы времени, в его значении и употреблении совершенно четко отражается то, что сейчас принято называть клиповым мышлением, ... тотчас же появляется, так сказать, «картинка с выставки» [Михайлова 2005: 83-84].

4. Гламур многофункционален. В сочетаниях существительное + существительное, где лексема *гламур* выступает зависимым словом, раскрывается гносеологическая сущность обозначаемого словом феномена, осмысление и изучение которого становится важным для человека на рубеже веков. Тексты зафиксировали следующие варианты употребления:

¹ Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru)

специалист по гламуру, обучен повадкам гламура, считается основоположником гламура, представляющие гламур, с одной стороны, как предмет познания, а с другой, как целое направление, у которого есть основоположники и последователи: «Он не из тех, кто отрекается при первой удобной возможности, ибо с убеждениями, принципиален и не обучен повадкам *гламура*» [Валерий Володин. Повесть временных лет // «Волга», 2009].

Рассмотрим также семантические приращения значения в сочетании слова *гламур* с глаголами, встречающиеся в русскоязычных текстах. Выражение *гламур прет* (А рыбачьи борго на скалах, про которые ты соловьем разливался, – там тоже *гламур прет* из каждой собачьей будки? [Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)]) усиливает сниженный характер фразы и негативные коннотации, связанные со словом *гламур*. Об интересе исследователей и журналистов к новому явлению и его вербализатору говорят такие глагольные сочетания, как *гламур шагает / стимулирует / привлекает*. Совершенно ясно, что гламур как представление о красоте быта привлекает людей, выполняя роль более или менее скрытой рекламы, прежде всего дорогих товаров и услуг [И. Г. Милославский. Говорим правильно по смыслу или по форме? (2013)]; Пропагандируя красоту быта, гламур воспитывает эстетические вкусы или, по крайней мере, разумно требует оценивать все, что окружает повседневную жизнь человека, не только с функциональной, но и с эстетической точки зрения [И. Г. Милославский. Говорим правильно по смыслу или по форме? (2013)]; Рассказывая о дорогих и красивых бытовых предметах, гламур стимулирует людей на добывание денег ради обладания такими вещами [И. Г. Милославский. Говорим правильно по смыслу или по форме? (2013)]. Такие синтагматические реляции выражают значение притягательности, манкости явления, что соотносится с этимологически обусловленным «чары, колдовство».

5. Гламур наращивает темпы. Распространение явления подчеркивается в контексте «А дальше что?.. Сейчас победно *шагает по стране гламур*. Наглый, невежественный. [Олег Афанасьев. Монологи 77-летнего // «Ковчег», 2014]. Фраза отсылает к прецедентному тексту, названию песни Э. Колмановского «Коммунизм шагает по планете», написанной в 60-е гг. Такая языковая игра выражает иронию автора по поводу засилия новомодного явления, его распространения среди молодежи. Ирония ощущается и в контексте: «С этим связано, например, и победное *шествие гламура по России*» [Анна Шор-Чудновская. Понять постсоветского человека // «Неприкосновенный запас», 2009]. В сочетании с существительным *шествие*, которое имеет торжественную, возвышенную стилистическую окраску (*Шествие – чего. Высок. Движение, развитие чего-*

л. III. литературы. III. цивилизации.), в тексте гламур олицетворяется и символизирует «пустопорожность огромной эпохи и огромных пространств» (Там же).

6. Гламур характеризует женский образ. В сочетании *исторгать гламур* («Задача нимфы — нравиться всегда и везде и *исторгать гламур*, как моллюск перламутр»). [Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008] также отмечается негативная коннотация. Глагол *исторгать* в значении ‘вырывать, выдергивать из себя’, а также следующее за сочетанием сравнение *как моллюск перламутр* представляет сниженный образ гламурной женщины, исторгающей из себя гламур (сравните с положительными коннотациями: ‘излучать свет/тепло/счастье’).

Для Т. Толстой это сниженный усредненный образ без определения категории рода, но все же женский – «*гламурное* существо». Оно «молодое, худое, извилистое <...>, мерцает на фоне безликих, но многочисленных «друзей», изредка имеет изящное *гламурное* дитя возрастом не более трех лет, которое неизвестно кто воспитывает. <...> Оно, очевидно, получило кой-какое образование, ибо часто является в виде «деловой женщины», но какие это дела и в какое время дня делаются, неясно. В последние годы оно умеет обращаться с компьютером: с лукавой улыбкой взглядывает на экран...».

«Солнцем русского гламура» названа Ксения Собчак [А.Г. Евушенко. Дневник (2011)], а женщины в общем – «олицетворяют гламур, и одновременно они его жертвы». [Ольга Маховская. Гламурный невроз // «Психология на каждый день», 2010]. В одном ряду с гламуром появляются «глупые блондинки» как его олицетворение: «Нет, Яна, как все приличные люди, ненавидит гламур и глупых блондинок...» [А.И. Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010]. Сюда же примыкают следующие женские образы: «А то и гламур пойдет — светские дивы, главные редакторши журналов о селебритиз, дамы-продюсеры, или уж совершенно невыносимые, в прелестных платьях, незнакомки-променадки» [Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008].

Рассмотренные примеры дают представление о значении слова *гламур*, которое стало символом эпохи и имеет негативные коннотации в русской языковой картине мира. Семантизация, представленная в контекстах, указывает на сохранение связи с этимологически обусловленным значением слова. Однако на русской почве новое явление воспринимается как нечто показное, фальшивое. Синтагматические связи слова подтверждают приобретенную словом негативную окраску.

Литература и источники

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов / Н.С. Валгина. – Москва: Логос, 2001. – 304 с.

2. Главные типы в русском гламуре // Огонек [Электронный ресурс]. – 2007. – № 12. – С. 35. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2298632>
3. Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии / Л.П. Крысин. – Москва: Знак, 2008. – 320 с.
4. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – Москва: Эксмо, 2005. – 944 с.
5. Михайлова Е.В. О слове гламур и его производных / Е.В. Михайлова // Русский язык в школе. – 2005. – №4. – С. 83-85.
6. Национальный корпус русского языка. 2003–2023. Доступен по адресу: ruscorpora.ru
7. Новиков В.И. Словарь модных слов. Языковая картина современности / В.И. Новиков. – Москва: Изд-во «Словари XXI века», 2019. – 352 с.
8. Поликарпов Е.А. Что роднит гламур и грамоту? / Е.А. Поликарпов. – Режим доступа: http://zaumnik.ru/chto_rodnit_glamur_i_gramotu.html
9. Потоцкий А. Явление сталинского гламура / А. Потоцкий // Невское время [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nvspb.ru/2011/04/29/yavlenie-stalinskogo-glamura-45059>
10. Словаре многих выражений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/many-expressions-dictionary/fc/slovar-195-10.htm#zag-13246>
11. Словарь современной лексики, жаргона и сленга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://argo.academic.ru/1020/гламур>
12. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Скляревской. – Москва: Эксмо, 2006. – 1136 с.

Сатторова Ш.,
магистрант, НИУ «БелГУ», г. Карши
Науч. рук. – Левина Э.М.,
к. фил. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛОВАРЕЙ В ХОДЕ ИЗУЧЕНИЯ РАССКАЗОВ В.М. ШУКШИНА В РАБОТЕ УЧИТЕЛЯ-СЛОВЕСНИКА

Аннотация. На уроках литературы одной из целей занятий является формирование читательской личности, способной к восприятию и анализу литературного произведения и способной к самостоятельному постижению искусства художественного слова. В данной статье рассматривается диалектная лексика, функционирующая в рассказах В.М. Шукшина и репрезентирующая особенности речи персонажей и автора, которую очень важно понимать для осмысления художественного текста. Таким образом, немаловажную роль в достижении этой задачи играет словарная работа, проводимая учителем совместно с учащимися, выявление такой лексики и расшифровка ее в условиях контекста.

Ключевые слова: лексикография писателя, просторечия, диалектная лексика, типы диалектизмов, художественный текст, репрезентация, речь героя.

Summary. In literature lessons, one of the objectives of the classes is to form a reader's personality capable of perceiving and analyzing a literary work and capable of independently comprehending the artistic word. This article examines the dialect vocabulary functioning in the stories of V. M. Shukshin and representing the speech features of the characters and the author, which is very important for a complete understanding and perception of literary text. Thus, an important role in achieving this task is played by the vocabulary work carried out by the teacher together with the students, identifying such vocabulary and deciphering it in context.

Keywords: writer lexicography, colloquialisms, dialect vocabulary, types of dialectisms, literary text, representation, speech of the hero.

Художественный текст, замысел автора и художественные образы воспринимаются и понимаются через слово. Понимание и восприятие являются довольно сложным творческим процессом, который строится на жизненном, эстетическом, читательском и эмоциональном опыте ученика. Восприятие произведения читателем-школьником и его изучение под руководством учителя связаны сложной диалектической взаимозависимостью, поэтому необходимо учитывать знания учащихся, их возможности познания и восприятия, уровня общего и литературного развития и отношения к тому или иному произведению словесного искусства.

Изучение рассказов В.М. Шукшина на уроках литературы в средних и старших классах с узбекским языком обучения представляет собой целый аналитический процесс. Рассказы В. Шукшина являются довольно живыми, диалогическими зарисовками, в которых очень важным является способность понять текст. Именно для понимания и восприятия художественного текста довольно сложным для учащихся является процесс расшифровки просторечий, диалектизмов, фразеологических оборотов, встречающихся в речи героев. Так, в 7-11 классах проходят довольно широкие по тематике рассказы, которые относятся к «деревенской» прозе или к реализму середины XX века. При чтении рассказов перед учащимися встают определенные «проблемные» места в тексте, которые требуют от учителя комментария или расшифровки.

Целесообразным для решения данной проблемы представляется использование словарей для объяснения наиболее трудных слов и выражений, которые встречаются в тексте и зачастую связаны с реалиями крестьянского быта, для чего можно использовать справочные материалы и этнографические комментарии. Помимо этого, работа со словарем является средством развития речи учащихся и обогащения их словарного запаса.

При изучении рассказов в средних и старших классах «Заревой дождь», «Сельские жители», «Микроскоп», «Космос, нервная система и шмат сала», «Думы», «Раскас» учащиеся, для которых русский язык является неродным языком, сталкиваются с проблемой толкования слов просторечно-разговорного и диалектного характера, а также при декодировании фразеологических единиц.

Так, на уроках по изучению рассказов В.М. Шукшина мы используем словарь И.А. Воробьевой, словарь В.И. Даля и словари С.И. Ожегова и Д. Ушакова. Определив наиболее проблемные слова, мы выделили их для словарной работы, которая проводится перед занятием по теме рассказов

В.М. Шукшина, так как наиболее продуктивным методом является формулировка заданий по словарной работе непосредственно перед изучением незнакомого текста. Приведем примеры слов, наиболее часто встречающихся в текстах рассказов В.М. Шукшина, которые изучаются в средних и старших классах. Эти слова учащиеся способны понять по фонетическим признакам и из контекста.

1) *Споминают* – вспоминают («восстанавливать в памяти что-либо, мысленно возвращаться к чему-либо»);

2) *рукой сымет* – рукой снимет («сразу, мгновенно проходит, исчезает»);

3) *ничо* – ничего;

4) *што* – что;

5) *счас* – сейчас, в настоящий, в данный момент;

6) *седня* – сегодня, в текущий день;

7) *тыщи* – тысяча;

8) *вобще-то* – вообще-то, в общем, в целом, собственно говоря;

9) *сурьёзно* – серьёзно, в самом деле, правда;

10) *должон* – должен;

11) *враз* – сразу, в один прием, разом;

12) *ндравится* – нравится, производить на кого-л. хорошее, приятное впечатление, вызывать расположение к себе;

13) *লেখко* – легко, с малым усилием, без особого физического напряжения;

14) *ходют* – ходят («обладать способностью, быть в состоянии двигаться, ступая ногами, делая шаги»);

15) *сообща* – сообща, совместно, общими силами;

16) *чижало* – тяжело, имеющий большой вес, с грузом большого веса.

Диалектная лексика занимает значительное место в языке прозы В.М. Шукшина и выполняет определенную стилистическую функцию. Писатель значительно расширил доступ народной диалектной лексики в язык художественной литературы: большинство используемых автором диалектизмов являются достоянием живых народных говоров. Основным источником языкового творчества В.М. Шукшина является речь алтайской деревни, а говор его родного села Сростки нашел реализацию во многих произведениях автора. Именно диалектная лексика маркирует так называемую «деревенскую прозу», позволяя ярко изобразить жизнь сельских жителей, особенности их быта, мировидения. Примечательно, что диалектизмы в произведениях В.М. Шукшина встречаются как в речи персонажей, так и в речи автора. Для читателя, который не владеет в полной мере русским языком, а особенно незнаком с его диалектами, прочтение художественных текстов с обилием диалектной лексики будет довольно сложным, поэтому и проводится работа с расшифровкой таких лексем.

Лексико-семантические диалектизмы – слова, выступающие в диалекте в качестве омонимов к общенародным словам и употребляющиеся в ином значении: *звонарь* – в литературном языке данное слово используется в значении «церковный служитель, звонящий в колокола», в диалектном языке и – иногда – в просторечном употреблении реализуется семантика «болтун, сплетник»: «*Звонарь, – он негромко сам себе. – Дача у него, видите ли... Во звонарь-то!*» [Шукшин «Генерал Малафейкин», 1981: 199]); *против* в значении «напротив» (в литературном языке против – «в несоответствии с чем-н., несогласно с чем-н.»): «*Дядя остановился как раз против того куста, под которым затаился Витька*» [Шукшин «Племянник главбуха», 1993: 6].

Лексические диалектизмы – слова, распространённые только среди носителей диалекта, не имеющие фонетические и словообразовательные варианты: *холостежь* – собирательное существительное, образованное по модели литературного слова молодежь: «*Женатые-то дома, на ремонте, а холостёжь – вроде меня – на кубы*» [Шукшин «Ваня, как ты здесь?», 1993: 133]; *вечерять* – с пометой областное дается в словаре как «ужинать» [Лингвистический энциклопедический словарь 2002: 159]: «*Клавдия и девочки вечеряли*» [Шукшин «Сапожки», 1981: 242]; *курыжак* – в словаре представлено в значении «иней» [Лингвистический энциклопедический словарь 2002: 221] с пометой северное: «*На стенах курыжак в ладонь толщиной, промозглый запах застоялого дома*» [Шукшин «Охота жить», 1993: 298]; *шибко* – очень: «*Приезжай, – говорит, – мама, шибко я по тебе соскучился*» [Шукшин «Демагоги», 1981: 70]; *белковать* – охотиться на белок: «*Белковал, а случалось, медведя-шатуна укладывал*» [Шукшин «Охота жить», 1993: 299]; *варнак* – преступник, злодей: «– *Варнак окаянный, – вслух негромко ругался он*» [Шукшин «Охота жить», 1993: 302]; *кержак* – «старообрядец, раскольник»: «– *Ты верующий, что ли? Кержак, наверно?*» [Шукшин «Охота жить», 1993: 301]; *листовуха* – листовый табак: «*У меня листовуха*» [Шукшин «Охота жить», 1993: 301]; *логовина* – широкий и длинный овраг с пологими склонами: «*Выехали на просеку, спустились в открытую логовину, стали подыматься в гору*» [Шукшин «Волки», 1981: 162]; *лонись* – в прошлом году: «*Я вон лонись нашёл одного – вытаял весной. Тоже с бородкой. В одеяло завернулся – и всё, и окочурился*» [Шукшин «Охота жить», 1993: 302]; *рясный* – «крупный, обильный»: «*А хлеб-то рясный-рясный*» [Шукшин «Как помирал старик», 1993: 314]; *щерба* – рыбная похлебка, уха: «*Пока варилась щерба из чебачков, пропускали по первой, беседовали*» [Шукшин «Миль пардон, мадам!», 1993: 175].

К этой группе примыкают этнографизмы, или этнографические диалектизмы, – слова, называющие предметы быта, названия пищи и т.п., которые имеют локальное распространение в определенной местности: *шанежки* – ватрушки из пресного теста: «*Виделось, как мать-старушка*

подошла к воротам тюрьмы, а в узелке у нее – передача: сальца кусочек, шанежки, соль в тряпочке...» [Шукшин «В воскресенье мать-старушка», 1993: 300]; *туесок* – круглый берестяной короб с тугой крышкой для хранения и переноса меда, икры, ягод: «*Кадки, кадушки, бочонки, туески – целый склад*» [Шукшин «Космос, нервная система и шмат сала», 1981: 263]; *пимы* – сапоги из оленьей или овчиной шкуры или – в данном случае – валенки: «*Старик, кряхтя, слез с печки, надел пимы, полушубок, взял нож и вышел в сенцы*» [Шукшин «Космос, нервная система и шмат сала», 1981: 263]; *пимокат* – валяльщик пимов: «*Гребеницкова Алла Кузьминична, молодая, гладкая дура, погожим весенним днём заложила у баньки пимоката, стена которой выходила в огород Гребеницковых, парниковую грядку. Натаскала навоза, доброй землицы*» [Шукшин «Суд», 1981: 298]; *шесток* – площадка перед устьем русской печи: «*Ванька заглянул в миску на шестке, в печку*» [Шукшин «Далекие зимние вечера», 1993: 16]; *полати* – в избе: нары для сна, устраиваемые под потолком между печью и стеной: «*Потом Ванька лезет на полати и, едва коснувшись подушки, засыпает*» [Шукшин «Далекие зимние вечера», 1993: 16].

Как видим, в анализируемых произведениях преобладают собственно лексические диалектизмы. При этом их введение в текст рассказов осуществляется либо с применением подстрочника (примечаний), либо в качестве «толкования» используется сам контекст, в котором употребление диалектное слово. Но для учащихся наиболее легким вариантом расшифровки таких слов является предварительная словарная работа, проведенная совместно с учителем. В целом диалектная лексика, мастерски используемая автором, позволяет создать яркую художественную картину мира, изобразить быт сельских жителей, отразить местные географические особенности, специфику культуры, охарактеризовать персонажей как подлинно народные характеры, передав особенности живой речи.

Таким образом, очень важным представляется работа именно над теми словами, которые учащиеся могут не понимать, следовательно, возникнет недопонимание и недовосприятие всего художественного пространства или художественного образа, которые очень важны при анализе произведения и для формирования самостоятельно мыслящего читателя.

Литература и источники

1. Воробьева И.А. Словарь диалектизмов в произведениях В.М. Шукшина / И.А. Воробьева; отв. ред. Л. И. Шелепова. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. – 109 с.
2. Волошкина О.Л. Диалектная лексика в рассказах В.М. Шукшина / О.Л. Волошкина // Молодой ученый. – 2019. – № 48 (286). – С. 485-487. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/286/64599/>
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – Москва: Большая рос. энцикл., 2002. – 709 с.

4. Русская диалектология / Под ред. Н.А. Мещерского: уч. пособие для вузов. – Москва: Высшая школа, 1972. – С. 263–264.
5. Шукшин В.М. Рассказы / В.М. Шукшин. – Москва: Русский язык, 1981. – 312 с.
6. Шукшин В. М. Рассказы 1960–1971-х годов / В.М. Шукшин // Собрание сочинений; В 6 т. / Сост. Л. Федосеева-Шукшина. – Москва: Молодая гвардия, 1993. – Т. 2. – 435 с.

Семыкина Е.Н.

к. фил. н., МБУДО «Белогорье», НИУ «БелГУ», г. Белгород

Папка З.В., Колоколова П.Е.,

обучающиеся МБУДО «Белогорье», г. Белгород,

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОЛЬКЛОРНОГО СЮЖЕТА О СНЕГУРОЧКЕ В СКАЗКАХ В.И. ДАЛЯ, М.А. МАКСИМОВИЧА, А.Н. АФАНАСЬЕВА, А.Н. ОСТРОВСКОГО

Аннотация. В статье рассматривается трансформация фольклорного сюжета о Снегурочке в сказках В.И. Даля, М.А. Максимовича, А.Н. Афанасьева, А.Н. Островского. Особое внимание обращается на истоки сюжета, модификацию фабульных связей, образной системы, на выявление закономерностей и индивидуально-авторских решений в художественном мире писателей.

Ключевые слова: фольклор, фольклорная сказка, авторская сказка, фольклорный сюжет, образ Снегурочки.

Summary. The article considers the transformation of the folklore plot about the Snow Maiden in the fairy tales of V.I. Dahl, M.A. Maximovich, A.N. Afanasyev, A.N. Ostrovsky. Special attention is paid to the origins of the plot, the modification of the plot connections, the figurative system, the identification of patterns and individual author's decisions in the artistic world of writers.

Key words: folklore, folklore fairy tale, author's fairy tale, folklore plot, image of the Snow Maiden.

Имя В.И. Даля, составителя «Толкового словаря живого великорусского языка», собирателя народной мудрости, народных сказок, которые дошли до сегодняшнего читателя, известно каждому человеку, имеющему непосредственное отношение к русской культуре. Сюжет, связанный с девочкой Снегурочкой, как указывает Д.С. Шаваринский, впервые зафиксирован В.И. Далем в 1832 году [Шаваринский 2018]. В 1840 году он появляется у собирателя фольклора М.А. Максимовича (сказка «Снегурка»), а затем – в сказках, собранных А.Н. Афанасьевым («Снегурушка и лиса» и «Снежевиночка»). За ними следует романтическая весенняя пьеса-сказка А.Н. Островского «Снегурочка», написанная драматургом в 1873 году.

В ходе исследовательской работы предпринята попытка выявления сходств и различий в развитии сюжета о Снегурочке, положенного в основу сказок В.И. Даля, М.А. Максимовича, А.Н. Афанасьева, пьесы-сказки А.Н. Островского. Исследование основано на историко-генетическом,

типологическом, сопоставительном подходах. Предметом изучения выступают сказки В.И. Даля «Девочка Снегурочка», М.А. Максимовича «Снегурка», А.Н. Афанасьева «Снегурушка и лиса» и «Снежевиночка», пьеса-сказка А.Н. Островского «Снегурочка».

Следует отметить, что рассмотрение интересующего вопроса потребовало обращения к трудам фольклористов (В.П. Аникина, Л.В. Овчинниковой, В.Я. Проппа), к материалам словарей литературоведческих терминов и понятий, которые способствовали осмыслению особенностей поэтики жанра фольклорной и авторской сказки, путей трансформации сказочного сюжета у разных авторов. Именно с исследованием сказки связывают ученые возникновение фольклористики как науки.

Автор энциклопедической статьи Э.В. Померанцева предлагает следующее токование жанра сказки: «Сказка – один из основных жанров устного народно-поэтического творчества, эпическое, преимущественно прозаическое художественное произведение волшебного, авантюрного или бытового характера с установкой на вымысел» [Померанцева 1972: 881-882]. Исследователь Л.В. Овчинникова указывает на то, что «сказка стала составной частью духовной культуры народа, сказочные принципы осмысления и изображения мира универсальны и всегда узнаваемы в искусстве» [Овчинникова 2003: 5]. Характеризуя авторские сказки, известный фольклорист В.П. Аникин обращает внимание на то, что «сказки писателей слились в сознании людей всех поколений со сказками народа» [Аникин 1985: 22]. Этот факт ученый объясняет тем, что «каждый писатель, каким бы оригинальным ни было его собственное творчество, ощущал свою связь с фольклором» [Аникин 1985: 22].

География сбора сказочных сюжетов о Снегурочке довольно обширна. Здесь и Калужская, и Вологодская губернии, и места проживания северорусских народов. Сюжетную основу этих сказок составляет история Снегурочки, появившейся, согласно В.И. Далю, из комочка снега, согретого на печке. В сказке М.А. Максимовича Снегурка – это ожившая снежная баба, в пьесе-сказке А.Н. Островского Снегурочка – дочь Мороза и Весны. Заметим, что в сказке А.Н. Афанасьева «Снегурушка и лиса» деталь, связанная с рождением героини, опущена.

Обратим внимание на то, что в сказочных сюжетах о Снегурочке выделяется целый ряд сходных признаков, которые заключаются в следующем: 1) старик и старуха не имеют детей; 2) старики делают комочек из снега, он оживает; 3) старики очень любят Снегурочку; 4) Снегурочка уходит в лес с подружками, теряется; 5) Снегурочка возвращается домой.

В то же время в сюжетах о Снегурочке наблюдаются отличия. Прежде всего, отметим, что в сказке А.Н. Афанасьева «Снегурушка и лиса» история появления Снегурушки в доме стариков отсутствует. Сказку

А.Н. Афанасьева «Снежевиночка» отличает следующая сюжетная деталь: завистливые подружки убивают героиню в лесу, на ее могиле вырастает камыш, бурлаки делают из него дудочку, играют на ней старикам, которые в этих звуках узнают голос Снежевиночки. Основу сюжета весенней пьесы-сказки А.Н. Островского «Снегурочка» составляет романтическая история, позволяющая заметить, что оригинальное драматическое произведение создано по мотивам фольклорного сюжета, это его литературная трансформация. Связь с фольклором сказки А.Н. Островского была отмечена прижизненной критикой сразу же после публикации «Снегурочки». Появление пьесы, которую сегодня многие знают и любят, вызывало критический отзыв В.П. Буренина, который упрекал автора в «прозрачно-бессмысленных образах» и «совершенно вздорном содержании». Единственное, что заслуживало внимания, по мысли критика, это «язык, приближающийся к народному складу». Сегодняшний читатель понимает, что эти суждения субъективны.

Еще одна отличительная особенность обнаруживается в сказках В.И. Даля и А.Н. Афанасьева, здесь у Снегурочки/Снегурушки есть сказочный помощник: когда девочка идет в лес по ягоды и теряется, доброе животное возвращает ее домой (собачка Жучка у В.И. Даля, лиса у А.Н. Афанасьева).

Заметим, что развязка сюжета о Снегурочке у разных авторов также отличается: если у В.И. Даля потерявшаяся в лесу Снегурочка с Жучкой возвращается домой («Девочка Снегурочка»), у А.Н. Афанасьева Снегурушку возвращает домой лиса, которая потом убегает от собаки в лес («Снегурушка и лиса»), а в сказке А.Н. Афанасьева «Снежевиночка» бурлаки дарят дудочку старикам, которые разламывают ее, оттуда и выскакивает Снежевиночка, у М.А. Максимовича и А.Н. Островского Снегурочка тает (первая – тогда, когда прыгает через костер, вторая – по воле Ярилы с лучами восходящего солнца).

Изучение интересующего вопроса в связи с сюжетом о Снегурочке, найденным В.И. Далем ранее других авторов и послужившим основой сказки «Девочка Снегурочка», позволяет сделать следующие выводы: во-первых, сказки В.И. Даля, А.Н. Афанасьева, М.А. Максимовича невелики по объему; во-вторых, сюжет этих сказок прост, в них можно заметить незначительные расхождения с исходным народным сюжетом (в пьесе А.Н. Островского фольклорный сюжет трансформируется, сюжетная линия усложняется); в-третьих, имя главной героини в сказках варьируется (*Снегурочка*, *Снегурка*, **Снегурушка**, *Снежевиночка*); в-четвертых, неизменными героями сказок становятся старик, старуха, Снегурочка, подружки; кроме того, в сказках появляются новые герои – собачка Жучка, лиса, бурлаки, система персонажей усложняется в пьесе-сказке А.Н. Островского; и, наконец,

большое внимание уделяется в сказках идее семейного счастья, важности дружбы и взаимопомощи.

Наличие образа Снегурочки свидетельствует о том, что источником для каждой сказки является народное творчество. Как утверждает исследователь Д.С. Шаваринский, «уникальность образа Снегурочки заключается в его зарождении в русской мифологии и в дальнейшем переходе в различные виды искусства» [Шаваринский 2018: 218] Исследователи видят непреходящую ценность народной сказки именно в том, что она «способна трансформироваться в литературные произведения, не разрушаясь, не переставая быть сказкой» [Овчинникова 2003: 6].

Литература и источники

1. Аникин В.П. Русские писатели и сказка // Сказки русских писателей. – Москва, 1985.
2. Даль В.И. Война грибов с ягодами. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1975.
3. Киевлянин: [альманах] / изд. М. Максимович; императорский университет Св. Владимир. – Киев: Университетская типография, 1840. – 254 с. – Режим доступа: https://archive.org/details/Kyevlianyn_1/page/n79/mode/2up
4. Краткая литературная энциклопедия. – Москва, 1972. – Т. 6. – С. 880-881.
5. Кулиш Ж.В. Вечно живая «Снегурочка» А.Н. Островского // Литература в школе. – 2014. – № 12. – С. 13-15.
6. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – Москва: Интелвак, 2001. – 1600 стб.
7. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. – Москва: Изд-во «Наука», 1984.
8. Овчинникова Л.В. Русская литературная сказка XX века. История, классификация, поэтика: учеб. пособ. – Москва: Флинта: Наука, 2003. – 312 с.
9. Островский А.Н. Театр и жизнь: избранные пьесы. – Москва: Школа-Пресс, 1995. – 576 с.
10. Пропп В.Я. Русская сказка: собрание трудов. – Москва: Изд-во «Лабиринт», 2000. – 416 с.
11. Шаваринский Д.С. Трансформация образа Снегурочки в отечественной художественной культуре // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 2. – С. 218-224.

*Петренко М.С., Скиба А.А.,
студенты, НИУ «БелГУ», г. Белгород,
Науч. рук. – Семькина Е.Н.,
к. фил. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

В.И. ДАЛЬ И А.С. ПУШКИН: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются личностные и творческие контакты автора «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля и классика русской литературы А.С. Пушкина, обращается внимание на взаимоотношения, отразившиеся в наследии этих великих собирателей и хранителей слова, раскрывается роль записок В.И. Даля об А.С. Пушкине в истории отечественной литературы.

Ключевые слова: В.И. Даль, А.С. Пушкин, личностные и творческие взаимодействия, словарный состав русского языка, записки В.И. Даля об А.С. Пушкине.

Summary. The article examines the personal and creative contacts of the author of the “Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language” V.I. Dahl and the classic of Russian literature A.S. Pushkin, draws attention to the relationship reflected in the legacy of these great collectors and word keepers, reveals the role of V.I. Dahl’s notes about A.S. Pushkin in the history of Russian literature.

Key words: V.I. Dahl, A.S. Pushkin, personal and creative interactions, vocabulary of the Russian language, V.I. Dahl’s notes on A.S. Pushkin.

Русский язык – одно из богатств народа, настоящая сокровищница, заключающая в себе не только тысячи и тысячи языковых единиц, но и его многовековую историю. Однако не стоит забывать, что русский язык (и язык вообще) – это сложная многоуровневая система, которая формируется не только временем, но и выстраивается усилиями людей, исследователей. Известными «строителями» русского языка являются две личности, два гения – Александр Сергеевич Пушкин, великий писатель, и Владимир Иванович Даль, составитель «Толкового словаря живого великорусского языка». Немногие знают, что эти люди, чей вклад в развитие русского языка оценить по достоинству, кажется, невозможно, были не только творцами одного дела, но и современниками, знакомыми друг с другом. Пути В.И. Даля, дожившего до глубоких седи, и А.С. Пушкина, погибшего в самом расцвете таланта, пусть изредка и кратковременно, но плодотворно пересекались.

Вопросу изучения личностных и творческих контактов А.С. Пушкина и В.И. Даля, к сожалению, посвящено немного исследований. Имеющиеся материалы, в числе которых работы А.Г. Алятиной [Алятина 2017], Г.Л. Гуменной [Гуменная 2018], Ю. Майоровой [Майорова 2016], Н.С. Сербиной [Сербина 2015] и др., открывают новые горизонты для исследовательского поиска. Они позволяют восполнить страницы истории отечественной литературы, культуры, выявить внутренние связи в историко-литературном процессе, обнаружить истоки изучения языковых явлений.

Известно, что споры о русском языке, его словарном составе, отношении к заимствованным и просторечным словам и т.д. были неотъемлемой частью жизни XVIII-XIX веков. Полемика Н.М. Карамзина и А.С. Шишкова представляла собой скорее борьбу крайностей в теории, но не на практике. Позже внимание к русскому языку как особому явлению возникает у А.С. Пушкина, привнесшего в него ту равнодействующую языкообразующую силу, которая организовала русский язык как поистине национальное выражение сложившейся русской культуры в ее мировом значении [Орлов 1937: 25]. Путь А.С. Пушкина как исследователя и «оформителя» русского литературного языка был долгим и укладывался, кажется, во всю жизнь. Постепенно отказываясь от карамзинских традиций, принятых в «Арзамасе», будущий гений вырабатывал свои принципы, более

гармоничные, нежели у «шишковистов» и «карамзинистов». Творя оригинальную, «пушкинскую» систему литературного языка, он, как указывает А.С. Орлов, не ограничивался явлениями литературы, но принимал во внимание и живой язык быта [Орлов 1937: 25-26]. Писатель считал, что просторечия, образцы настоящей жизни народа в словесной форме – это не меньшее искусство, чем высокопарные, сложные слова, заимствованные из европейских языков. Главным, лучшим, первостепенным качеством литературного языка А.С. Пушкин смело называл его простоту, «прозаическую свободу».

Обратим внимание на то, что в 1819 году, когда А.С. Пушкину как одному из членов «Арзамаса» было двадцать лет, юный выпускник Морского кадетского корпуса В.И. Даль начинает работу над монументальным опытом русского языкознания – «Толковым словарём живого великорусского языка». В воспоминаниях П.И. Мельникова-Печерского приводится следующий факт: когда В.И. Даль был ещё ребёнком, ему *«всегда казалось странным, от чего это люди, получившие образование, говорят по-русски не так, как говорят простолюдины»* [В.И. Даль и Общество любителей российской словесности 2002: 10]. Язык народный был для него более ясным, кратким, чётким способом выражения мысли, тогда как русская грамматика казалась странностью, будто её «взяли да и втиснули в латинские рамки, склеенные немецким клеем» [В.И. Даль и Общество любителей российской словесности 2002: 11]. Ревностное отношение В.И. Даля к словарному составу русского языка, желание сочетать в нём не только привычные образованному меньшинству выражения, но и речь простого населения – всё это роднило ещё совсем молодого человека, будущего писателя и исследователя, с уже вполне проявившим себя поэтом – А.С. Пушкиным.

Пройдёт более десяти лет, прежде чем эти великие люди познакомятся и встретятся лично. Как указывает И. Гашков, всего А.С. Пушкин и В.И. Даль виделись полдюжины раз [Гашков 2022], а их дружеское общение началось благодаря литературе. В начале 30-х годов XIX века В.И. Даль предстаёт уже в качестве писателя, сказочника Казака Луганского, автора книги «Русские сказки, из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные казаком Владимиром Луганским. Пяток первый». О своих сказках В.И. Даль так писал позже: *«Не сказки сами по себе мне важны, а русское слово, которое у нас в таком загоне, что ему нельзя показаться в люди без особого предлога и повода – сказка послужила поводом. Я задал себе задачу познакомить земляков своих сколько-нибудь с ародным языком и говором, которому раскрывался такой вольный разгул и широкий простор в народной сказке»* [Цит. по: Головкин 2021]. К сожалению, известным на всю страну сборник сказок не стал: его тираж

почти полностью был арестован. Тем не менее один из уцелевших экземпляров сам автор лично вручил А.С. Пушкину, уже именитому литератору. Восхищённый сказками, созданными по лучшим образцам народного творчества, А.С. Пушкин смеялся и хвалил их автора, а позже подарил ему рукопись уже своей «Сказки о рыбаке и рыбке» с красивой надписью: *«Твоя отъ твоихъ! Сказочнику казаку Луганскому, сказочникъ Александръ Пушкинъ»* [Рукою Пушкина 1935: 725]. Общие друзья подтверждали, что это знакомство переросло в обоюдную помощь при работе как над литературными произведениями, так и над исследовательскими трудами.

Наиболее плодотворной считается встреча В.И. Даля и А.С. Пушкина, состоявшаяся в 1833 году. Желая отыскать и преломить в своём творчестве следы Пугачёвского восстания, А.С. Пушкин приезжает в Оренбург, В.И. Даль в это время приглашён главным начальником Оренбургского края В.А. Перовским на службу. Исследователи отмечают, что 18 сентября 1833 года В.И. Даль и А.С. Пушкин встречаются в Оренбурге и начинают путешествие по «пугачёвским местам». Вместе записывая примеры говора местных жителей, пословицы и песни, они за пару дней собирают такое количество материала, что его хватает и на «Историю Пугачевского бунта» (1833-1834) и «Капитанскую дочку» (1833-1836) А.С. Пушкина, и на «Сказку о Георгии Храбром и о волке» (1836) и фрагменты «Записок о Пушкине» В.И. Даля. Утром 20 сентября А.С. Пушкин уезжает, друзья вновь расстаются на неопределённое время. Короткое пребывание В.И. Даля и А.С. Пушкина в Оренбурге навсегда вписано в историю этого города. Известно, что в 1870-е годы в Оренбурге написана икона святых чудотворцев Космы и Дамиана, прообразами для которых послужили гостившие в губернии писатели, а в 1998 году на пересечении улиц Советской и Краснознамённой к 250-летию основания города Оренбурга и в преддверии 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина открыт памятник, который называется «Памятник А.С. Пушкину и В.И. Далю».

Следующая значимая встреча происходит в декабре 1836 года тоже не без участия чиновника В.А. Перовского, выхлопотавшего поездку в Санкт-Петербург по служебным делам. Как указывает П.И. Мельников-Печерский, в этот раз А.С. Пушкин из разговора с В.И. Далем узнаёт, что шкурка, которую ежегодно сбрасывают с себя змеи, называется по-русски *выползина* [В.И. Даль и Общество любителей российской словесности 2002: 27]. Это ранее неизвестное слово производит большое впечатление на великого поэта, причём такое, что он восклицает: *«Да, вот мы пишем, зовёмся тоже писателями, а половины русских слов не знаем! Какие мы писатели? Горе, а не писатели! А по-французски так нас взять – мастера»* [Цит. по: Гашков 2022]. Примечательно также, что после этого разговора А.С. Пушкин

называет так свой новый сюртук, в котором обещает написать ещё много произведений. К сожалению, именно в этой «выползине» через несколько недель поэт будет смертельно ранен на дуэли на Чёрной речке.

Днём 28 января (по старому стилю) 1837 года от знакомого В.И. Даль узнаёт страшную новость: его друг, «солнце русской поэзии», А.С. Пушкин умирает. Самого В.И. Даля никто не приглашает навестить раненого, он приезжает сам и становится тем, кто слышит последние слова великого поэта. «Записки В.И. Даля о смерти А.С. Пушкина» посвящены этому горькому и страшному событию. *«Я подошел к болящему, – фиксирует в «Записке» В.И. Даль, – он подал мне руку, улыбнулся, и сказал: «Плохо, брат!» Я присел к одру смерти – и не отходил, до конца страстных суток. В первый раз Пушкин сказал мне «ты». Я отвечал ему также – и побратался с ним за сутки до смерти его, уже не для здешнего мира!»* [Записка доктора В.И. Даля 1916: 65]. Будучи военным врачом, В.И. Даль наблюдает за состоянием умирающего, ведёт дневник, а позже участвует и во вскрытии. Умирающий поэт дарит другу и ту самую выползину, в которой красовался в декабре, и свой талисман – перстень с изумрудом. Через время В.И. Даль напишет князю В.Ф. Одоевскому: *«Теперь перстень Пушкина для меня настоящий талисман. Как гляну на него, пробежит по мне искорка и хочется приняться за что-нибудь порядочное»* [Цит. по: Головкин 2021]. Вместе с В.А. Жуковским, учителем и наставником А.С. Пушкина, В.И. Даль дежурит у постели умирающего в последние часы и минуты его жизни, изо всех сил приободряя его. *«Жизнь кончена. Тяжело дышать, давит», – такими были последние слова А.С. Пушкина. О смерти великого поэта собравшимся сообщил его преданный друг, писатель и лексикограф, врач В.И. Даль* [Записка доктора В.И. Даля 1916].

«Солнце нашей поэзии закатилось!» – писал В.Ф. Одоевский. В.И. Даль, благословлённый А.С. Пушкиным, прожил ещё долгие годы и смог применить подвиг своего великого современника в области русской грамматики, закончив и издав великий труд, до сих пор не превзойдённый, – «Толковый словарь живого великорусского языка». Как отмечает И. Головкин, первое слово для словаря В.И. Даль записал совсем юным, когда направлялся к месту службы. *«“Замолаживает, однако”! – сказал ямищик и указал кнутом на хмурое небо <...> Последние четыре новых слова, услышанные от прислуги и уже не вошедшие в словарь, В.И. Даль зафиксировал уже будучи прикованным к постели, за неделю до смерти»* [Головкин 2021]. Как и А.С. Пушкин, он посвятил всю жизнь любимому делу – исследованию русского языка, устной и письменной речи.

С безвременной кончины А.С. Пушкина прошло почти 190 лет, словарь под авторством В.И. Даля является самым уважаемым среди толковых словарей. Современный русский литературный язык сочетает те языковые

единицы, которые люди XIX века завещали следующим поколениям. Изучение истории взаимоотношений В.И. Даля и А.С. Пушкина позволяет заметить, что их контакты привели к обогащению «Толкового словаря живого великорусского языка», а личные встречи в Санкт-Петербурге и Оренбурге выразились в литературных произведениях этих великих авторов.

Литература и источники

1. Алятина А.Г. А.С. Пушкин и В.И. Даль: друзья и коллеги // Пушкин, Россия, Оренбург: движение во времени: сборник статей / ред. А.В. Федорова – Оренбург: Оренбургский государственный аграрный университет, 2017. – С. 35-42.
2. В.И. Даль и Общество любителей российской словесности: сборник / отв. ред. В.П. Нерознак, сост. Р.Н. Клеймёнова. – Санкт-Петербург: Златоуст, 2002. – 312 с.
3. Гашков И. «Половины слов не знаю»: чем Владимир Даль удивил Александра Пушкина [Электронный ресурс] // ТАСС – Федеральное государственное унитарное предприятие «Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС)». – Москва, 2022. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/14816235> (дата обращения – 08.05.2023).
4. Головкин Н. Пушкин и Даль: три встречи [Электронный ресурс] // Столетие – информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы. – Москва, 2021. – Режим доступа: https://www.stoletie.ru/kultura/pushkin_i_Dahl_tri_vstrechi_183.htm#comment (дата обращения – 07.05.2023).
5. Гуменная Г.Л. А.С. Пушкин и В.И. Даль: эпизод из истории творческого взаимодействия // Болдинские чтения: 2018, Болдино, 12–14 сентября 2017 года. – Болдино: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2018. – С. 76-83.
6. Записка доктора В.И. Даля. Пушкин и его современники: материалы и исследования / комис. для изд. соч. Пушкина при отд. рус. яз. и словесности Импер. акад. наук. – Петербург, 1916. – Вып. 25/27. – С. 64-71.
7. Майорова Ю. 46 часов у смертного одра. Как Даль пытался спасти умирающего Пушкина [Электронный ресурс] // Life.ru – информационный портал. – Москва, 2016. – Режим доступа: <https://life.ru/p/935187> (дата обращения – 07.05.2023).
8. Орлов А.С. Пушкин – создатель русского литературного языка // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / ред. Ю. Г. Оксман. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937. – Вып. 3. – С. 23-42.
9. Рукою Пушкина: несобранные и неопубликованные тексты. – Москва; Ленинград: Academia, 1935. – С. 725–726.
10. Сербина Н.С. Пушкин и Даль: лики иконы XIX века // Вестник Оренбургской духовной семинарии. – 2015. – № 2(4). – С. 178-180.

*Хомякова Е.С.,
аспирант, НИУ «БелГУ», г. Белгород
Науч. рук. – Чумак-Жунь И.И.,
д. фил. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

ОБРАЗЫ ДОМА И САДА В ПОЭЗИИ Б.А. АХМАДУЛИНОЙ

Аннотация. Статья посвящена анализу семантики хронотопических образов дома и сада в поэтическом творчестве Б.А. Ахмадулиной. Семантическое наполнение рассматриваемых единиц убеждает, что они являются аксиологически значимыми в

авторской картине мира. Описание пространственных образов позволяет реконструировать фрагменты индивидуальной-авторской картины мира, выявить особенности репрезентации анализируемых явлений.

Ключевые слова: художественное пространство, художественный образ, семантика образа, лексическое значение, языковая личность.

Summary. The article is devoted to the analysis of the semantics of the house's and garden's chronotopic image in the poetic texts by B.A. Akhmadulina. The axiologically significant images become a translator of the author's world view. The description of space images helps to reconstruct some fragments of the author's individual world view.

Keywords: literary space, literary image, image semantics, lexical meaning, language personality.

Образы дома и сада – одни из смысловых и сюжетных доминант русской литературы. Почитание их восходит к древнейшим временам, а сами образы представляют широчайшую понятийную палитру, как и их элементы (деревья, цветы, плоды; внешний вид дома и его внутреннее убранство). Кроме того, дом и сад рассматриваются как «ближайшее» пространство человека, где сосредоточена не только его физическая, но и духовная жизнь.

В денотативном значении слова *дом* репрезентируется пространственная сема. В поэзии Б.А. Ахмадулиной эта лексема реализует все основные значения, зафиксированные в толковых словарях:

Дом 1. Здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения учреждений и предприятий. 2. Жилое помещение, жилище, квартира. 3. Место постоянного проживания человека, характеризующееся какими-л. отношениями между всеми членами семьи, определённым бытом, укладом хозяйства и т.п. 4. Устар. Род, фамилия. 5. В составных названиях различных учреждений, заведений [Большой академический словарь русского языка 2006: 245].

Однако несомненно, что в исследуемом нами творчестве Б.А. Ахмадулиной концепты 'Сад' и 'Дом' маркированы индивидуально-авторски.

Так, в поэтическом творчестве Б.А. Ахмадулиной концепт 'Сад' символически связан с образом дома:

«Дом выпранный на берегу залива.

В саду – гамак»

(«Дом с башней»);

«Я – в доме, дом – в саду, сад – в сырости овражной»;

«Пугались дом и сад».

(«Палец на губах»);

«Два дома, говорю, два сада он имел...»

(«Гребенников здесь жил. Он был богат и плут...»).

В стихотворении «Дом с башней» образы дома и сада выступают как «местообразующие объекты» [Топоров 1983: 241] и «ностальгический образ-символ эпохи» [Аведова 1999: 23]. Они служат частью пространства, притягательной для Б.А. Ахмадулиной своими культурными отсылками. Это разрушенное и поправное бытие. Сад и дом создают образ связи настоящего

времени и времени утраченного (гамак в саду и его ужасная дырявая сеть ассоциируются с утраченным временем, с потерями прошедших лет). Лирическая героиня ощущает связь с домом и садом, а значит, и с прошлым. Так, главный символ стихотворения – *дом* – назван «выспренным», «вычурным замком». На первый взгляд, эти эпитеты несут пейоративную коннотацию, но с другой стороны, именно они служат знаком единства лирической героини с домом и садом, с тем временем и укладом, к которому они отсылают.

Кроме того, стоит обратить внимание на уже упомянутый эпитет – **выспренный** дом. Одно из его значений – ‘высокопарный’, что заставляет вспомнить автохарактеристику Ахмадулиной собственного слога: «высокопарнейший мой суффикс» («Чужая машинка»). Эта деталь удивительным образом роднит ее лирическую героиню с описываемыми пространствами дома и сада.

Образ сада персонифицирован, предстает как одушевленное существо, сопереживающее героине, разделяющее ее чувства: *«Дом, сад и я – втроём причастны тайне важной»*. Кроме того, обладание садом воспринимается лирической героиней как некий идеал:

*«За этот ад,
за этот бред
пошли мне сад
на старость лет»*
(«Сад-всадник»).

Она считает сад достойной наградой за все муки, пережитые на земле.

Но образы дома и сада соотнесены не только во времени их существования, их связывает и общая гибель: *«Прощай, всё минет: дом и сад»* («Помысел о Прусте»).

Однако мы выявили и ряд коннотативных смыслов, которые часто раскрываются через оппозиционные отношения. Пространства дома и сада часто противопоставлены: дом символизирует закрытое пространство, сад – открытое:

*«...жить в замкнутости дома и семьи,
расширенной прекрасным кругом сада»*
(«Случилось так, что двадцати семи...»).

Такое изображение противопоставлено традиционному образу дома-защитника, за пределами которого царит враждебный мир, природная стихия. У Б.А. Ахмадулиной контекстные партнеры образа сада – «справедливая природа», которая «добра», «здоровая» трава, «чистые душой» растения. Эти эпитеты создают образ сада, положительно воспринимаемый героиней. Дом же связан с уединением и одиночеством лирической героини («дверь моего уединенья»). В контексте этого стихотворения не упоминаются близкие люди, а героиня «выздоровливает» благодаря ощущению близости сада.

Более того, Б.А. Ахмадулина отдает предпочтение именно саду: будучи воплощением природы, естественности, он противопоставлен дому как живое – мертвому:

*«Сочтёт ли сад природой мёртвой,
снаружи заглянув в стекло,
собрание рухляди аморфной
и нерадивое стило?»
(«Поездка в город»).*

Тем не менее образы дома и сада символически объединены еще одним аспектом. Их пространства для лирической героини – место не проживания, а уединения, духовной жизни:

*«...дом – не для житья, что сад – не для оброка,
что дом и сад – для слёз, для праведных трудов»
(«Палец на губах»).*

Лирическая героиня, дом и сад выступают здесь как равноправные действующие лица. Их совместная жизнь и сопричастность самодостаточны, им не нужны чужие: «Не ждали мы гостей, а наезжали если – // дом лгал, что он – простак, сад начинал грустить...». Красота пространства дома и сада оценивается как гармоничное единство:

*«Я шла и отворяла
калитку в нижний мир, где обитает тень,
чтоб видеть дом и сад из глубины оврага
и больше ничего не видеть, не хотеть».
(«Палец на губах»).*

Дом в этом стихотворении перерастает узкое бытовое значение ‘жилище’, ‘собственность’ (хозяин дома и сада «так и не узнает, какие дом и сад ему принадлежат»). Этот образ оживлен и одухотворен, что подчеркивается характеристикой – «беспризорный сад» и «бездомный дом». Иными словами, сад и дом существуют будто сами по себе, они свободны от власти хозяина, ощущают свое предназначение:

*«Знал беспризорный сад и знал бездомный дом,
что дом – не для житья, что сад – не для оброка,
что дом и сад – для слез, для праведных трудов».
(«Палец на губах»).*

Дом и сад объединены общей тайной – их прошлым, но к ней причастна и лирическая героиня: все они знают о Той, кому когда-то по-настоящему принадлежали дом и сад. Качественная характеристика героини строится как раз на ее приятии домом и садом: в основе их «тройственного союза» лежит стремление к красоте, к высокому, к творчеству. Из этого вытекает любовь друг к другу, которая как бы объединяет их троих в круг любви и красоты:

*«К делам других садов был сад не любопытен.
Он в золото облек тот дом внутри со мной
так прочно, как в предмет вцепляется эпитет.
(В саду расцвел пример: вот шар, он – золотой)».
(«Палец на губах»).*

В стихотворении «Пока клялись беспечные снега...» создается образ лирического героя, переживающего творческий кризис. Подавленный собственным бесплодием, он «все отринул, что грозит блаженством»:

*«И проклял он родимый дом и сад,
сказав: – Как страшно просыпаться утром!
Как жжется этот раскаленный ад,
который именуется уютом!
Он жил в чужом дому, в чужом саду...»
(«Плохая весна»).*

В приведенном контексте значима оппозиция: свое, «родимое» – чужое, причем образы дома и сада оказываются в одном ряду, их пространства слиты для лирического героя в одно целое. Отказываясь от одного, он уходит и от другого.

Таким образом, образы дома и сада в мировосприятии и поэтическом пространстве Б.А. Ахмадулиной сохраняют свой универсальный архетипический характер. Однако в контексте ее творчества они наполняются ярким символическим смыслом: оказываются связаны с прошлым, подчеркивают связь героини с безвозвратно потерянным временем, ее одиночество, проявляющееся в более тесной связи с окружающим пространством, чем с людьми. Образы дома и сада часто становятся центральными персонажами лирики Б.А. Ахмадулиной, трансляторами аксиологической системы координат языковой личности и авторской картины мира.

Литература и источники

1. Аведова И.В. Жанровая система поэзии Беллы Ахмадулиной: Автореф. дис. ... канд. фил. наук [Электронный ресурс]. – Тверь, 1999. – Режим доступа: http://www.irbis.gnpbu.ru/Aref_1999/F0002462.pdf
2. Алешка Т.В. Стихотворение Беллы Ахмадулиной «Дом с башней»: пространство, время, текст. Профессия: литератор. Год рождения: 1937: коллективная монография. – Елец: Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина, 2017. – 204 с.
3. Большой академический словарь русского языка. – Москва; Санкт-Петербург: Наука, 2006. – Т. 5. – С. 245.
4. Иванова А.С. Концептосфера лирики Б. Ахмадулиной [Электронный ресурс] / А.С. Иванова, Н.А. Чернявская // XV Королевские чтения: междунар. молодеж. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Д.И. Козлова: сб. тр.: 8-10 окт. 201. – Министерство науки и высш. образования Российской Федерации, Самар. нац. исслед. ун-т им. С.П. Королева (Самар. ун-т) / Науч. ред. М.А. Шлеенков. – 2019. – Т. 2. – С. 785-786.
5. Карасик В.И. Символические концепты // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2009. – № 11. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolicheskie-kontsepty>
6. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. – Москва, 1983. – С. 227-284.
7. Штайн К.Э., Петренко Д.И. Русская метапоэтика: Учебный словарь. – Ставрополь: СГУ, 2006. – 601 с.

МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКА ОВД СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКА СЛОВАРЯ ДАЛЯ

Аннотация. В статье анализируются особенности толкования этических понятий, лежащих в основе деятельности сотрудников ОВД. На примерах словарных текстов дается характеристика таких доктринальных принципов как справедливость, законность, патриотизм и гуманность.

Ключевые слова: справедливость, законность, патриотизм, гуманность, образец поведения.

Summary. The article analyzes the peculiarities of the interpretation of ethical concepts underlying the activities of police officers. Using examples of dictionary texts, the characteristics of such doctrinal principles as justice, legality, patriotism and humanity are given.

Key words: justice, legality, patriotism, humanity, model of behavior.

В формировании кадрового потенциала должного «качества» значимую роль играет моральная подготовка – освоение сотрудниками полиции сущности совокупности моральных категорий и принятие их как предельно важных характеристик собственного облика и поведения.

При изучении Кодекса этики и служебного поведения сотрудника ОВД в первую очередь характеризуется профессиональная этика как наука, изучающая профессиональную мораль, а для освоения сущности морали анализируются ее функции. Рассматриваются оценивающая, познавательная мировоззренческая, воспитательная и регулирующие функции. Здесь, с нашей точки зрения, особенно важным видится приведение ярких примеров, образцов поведения, которые будут способствовать осмыслению, а часто и переосмыслению обучающимися собственного отношения к моральным категориям.

Для обучающихся формулируется личностный образец поведения – «для индивида или группы это будет образ человека» (сотрудника ОВД), «который должен служить или фактически служит для этого индивида или для этой группы объектом притязания» [Оссовская 1987: 29]. Источником образов может послужить сформировавшийся дискурс искусства. Так, мы можем привести признанные обществом образы офицера (например, Алексея Трофимова и Ивана Вараввы – из фильма 1971 года «Офицеры» режиссера Владимира Рогового) или сотрудников ОВД (как действительные – Ивана Дмитриевича Путилина, так и собирательные – Степана Степанова Сергея Михалкова или Глеба Жеглова и Володи Шарапова братьев Вайнеров и др.). В иных случаях может формулироваться образ человека, который будет вызывать не восхищение, а отвращение – антиобразец, поскольку в развитии индивидов и целых групп отмежевание от чего-либо играет нередко не меньшую роль, чем притягательность вымышленных или реальных личностей [Оссовская 1987: 30]. Так, яркими образцами служат чиновники николаевского времени, нравам которых были не чужды казнокрадство, взяточничество, невежество и произвол (вспомним пьесу Н.В. Гоголя «Ревизор»).

При формулировании данных личностных образцов необходимо помнить, что «следует различать образцы пропагандируемые и образцы признаваемые, «внедрение» и восприятие образцов» [Оссовская 1987: 31]. Обучающиеся будут особенно чувствительны к восприятию образа человека, которого ценят. Такому образу индивид или группа будет подражать, и такое подражание может быть или потому, что личность привлекает, или потому что хочется достичь такого же результата, какого удалось достичь этому человеку. «Одинаковость целей под влиянием одинаковых стимулов ведет к одинаковому поведению» [Оссовская 1987: 35].

Вопросы раскрытия значения главных доктринальных принципов современной литературы по проблемам профессиональной этики также не теряют своей актуальности.

Доктринальными принципами являются принцип гуманизма, патриотизма, законности, толерантности, справедливости. Поскольку восприятие информации у нас происходит образами, то для объяснения значения данных принципов на занятиях можно обратиться к языку народа, культурному дискурсу. Все категории лежат в основе развития социума. Их толкование помогает понять, как относятся к данным категориям граждане, что они ждут (ожидают) от сотрудника охраны правопорядка.

Принцип гуманизма.

Очевидно, что понятия гуманизма нет в словаре Даля, однако обратимся к значению слова. «Гуманизм – гуманность – человечность – человек». У Даля толкование понятия человек исчерпывающе показывает роль «человека разумного» в обществе. Так в словарной статье «Человек» говорится, что «человек отличается от животного разумом и волей, нравственными понятиями и совестью». Словарные статьи Даля часто построены на противопоставлении понятий. В пояснении к понятию «человечность» Даль утверждает, что «грубость нравов – упрек человечеству». Человеку свойственны «милосердие, любовь к ближнему, сочувствие». С другой стороны, толкуя бесчеловечность, мы можем процитировать: «В нем нет человечества, людскости. Всяк ненавидяй брата своего человекоубийца есть».

Категория *патриотизм* отражена в словарной статье «Патриот – Патриотизм». На фоне того, что сегодня понятие «патриотизм» в России приобретает в некоторых случаях отрицательную окраску, у Даля дается полное и однозначное положительное описание понятия: «любовь к отчизне».

Нравственная категория *законность* всегда была предметом осмысления в русском национальном сознании, что отражается в большом количестве пословиц и поговорок. Так, сущность понимания этой категории отражается в словаре Даля и не теряет своей актуальности до сих пор. С одной стороны, Даль говорит о законе как о предписании, которое выполняется на Руси по характерному сценарию: «закон, что дышло...», поскольку, а с другой – как о нравственной категории, которой должен следовать человек. «ЗАКОН – м. (чем дело закончено) предел,

постановленный свободе воли или действий; неминуемое начало, основание; правило, постановление высшей власти». «Если бы не закон, не было бы и преступника. Дураку закон не писан. Нужда закона не знает (а через шагает). Закон паутина: шмель проскочит, муха увязнет. То-то и закон, как судья знаком! Закон дышло: куда хочешь, туда и воротишь (туда и вышло). На людей законы, а на себя рассуждение».

Толерантность – социологический термин, обозначающий терпимость к иному мировоззрению, образу жизни, поведению и обычаям.

Самое близкое понятие к толерантности – это терпение. У Даля: «В терпении является сила и величие духа, терпение же есть признак кротости, смирения, снисхождения. Терпенье исподволь свое возьмет. Китаец терпением берет. Терпеливый, начальник, учитель, спокойный, рассудительный, великодушный, снисходительный. Терпимость, свойство, качество. Терпимость вер, разных исповеданий. Терпимость личных убеждений».

Анализ показывает, что самое близкое понятие к *справедливости* – истина.

У Даля в двух словарных статья встречается ссылка на слово «справедливость» (в статье «Истина и правда»). Понятие «истина» является одним из ключевых слов русской культуры. Ни в одном языке мира нет точного аналога русскому слову «истина». Синонимом в других языках ему служит слово «правда». Но как объяснить пословицу «Истина хороша, да и правда не худа»? Мы говорим: прописная истина, святая истина, горькая истина, устами младенца глаголет истина.

Маркером духовности в преломлении правоохранительных органов является справедливость как преломление (защита) правды. Понятие «справедливость» встраивается в оценки Далем нравственных координат в оппозиции: «правый – истинный, истый, противоположно ложный»

Поскольку в задачи образования входит формирование думающих и мыслящих кадров, с нашей точки зрения, имеет смысл иллюстрировать принцип справедливости строками из стихотворения М. А. Светлова «Итальянец»: «Я не дам свою родину вывезти За простор чужеземных морей! Я стреляю – и нет справедливости Справедливее пули моей!» Здесь поэту по-человечески жаль и погибшего юношу, и его родителей, обреченных на одинокую старость, но это нисколько не отменяет самого главного – «нет справедливости справедливее пули моей».

Так, Ю. И. Семенов во Введении в науку философию оспаривает точку зрения, что необходимым условием объективности является нейтральная позиция, считая, что для обеспечения объективности подхода необходимо стать на позиции общественной группы, интересы которой требуют объективности. Ибо нельзя жить в обществе и быть свободным от общества. Ученый подчеркивает, что познание социальных явлений неизбежно предполагает их оценку [Семенов Ю.И., с. 113].

Таким образом, поэтический дискурс богат примерами, которыми можно иллюстрировать важность моральной оценки целей деятельности сотрудника ОВД.

Овладение и принятие моральных категорий сотрудниками ОВД, осознание моральных норм, принципов и ценностей, лежащих в основе их профессиональной деятельности, является насущной необходимостью, поскольку сотрудник в процессе выполнения служебных задач часто оказывается в экстремальных ситуациях. Осознание полицейским важности своей миссии будет способствовать повышению эффективности сотрудника и улучшению всей правоохранительной системы в целом.

Литература и источники

1. Вайнер А.А. Эра милосердия: Роман / А.А. Вайнер. – Москва: Воениздат, 1976. – 384 с.
2. Гоголь Н.В. Ревизор: комедия в пяти действиях / Н. В. Гоголь. – Тверь: Мартин, сор. 2017. – 157 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / В.И. Даль; совмещ. ред. изд. В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ. – Москва: Олма-Пресс: Крас. пролетарий, 2004. – 700 с.
4. Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исслед. по истории морали: Пер. с польск. / Общ. ред. А. А. Гусейнова; Вступ. ст. А. А. Гусейнова и К. А. Шварцман. – Москва: Прогресс, 1987. – 528 с.
5. Семенов Ю.И. Введение в науку философии [в 6 кн.] кн. 5: Проблемы истины. Мышление, воля и мозг / Ю. И. Семенов. – Москва: URSS, 2013. – 2013. – 229 с.

Научное издание

Дали Даля

Сборник статей

по материалам Всероссийской (с международным участием)
научно-практической конференции молодых учёных
«Далевские чтения»,
посвящённой Дню славянской письменности и культуры

15-17 мая 2023 г.

Подписано в печать 04.07.2023. Формат 60×84/16.
Гарнитура Times New Roman. Усл. п. л. 8,81. Тираж 100 экз. Заказ № 83.
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ООО «ЭПИЦЕНТР»
308010, г. Белгород, ул. Б. Хмельницкого, 135, офис 40